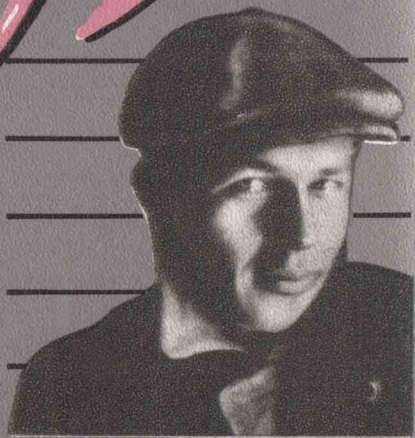

С Е Р И Я

*Наша
Земля*

Документально-художественная повесть в письмах, воспоминаниях, раздумьях, стихах и рисунках посвящена одному из интереснейших советских художников-графиков, уроженцу города Асбеста Н. М. Аввакумову

А. ЧЕЧУЛИН

Н. АВВАКУМОВ

В 1989 году в серии
«Наши земляки»
выйдет книга

А. Омельчука

«К. Д. НОСИЛОВ»

О ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ
ПУТЕШЕСТВЕННИКЕ —
ПАТРИОТЕ СЕВЕРА,
ПИСАТЕЛЕ,
КНИГИ КОТОРОГО
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
ЧИТАЛА ВСЯ РОССИЯ,
ОБ ИНИЦИАТОРЕ
ПЕРВОЙ СОВЕТСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ НА
ПОЛУОСТРОВ ЯМАЛ.

С Е Р И Я

Наши
Земляки

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1988

А.И.ЧЕЧУЛИН

Н.АВВАКУМОВ

ББК 85.153 (2)
Ч-57

Ч $\frac{4901000000-080}{M158 (03)-88}$ 83-88

ISBN 5-7529-0087-5

© Средне-Уральское
книжное издательство, 1988.

ВЕЧЕР В ЛЕФОРТОВО

Ему неожиданно полегчало.

Врачи, носившие под белыми халатами офицерские погоны, натянуто улыбались, давая понять, что болезнь развивается нормально. А молоденькая медсестра, вчерашняя выпускница школы, плакала, забившись в угол. Даже ей, медицинской невежде, был ясен последний анализ крови...

Аввакумов врачей не понял и попросил принести в бокс книги о творчестве Курбе, Милле, монографии о русских художниках и еще, если можно, карандаши, большую тетрадь, стирательную резинку.

...Он читает газеты, подчеркивая понравившиеся места. Одобрительно кивает, когда нянечка оставляет включенным радио,— начинается спортивная передача.

Ему разрешают выпить рюмку виноградного вина. Пробует встать, подойти к окну. Декабрь переполнен снегом. Много снега. Какое счастье жить...

Но вот голова бессильно откинулась на подушку.

Подозвал к себе Бориса Пророкова, протянул холодящую руку:

— Все понятно...

Аввакумов замер на полуслове.

Минувшим летом ему исполнилось тридцать семь.

В конце девятнадцатого века на восточных отрогах Уральских гор, в междуречье быстрой Пышмы и неторопливого Рефта, были открыты богатейшие залежи асбеста. Месторождение, расположенное неподалеку от станции Баженово Транссибирской магистрали, получило название Баженовского и вскоре обрело широкую известность. Оно было первым в России, имевшим важное промышленное значение. Его открытие стоит в одном ряду с открытием на Урале золота и изумрудов.

Горный лен, как еще называют волокнистый минерал, вскоре завоевал отечественный рынок и нашел сбыт за границей. Асбестовые предприятия, фирмы и посреднические конторы открывались не только в Екатеринбурге, но и в Москве, Риге, Одессе, Херсоне. В одном только Петербурге действовало семь асбестовых компаний, принадлежавших иностранцам. Прииски на Урале оказались в основном в руках зарубежных воротил. Ежегодно здесь шла бешеная купля-продажа участков с запасами ценного минерала. Одни хозяева обогащались, другие становились банкротами.

Отстраивали пышные особняки в обеих российских столицах асбестовые магнаты бароны де Сукантоны, давали роскошные балы в Париже, Вене и Лондоне Мейснеры, Викели, Максвеллы. На весь Урал кутили наследники Поклевского-Козелл. Росли счета промышленников в русских и зарубежных банках.

Одно не менялось — положение добытчиков горного льна: скудное жалованье, холодные казармы, болезни, изнуряющий труд в забоях.

Жить так дальше становилось невозможно.

Шел 1905 год. Его грозное слово прозвучало и здесь, в уральской глухомани. Еще в мае собрались рабочие

на Рефте промыть косточки толстосумам, а в июне — удержу не было — заревел в ночной тишине гудок над карьером.

К дому, утонувшему в черемухе, где жил хозяин Корево, сходились мрачные толпы зимогоров и сезонников. Сколько их было — никто не считал. Вышел на балкон Павел Корево, крепкий, холеный барин, в далеком прошлом участник польского восстания против царизма, а теперь верный холуй самодержавия, и ахнул: «Убьют!»

Убивать его никто не собирался, но требования рабочие выдвинули серьезные: восьмичасовой рабочий день в карьере, повышение заработной платы, строительство сносного жилья...

— Хорошо, хорошо, братцы, — закивал Корево, — согласен я с вами, но и вы меня поймите. Должен подумать, дело такое впервые.

— Сейчас! — надрывалась толпа.

— Вот я и говорю, сам небогат, — извивался ужом Корево. — Все должно быть по закону. Верно, ребята?

Тем временем его лазутчик Ахметка огородами уходил в сторону Белоярки, ведя под уздцы оседланную лошадь из барской конюшни. Честно выполнял господскую волю Ахметка, придурок, которого били направо и налево все, кому не лень. Но ведь именно ради таких Ахметок и началась борьба не на жизнь, а на смерть.

Утром в сонный поселок ворвалась конная сотня ингушей. Дикае сыны Кавказа арестовали зачинщиков бунта.

— Видите, что делается, господин Аввакумов, — назидательно говорил Корево приехавшему в то утро на прииск человеку военной выправки. — На глазах попирается закон. Дай мужичку палец, он всю руку отхватит. Имейте это в виду. Я у себя либералов не потерплю. Воспитывать надо кнутом.

— И вы, Фаина Игнатьевна, — обратился к спутнице

Аввакумова,— должны помочь. Ведь вы учительница, пусть с младых ногтей знают свое место.

Ясная синь небес сходила на уральские леса. Фаина Игнатьевна, не вслушиваясь в слова Корево, всматривалась в новый для нее пейзаж. Отныне ей здесь жить, учить ребятишек грамоте.

Родилась она в Верхнем Тагиле в семье Игнатия Кондратьева по прозвищу Владыка. Был он человеком грамотным, а это по тем временам большое дело, писал для всех жалобы и челобитные. В семье было тринадцать детей, и не учиться бы смышленной Фаинке, если бы не дядя Николай Александрович Шаньгин с Верх-Исетского завода, которому приглянулась расторопная девочка. Взял он ее на воспитание, а затем определил в гимназию.

В саквояже учительницы среди нехитрых женских вещичек и затейливых вышивок, на что была та мастерица, лежало свидетельство об окончании «мая 4 дня 1898 года» Екатеринбургской женской гимназии. Оценки сплошь «весьма удовлетворительно», то есть высший балл. «Сверх того в присутствии комиссии дала по предметам своей специальности: один урок по математике — весьма удовлетворительно (5) и по французскому языку два урока — весьма удовлетворительно (5)».

Незадолго до приезда сюда, в Кудельку, Фаина Игнатьевна обвенчалась в единоверческой церкви Верх-Исетского завода с отставным военным писарем Михаилом Михайловичем Аввакумовым.

Корево отвел им под жилье приличный дом с тремя комнатами, каркасный, засыпной, оштукатуренный и побеленный внутри и снаружи, а Фаине Игнатьевне под школу небольшое, но вполне подходящее помещение.

Михаил Михайлович получил назначение в контору прииска, где служил счетоводом. Грамотные люди требовались постоянно, и не потому, что росло производст-

во, а просто мало кто не спивался от такой жизни, не проматывал казенных денег, наиболее же умные никак не ладили с хозяином.

И началась жизнь Аввакумова в Кудельке.

24 августа 1908 года в семье Аввакумовых родился мальчик. Нарекли его Колей в память о Николае Александровиче Шаньгине.

Мальчонка был тихий, некрикливый, хлопот особых не доставлял. Его рождения ждали с волнением и тревогой, на то были серьезные причины. Коля был не первым ребенком в семье. Прежде него появился Сергей, родился он слепоглухонемым. И хотя любили его все, трагедия в семье была страшная. Прожил он недолго — двадцать с небольшим лет.

После Коли, как грибки из кузовка, посыпались с разницей в один-два года: Галя, Павел, Толя.

Лето 1914 года. Куделька, как неофициально называют асбестовые копи и разрозненные поселочки горняков Белоярской волости, живет привычной жизнью. Театральный кружок имени великого актера Волкова успешно ставит пьесы классиков, по воскресеньям играют духовые оркестры. Синематографа здесь не знают, довольствуются рассказами о движущихся картинах, которые показывают в Екатеринбурге.

Многолюдно стало на приисках. За лето только через контору Вознесенского рудника прошло 15 тысяч сезонников-крестьян из окрестных деревень, приехавших подзаработать денег до уборки урожая.

Каждое утро, нахлобучив на голову картуз с лаковым козырьком, поправив галстук, спешил Михаил Михайлович в контору. А Фаина Игнатьевна, накормив детей, управлялась на огороде, затем обучала Николку грамоте.

Когда Николка выучился читать, стал бегать к коробейнику дяде Васе. Книжки у него — глаз не оторвешь! Одни названия чего стоят! «Япанча — татарский наездник», «Солдат Яшка — красная рубашка, зеленые ластовицы», «Еруслан Лазаревич», «Гроза полицейских граф Листер» — читал с восторгом по слогам мальчишка, да вот купить их не на что.

— Ступай, ни к чему они тебе, — ворчал дядя Вася, — у матки твоей настоящие, а эти читать — мякиной голову забивать.

Ничего не понимал Николка. Дядю Васю он обожает, книжки у него с картинками — загляденье. А дядя Вася его гонит, видно, невзлюбил.

— Уймись, — утешала мать, подводя обиженное дитя к высокой этажерке. — Прав дядя Вася, жалеет он тебя. Почему? Да потому, что любит.

— Любит? — удивлялся ребенок. — Если бы любил, не жалел бы книжек своих. Знаешь, как Япанча на коне летает!

В доме Аввакумовых книг было много. Фаина Игнатьевна выписывала из уездного города произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Толстого, Короленко, Чехова, Горького, Метерлинка... Но Коле шесть лет, он предпочитает другие книжки. Застил ему взор Япанча — татарский наездник, уж больно славные картинки.

— Дурачок, — не обижается Фаина Игнатьевна, — давай-ка лучше почитаем «Аленушкины сказки».

Николка сразу притих. Сказки он любит, особенно эти, такие близкие и понятные. Знал он от матери, что Мамин-Сибиряк сочинял сказки на ее родине, про Висим мог слушать без конца.

Тяга к рисованию у Николки появилась с детства. Сел он однажды за большой мамин письменный стол и вполне сносно скопировал карандашом рисунок из «Ни-

вы». С тех пор срисовывал все, что мог. Страсть к рисованию была не единственной: Вихрем срывало его со стула, если слышал музыку на улице, песни зимогоров, озорные и грустные, нахальные и жалостливые.

Ой, что за веселье в поселке! Сначала в круг вылетала бойкущая красавица Агафья Курочкина, на ходу напевая:

Кабы я не сирота
Да мать моя не вдовушка,
Не была бы я така —
Отчаянна головушка...

Чернявый Фома Бондаренко, не то хохол, не то цыган, подтянув юфтевые сапоги, медленно двигался за девушкой. И вдруг, закрутив усы, басил:

Я ношу и не бросаю
Тросточку гранатую.
Никогда не променяю
Бедну на богатую.

Далее следовали друг за другом «Камаринская» и гопак. А если еще разжигали вечером костры, не налюбуйешься! И Коля всякий раз, когда звали домашние, чуть не плакал от обиды, что не дают досмотреть.

Бывало, вечерка срывалась. От Арестантской казармы двигалась ватага пьяных мужиков и парней. Сжимая в кулачищах жерди, они разухабисто горланили:

Я не сам, я не сам
С милочкой расстался.
Я несчастною судьбой
Расстался, милочка, с тобой.

С Карловки тоже спешила веселая толпа со своей частушкой:

Мы робята-ежики,
У нас в карманах ножики...

На присках был введен сухой закон, но пьяных не убывало. Жизнь ломала людей. Пили, а напившись, почему зря молотили друг друга.

Праздник гас. Плача, уходил Николка домой, не в силах понять, почему люди лупцуют друг друга жердями. Не все, конечно, но большинство. Никогда не вмешивался в драки Иван Васильевич Топорков, бывший старшина I статьи крейсера «Паллада», вернувшийся из японского плена. Только в крайнем случае трогал обидчиков богатырь Иван Алексеевич, звали его все на приисках Грозным. Сторонился драчунов и дядя Петя Тюстин, в будущем авиатор и большевик. Ребята тайком передавали, что пел он однажды царский гимн, но слова в гимне были незнакомые:

Сильный жандармами, славный казармами,
Царствуй на страх глупцам...

А еще в поселке играли оркестры, которые Николка бегал слушать по вечерам. На Вознесенском и Поклевском приисках духовая музыка звучала с 1908 года. Поклевский даже выписал профессионального капельмейстера Трофима Якимова, чтобы все было, как в больших городах.

Музыка... Коля Аввакумов еще не знает, что будет принят в Московскую консерваторию по классу вокала.

Любил Николка и спорт. Футбол, теннис и крокет привезли в поселок из Финляндии студенты-горняки Лангоф, Биода, Странстрем. Потому их фамилии остались в истории рабочего края. С футболом, теннисом Николай не расставался всю жизнь. Он одинаково хорошо плавал, стрелял, прыгал с парашютом.

СМОЛКЛИ ОРКЕСТРЫ

Наступил август, началась война. Позабирали горняков в армию. Не минула воинская повестка и счетовода Михаила Аввакумова.

Смолкли в Кудельке веселые песни, перестали играть духовые оркестры.

Николка старательно срисовывал из журналов военные картинки, особенно нравились ему те, на которых казаки пачками нанизывали на пики усатых немцев и австрияков.

В предзимье на прииски вернулся первый Георгиевский кавалер И. Е. Исаков. Вернулся инвалидом — обе руки искалечены осколками немецкого снаряда, не быть ему больше десятником сортировки. Плюнул на все Георгиевский кавалер и запил горькую.

Писем от отца не было.

На Вознесенский пригнали пленных. Их было человек четыреста — русины, словенцы, мадьяры, австрийцы, немцы, чехи... Мальчишки кружили вокруг Австрийской казармы, где поселили бывших солдат враждебных империий, уж очень хотелось повидать врагов отечества. Попадали. Люди как люди.

— Здравствуйте, русские мальчики, — заговорил с ними по-русски капрал Иосиф Бальцарен. — Я есть ваш друг.

Пацаны молча ковыряли в носках, разглядывая диковинные мундиры, фуражки и ботинки. Ничего страшного во врагах не нашли, а после и вовсе подружились: среди пленных оказались отличные спортсмены Ян Кубик и Ференц Гугали. Эти дядьки, как и зимогоры Кудельки, воевать не хотели. Но не в силах они пока изменить ход событий. А в чьих силах? Те, кто обладал властью, этого не хотели. Но события вызревали помимо их воли. Календарь отсчитывал поворотное в истории России время.

Отец вернулся с фронта в конце семнадцатого. Он словно стал ниже ростом, и без того неразговорчивый, совсем замкнулся в себе.

Ни к меньшевикам, ни к эсерам Михаил Аввакумов не ходил, но и к большевикам не примкнул. За гитару,

раньше любимую — с ней выступал в любительских спектаклях, не брался. Скупно интересовался детьми, не в пример Фаине Игнатьевне не хвалил Николку, день ото дня рисовавшего все лучше и лучше.

Еще в апреле большевики во главе с Давыдычем, так все звали слывшего ранее неблагонадежным Александра Давыдовича Ильина, окончательно взяли власть на приисках в свои руки, создав Совет рабочих депутатов. А теперь, когда победила пролетарская революция, Совет повыгонял хозяев. Время наступило веселое: красные флаги, многочасовые митинги, воззвания, наклеенные на заборах, оживленные собрания в клубе. Зимогоры почувствовали себя людьми. Невиданные надежды требовали защиты, и они, рабочие Кудельки, шли в кровавые бои, чтобы отстоять первое в мире социалистическое государство.

Летом 1918 года Куделька познала на себе ужасы гражданской войны. Белый карательный отряд нагрянул в поселок. Народные комиссары были схвачены. Всю ночь держали их под замком в клубе. Время от времени врывались туда каратели с нагайками и тешили душу кровавой расправой. Особенно жаль было Коле Аввакумову Давыдыча, который хорошо относился к их семье, всегда интересовался школьными делами, помогал учителям и детям.

Страх воцарился в доме Аввакумовых. Нет, не у них остановились на постой бородатые казаки, обошли стороной и офицеры, но рядом плакали дети и женщины — семьи арестованных большевиков и депутатов Совета.

Фаина Игнатьевна только за полночь успокоила ребятшек, а сама так и не прилегла. Как села у кухонного окна, так и просидела до рассвета, с тревогой думая о надвинувшейся на поселок беде. Занятая своими мыслями, не услышала, как из детской на цыпочках вышел

Николка. Он тоже не смог уснуть и теперь, прижавшись к матери, испуганно спросил:

— Их убьют, да?

Мать ласково погладила сына по вихрастой голове, успокоила:

— Что ты, Николушка, не посмеют.— Помолчала и добавила убежденно: — Не посмеют.

В соседней комнате предупреждающе кашлянул Михаил Михайлович, и разговор на кухне умолк: отец строго-настрого запретил обсуждать события минувшего дня.

Утром на прииск залетела конная разведка красных. В короткой схватке был убит белый офицер, и каратели в отместку решили расстрелять арестованных. Но, передумав, погнали их в Екатеринбург. Избитых казачьими плетями, раздетых мародерами, большевиков уводили каратели по Баженовской дороге. Стрекотали колыты по окрестным лесам, опасливо оглядывался конвой на мрачную тайгу.

Собравшиеся в огороде Аввакумовых мальчишки надеялись, что вот-вот из лесных чащоб вырвутся красные всадники и отобьют комиссаров. Но наши войска бились в другой стороне.

Что ожидает большевиков? Смерть? Тюрьма? Освобождение? На эти вопросы ответа не было.

С той поры Коля Аввакумов стал чуть-чуть заикаться. Через много лет признается он Давыдычу в своих детских страхах, на что старый большевик ответит просто:

— Война, сынок, кто кого...

Новые власти мобилизовали в свою армию в числе других мужиков и Аввакумова-старшего. И заплутал он на бескрайних путях-дорогах ожесточенной гражданской войны, которая сталкивала в смертельном бою отца с сыном, брата с братом.

Где-то в двадцатом дойдет до Асбеста случайная весть, что Михаил Михайлович умер от сыпняка в ом-

ском госпитале. Он разделил судьбу многих русских солдат, похороненных на сибирских просторах.

После разгрома белогвардейщины жизнь постепенно налаживалась, входила в берега. Правда, было голодно. Есть в русском языке выражение «лютый холод», к тому времени подойдет — «лютый голод».

Фаина Игнатьевна, у которой на руках осталось пятеро детей, буквально бедствовала. Она давно променяла на продукты суконные костюмы мужа, свое рукоделие, шторы, покрывала, даже золотую медаль — память о гимназии.

Помочь не мог и Давыдыч, сам ходил бледный от постоянного недоедания. На все запросы в Екатеринбург и Москву получали один ответ: «Ждите, помощь будет оказана...»

Голодающим горнякам помог сам Ленин. Не зря все-таки Александр Ильин посылал телеграммы в Москву.

В октябре 1921 года Советское правительство заключило договор о сдаче в иностранную концессию одного из предприятий Урала. Им оказался Алапаевский асбестовый рудник.

Вот как это было.

Член Президиума ВСНХ и председатель Главметалла Л. К. Мартенс, представляющий одно время Советскую Россию в США, сумел заинтересовать выгодным делом влиятельную американскую компанию. Сын главы компании и одновременно его компаньон побывал на Урале, а в августе 1921-го был принят Владимиром Ильичем Лениным.

14 октября Ленин писал в ЦК: «Рейнштейн сообщил мне вчера, что американский миллионер *Хаммер*, русский родом... дает *миллион пудов хлеба* уральским рабочим на очень льготных условиях (5%) и с приемом *уральских драгоценностей* на комиссию для продажи в Америке.

В России находится сын (и компаньон) этого Хаммера, врач, привезший Семашко в подарок хирургических инструментов на 60 000 долларов. Этот сын был на Урале с Мартенсом и решил помочь восстановить уральскую промышленность».

Вскоре были заключены два договора.

Первый. Арманд Хаммер и его компаньон Б. Мишелл поставляют миллион пудов хлеба в обмен на уральские художественные изделия, платину и асбест. Подписан 27 октября 1921 года.

Второй. Американская объединенная компания медикаментов и химических препаратов принимает в концессию на 20 лет Алапаевский асбестовый рудник. Подписан 29 октября 1921 года.

И в последующее время Ильич не оставляет без внимания первого «ребенка» советской международной экономики. В письме Сталину 24 мая 1922 года он вносит предложение в Политбюро о решительной поддержке концессионного предприятия. Это предложение было принято Политбюро 2 июня 1922 года. Его трудно было не принять. Оно сулило два существенных выигрыша — хлеб для голодающих Урала и возрождение асбестовой промышленности.

Американская концессия просуществовала на Урале до 18 апреля 1930 года и была расторгнута по инициативе компании — разразился острый кризис капитализма.

Арманд Хаммер многое сделал для развития экономических связей США и СССР. Капиталист, владеющий четвертью миллиарда долларов, хранит в своем рабочем кабинете фотографию Владимира Ильича с дарственной надписью: «Товарищу Арманду Хаммеру от Вл. Ульянова (Ленина)».

Хаммер остался другом нашей страны, часто в ней бывает. И всякий раз, когда читаю о нем в газетах, ду-

маю о том, что он помог спасти от голода наших дедов и отцов, в том числе Аввакумовых.

Доставил он тогда на Урал миллион пудов пшеницы. Правда, хлеба хватило ненадолго. И опять потуже затягивали пояса зимогоры, опять бедствовала учительница Аввакумова. Уважаемый на приисках человек, депутат Совета, она не каждый день могла накормить свою ораву. Ребята только входили в рост. Старшенькие, Коля и Галя, крепились, а малышам попробуй объясни, что в доме нет ни крошки хлеба.

На время выручила Карская экспедиция: уральские промышленные товары шли зарубежным фирмам в обмен на продукты питания. Экспедиция везла также асбест и изделия из него. Владимир Ильич лично следил за ее продвижением и строго спрашивал за любое промедление.

Но вырученного хлебушка снова хватило ненадолго. В письме А. Д. Ильина, отправленном 1 мая 1922 года в Уралпромбюро, звучала нескрываемая тревога:

«По сметным нормам за четыре месяца следовало получить 40 512 пудов хлеба, фактически получено и выдано трудящимся 15 546 пудов...»

Ответом на это письмо стала телеграмма Сибпродкома: в адрес Ураласбеста отправлено четыре вагона пшеницы и ржи, готовятся к отправке еще 15 вагонов.

Не отказать асбестовским большевикам и в собственной инициативе. В разгар гражданской войны на Дальнем Востоке отправили они во Владивосток два вагона с асбестом для торговли с японцами. Возглавил «купцов» коммунист Василий Шелковкин. Много дней пробирались уральцы через полыхающие казачьи станицы Забайкалья, через белые гнезда Хабаровщины. Случалось пускать в ход прихваченные пулеметы.

Так появилась на столах горняков чумиза, отдающая полынью. Говорили, что в Японии ею откармливают сви-

ней. Но как бы то ни было, чумиза спасала от голода.

Ели «торт» из чумизы и Аввакумовы, нетерпеливо поджидая лето и осень, когда можно будет подкормиться на природе — тайга богата на ягоды и грибы.

Из воспоминаний Галины Аввакумовой.

В нашем доме, где жили вшестером, было три комнаты, кухня, веранда; под окнами небольшой огород.

Сколько помню, у нас всегда росли цветы: филадельфон, фикус, глоксинии, чайные розы. Они хорошо оттеняли венские стулья и диван коричневого цвета. Стол покрывали клеенкой, а когда приходили гости — скатертью. Людей у нас бывало много, много малышей — столик для самовара не пустовал, Коля любил «кочегарить».

Из столовой можно попасть в кабинет мамы, одновременно он служил спальней. Здесь стоял письменный стол, покрытый красным сукном, на нем мраморный прибор, реквизированный рабочими у местной буржуазии для учительницы, горела лампа под зеленым абажуром. Запомнился чугунный сапожок каслинского литья для карандашей (теперь в музее Коли), рядом пресс-папье. Много книг. Когда мама стала работать в детском доме, она отдала все книги и журналы в поселковую библиотеку, которая только создавалась.

А вот и наша комната, детская. Главная мебель в ней — четырехместная парта, которая вмещала нас всех. Здесь мы готовили уроки, рисовали. Мама обладала художественным чутьем, могла неплохо нарисовать предметы, птиц, зверей, цветы.

Далее стояли две двухспальные кровати, составленные вместе, на них мы, малыши, спали поперек, а мать часто укладывалась у нас в ногах. У Сережи и Коли были отдельные кровати. Но Коля порой, рассказывая нам до полуночи сказки, засыпал на нашем ложе.

Зимой мама вставала раньше всех. Когда мы просыпались, уже весело топилась печь, и так хорошо было подниматься под ее уютный бормоток.

Пока мы были маленькими, за нами смотрела няня, соседская старушка. Мама целыми днями не выходила из школы, а в надзоре мы нуждались. Заберемся, бывало, на русскую печь в кухне и слушаем нянины нехитрые, но обязательно страшные сказки. А потом Коля читал вслух книги. Когда подросли, стали обходиться без няни, да и дороговато это стоило при маминой невеликой получке.

Мне, как девочке, выпала обязанность быть главной помощницей по хозяйству. Братики тоже помогали, мыли полы, но почему-то поперек половиц, поливали огород, с которого мы кормились. Да, о еде. Вспоминаются блюда голодных двадцатых годов: грибы, черника, иногда рыба, которую Коля ловил за десять верст в реке Пышме.

Была у нас корова Красавка, славная такая. Для нее мама припасала в чулане конопляный жмых. Мы просили прощение у Красавки-умницы, когда этим жмыхом утоляли голод. А воду нам привозил старичок на лошади, впряженной в телегу с бочкой. Мы очень любили водовоза и лошадь.

В конце зимы этот же дядечка доставлял с озера большие прозрачные зеленоватые куски льда. Мы закладывали льдины в погреб. Конечно, мясо там не хранилось, ибо его не было, но молоко и Колина рыба (в случае большого улова) могли лежать несколько дней.

Что еще? Наша семья любила гостей. Часто собирались в нашей детской Кузя и Лиза Мельчуговы, Петя Дубленных и Петя Минин, другие ребята из числа маминых учеников. Сообща делали игрушки для новогодней елки, пели. Особенно нравился «Вечерний звон» (Коля и здесь выделялся), рисовали. Коля в то время оформлял пригласительные билеты на концерты. Если что-то не нравилось, рвал и снова рисовал.

Однажды шел дождь, я забежала в наш дом, растрепанная мокрая. Коля ко мне: «Замри!» Растерялась, а он — за карандаш, даже не дал причесаться. Потом в Москве видела у него хороший рисунок — боже, какая была!

Еще одно. Все мы играли на различных музыкальных инструментах, и когда собирались вместе, устраивали концерты. Коля, Паша, Тоська играли удивительно хорошо. Теперь, на старости лет, думаю — отличный был у нас струнный оркестр!

ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Неподалеку от Аввакумовых жила семья приисковых старожилых Абаскаловых. Этот дом был гостеприимен. Аввакумовы любили бывать здесь. Взрослые вместе играли в любительских спектаклях, младшие находили общие интересы.

Удивительный дом! Его хозяин Андрей Евдокимович был разносторонне образованным человеком, добился этого самоучком, как и многие талантливые люди того времени.

Мальчишкой-рассылкой начинал он на приисках свой путь. Носился от конторы в забой, из забоя на фабрику, а во время обеда брался за колокол — извещал рабочих о перерыве. С тех пор еще долго зимогоры называли обед «андрюхой».

Перезвоны Андрюхи услышал однажды бухгалтер Вознесенского прииска Петр Прокопьевич Шабуров, склонный к искусству человек. Услышал и поразился: да ведь мальчишка какую-то мелодию силится вывести! Так стал юный Абаскалов участником драматического кружка имени Ф. Волкова, которым руководил Шабуров, и

учеником бухгалтера — это уже для материальной поддержки.

Потом он окончил в Екатеринбурге курсы двойной итальянской бухгалтерии, работал главным бухгалтером государственного треста Ураласбест. Но с искусством не порывал никогда: безоглядно влюбился в струнные инструменты, особенно в скрипку, руководил оркестром, заменил умершего Шабурова. Именно этот человек — музыкант, актер, режиссер и художник — стал первым учителем Николая Аввакумова.

К живописи Абаскалов потянулся случайно. Профессиональных художников в Кудельке не было. Писал маслом этюды любитель Ягодкин, да еще упражнялся в акварели немец Грюн, тоже бухгалтер. Ему, Грюну, было легче: в Германии в ту пору курс рисования включался в школьную программу. Ягодкин — другое дело, всему учился сам.

Наблюдая за этими художниками, Андрей Евдокимович неожиданно осознал, что мысленно повторяет их движения, строит композиции, ищет цвет. А если попробовать самому? И он взялся за кисть.

Когда после революции иностранцы уезжали с приисков, осталось много ценных книг по искусству, хорошей бумаги, гипсовых слепков. Это богатство и отдал Абаскалов ребятам, которые сгруппировались вокруг него. Петя Миронов, Коля Аввакумов и другие мальчишки, старавшиеся выразить себя на бумаге, души не чаяли в учителе, знавшем, как им казалось, все и обо всех художниках. Всего Абаскалов не знал, но Рембрандта и Репина, своих любимых, — досконально, его познаниям мог позавидовать и специалист. Этим титанам искусства был особый почет в абаскаловском доме.

Ученики оказались способными, они быстро овладели секретами мастерства, вскоре свободно ориентировались на плоскости, постигали цвет...

— Хватит! — останавливал учитель. — Всем отдыхать! И ребяташки с удовольствием брали в руки музыкальные инструменты, их у Абаскалова было предостаточно. Художественный кружок мигом преобразался в струнный ансамбль.

Коля умоляюще глядел на Андрея Евдокимовича, тот знал, в чем дело: в загадочной скрипке, приобретенной им по случаю в Екатеринбурге. Красивая, старой работы, скрипка обладала дивным звуком.

— Бери, — разрешал Абаскалов, и мальчик благодарно улыбался.

История скрипки заслуживает внимания. Андрей Евдокимович время от времени обновлял запас скрипок, отказывая себе в самом необходимом, покупал новые инструменты. Потребовался как-то легкий ремонт новенькой — полез в чрево и неожиданно обнаружил фирменный знак с латинской надписью. В языках он не очень разбирался, но Страдивари прочел сразу. Андрей Евдокимович чуть сознание не потерял от радости: наслышан был о скрипках этого мастера, знал, какая это редкость и ценность. По всему поселку прокатилась новость: нашлась старинная скрипка, сделанная знаменитым итальянцем в семнадцатом веке!

Откуда было взяться в пролетарском крае уникальному инструменту? Не верилось, но ведь и время было необыкновенное. Рушились напрочь вековые устои: бывший князь Хилков работал горнорабочим в одной из бельгийских шахт, а вчерашний рабочий Блюхер стал военным министром и главнокомандующим Народно-революционной армией ДВР.

Андрей Евдокимович послал скрипку в Москву на экспертизу к специалистам. Долго ходил сам не свой, словно лишился самого дорогого. Терпеливо ждал почты из Екатеринбурга, не раз сам выезжал встречать почтовый-вагон на станцию Баженово.

Скрипка вернулась через несколько долгих месяцев. Наркомат почт и телеграфа действовал исправно, много времени ушло на экспертизу. Заключение свидетельствовало: инструмент старой работы, высоко оценен музыкантами, но к Антонио Страдивари из Кремона, как и к его сыновьям Франческо и Омобано, отношения не имеет. Одна из более поздних подделок.

Абаскалов вздохнул спокойно и перестал молиться на деревянную красавицу, хотя гордиться ею продолжал по-прежнему. И даже разрешал ученикам брать скрипку в руки, а Николаю Аввакумову — в знак поощрения — извлекать из нее волшебные звуки. Эти минуты юный Аввакумов любил не меньше, чем занятия рисунком.

Но вот перерыв заканчивался. Снова усаживались ребята за мольберты, и карандаши намечали на белой бумаге их будущие судьбы.

Петр Миронов вскоре уехал пытаться счастье в Москву, а Николай заканчивал шестой класс и одновременно зарабатывал живописью. Не в полном, разумеется, смысле, но все же...

В восьмидесятых годах потомки известного в свое время на приисках печника Севастьяна Емельяновича Бармина принесли в музей Н. М. Аввакумова показать ряд копий знаменитых картин русских художников.

Эти копии сделал Коля Аввакумов. Ими расплачивалась Фаина Игнатьевна за различные работы по дому: перекладку печи, штукатурку, ремонт крыши, да мало ли что еще в хозяйстве требовалось.

К чести мужчин, от многолетней вдовы деньги брать они стеснялись, а вот «картинки» — ну что ж, баские, пусть висят. Так вот и попали копии к Барминым. Хорошо бы оставить их в музее, ведь это своеобразный этап становления художника. Но Бармины не захотели. Осуждать наследников печника не стоит, они все-таки хозяева этих копий.

По настоянию Андрея Евдокимовича Коля поступил в Екатеринбургскую художественную школу. Фаина Игнатьевна была рада за даровитого сына, а про Колю и говорить нечего — открывался заманчивый мир настоящего искусства. Впрочем, радость была преждевременной, кто мог знать, что в доме самоучки Абаскалова он получит больше знаний, чем в профессиональном учебном заведении.

Любовь и уважение к первому учителю Аввакумов пронесет через всю жизнь. Сохранилось его незаконченное письмо Андрею Евдокимовичу, датированное фронтовым 1942 годом.

Волнуясь, выводил своим четким почерком лейтенант Аввакумов при свете коптилки в редакционной землянке: «Дорогой Андрей Евдокимович!

Все, что Вы прочтете в этом письме, мне давно хотелось сказать Вам, но, к сожалению, не было случая встретиться с Вами, да и суждено ли, уж я не знаю. Вот и захотелось написать это письмо.

Мне уже перевалило за тридцать лет и, когда я перебираю в памяти детство, чувство большой благодарности не покидает меня. Вы мой первый учитель. В общении с Вами я полюбил музыку, живопись, театр. Вы привили мне любовь к великим художникам России и Запада. Это сыграло огромную роль в моем воспитании и дальнейшем развитии...»

Андрей Евдокимович на четыре года пережил своего любимца. Его не стало летом 1949-го, накануне большой посмертной выставки Николая Аввакумова в Москве.

О том, что представляло из себя художественное училище Екатеринбурга в начале двадцатых годов, хорошо рассказано в книге «Записки уральского художника» Николая Сазонова:

«Подлинное бедствие обрушилось на художников с приездом в Екатеринбург художника Е. П. Соколова и его супруги А. Ф. Боевой, назначенной на пост директора художественной школы. Эта энергичная парочка представляла в нашем городе идеи Пролеткульта, к тому времени окончательно определившегося как обособленная и замкнутая группа, выступавшая против партийного понимания социалистической культуры.

Следуя пролеткультовской установке на уничтожение старой культуры и пользуясь своими правами администратора, Боева с помощью Соколова начала форменный погром классического наследства.

В первую очередь в художественной школе были истреблены учебные пособия: античные бюсты, гипсовые орнаменты, маски. Гипсы выбрасывались из окон, по лестницам волокли, отбивая головы, руки и ноги, статуи. Все коридоры здания были усеяны обломками. Затем распоясавшиеся хулиганы принялись за живопись. Развешанные в классах картины выдирали из рам, резали на куски и на оборотной стороне холста писали кубики, треугольники и прочую футуристическую чепуху...»

Мальчишка с асбестовых присков, явно предпочитавший Репина новому искусству, пришелся не ко двору преподавателям художественной школы, находившимся под гипнозом футуриста Давида Бурлюка, отбывшего через Екатеринбург в Америку в годы гражданской войны. Кому был нужен традиционный реализм после авангардистских картин — картин будущего?

Проучившись несколько месяцев, Коля Аввакумов мучительно захотел домой, к маме, к Андрею Евдокимовичу, к понятному миру. Здесь же все было чужим и далеким. И вот наступил день, когда собрал он свои пожитки в котомку и ушел на железнодорожный вокзал, доехал до Баженово на товарном поезде, а там на перекладных добрался до Кудельки.

И только когда показался прииск, вздохнул широко и свободно, точно после кошмарного сна.

Нет, не таким виделось ему искусство.

СВОЙ СРЕДИ СВОИХ

Шел август 1924-го. Рабочий поселок Асбест жадно вдыхал пропыленными легкими сосновый запах тайги, душистых ягод и спелых огородов. Непостижимо сладким казался хвойный ветер с Рефта. Привольная природа словно заново знакомялась со своим заблудшим сыном.

А он, несостоявшийся художник, правил шаг в школу фабрично-заводского ученичества, куда был принят учеником взрывника. Какие мысли роились в голове пятнадцатилетнего Аввакумова? Кто теперь может об этом знать? Ясно одно, он всегда отличался трезвостью ума, жаждой истинного дела. Не получился художник? А почему, собственно, не получился? Есть Андрей Евдокимович, есть мама, они помогут. Надо работать, пусть в карьере, а искусство, если стремиться к нему, не делится на асбестовское, екатеринбургское или московское. Пока же надо получить горняцкую профессию. Асбестовая промышленность нуждается в кадрах, а отсюда выходят взрывники и бурильщики, десятники и маркшейдеры, кузнецы и литейщики, — словом, рабочий класс.

Бывший дом управляющего Вознесенским прииском встретил его гомоном. Несколько белоголовых мальчишек готовили задание к новому учебному году. Кое-кого из них Николай знал: Стаська Сипович, Кузя Панов,

а вот тот крепышок Пашка Никитин вроде бы верховодит в ячейке...

Будущие горняки ловко ремонтировали изгородь, орудуя молотками, как заправские плотники, даже гвозди держали во рту, подражая взрослым. Увидев учительного сына, подростки бросили работу. Они слышали, что он учится в городе на художника. Сейчас, наверное, будет их рисовать, как бывало не раз. Но в руках ни карандаша, ни блокнота.

Николай вежливо поздоровался со сверстниками. Ребята переглянулись, мол, что бы это значило? Понахвтался в городе, теперь гостя из себя изображает. Кузя в силу своего характера уже собрался было подначить «городского», но комсомольский секретарь, уловив его желание, так зыркнул глазами, что мальчишка сразу сник.

— Мне бы на учет встать, буду у вас учиться,— начал Николай.

— У нас? — не понял Никитин.— Так ты же...

— Чего ты, Паша, пусть учится, у нас хорошо.— встрял Кузя,— наш журнал оформлять будет...

— Какой журнал?

— Да, понимаешь, решили мы тут... А ты правда учиться будешь?

— За тем и пришел.

— Тогда слушай. «Юный пролетарий Урала» читал? Так вот, мы тут рискнули выпустить свой журнал со стихами, рассказами, рисунками. Поможешь?

Так под рослыми тополями прошло первое заседание редакционной коллегии журнала «Фабзавучник».

Журнал выходил в двадцати экземплярах благодаря стеклографу, который был подарен асбестовцам нэпманом Николаем Романовым, главой екатеринбургской (теперь уже свердловской) мастерской по изготовлению этих приборов. Он доводился родственником Абаскало-

вым, отсюда и связь с Асбестом. По существу, нэпманом он не был, просто инженер-изобретатель усовершенствовал стеклограф, за что советская власть выдала ему патент и разрешила заняться техническим творчеством.

На обложке «Фабзавучника» гордо красовался карьер, а через него тянулись канаты кабель-крана — рисунок Николая Аввакумова. Издание имело широкое хождение по Асбесту, зачитывалось так, что до наших дней не сохранилось.

Славился в ФЗУ и струнный оркестр под руководством А. Е. Абаскалова. В нем Николай Аввакумов играл на мандолине, посещал он и драматический кружок, где пел, декламировал. И только в литкружке был пассивным слушателем — сам ничего не писал.

Однажды воскресным днем преподаватель черчения Вениамин Николаевич Долгих, он же директор школы и бывший красный командир, зашел в класс, где Аввакумов и Никитин вычерчивали перфораторный молоток — очередное наглядное пособие. Паша был усердным учеником, но где ему поспеть за товарищем, который уже заканчивал свою работу. Долгих принес спелый арбуз, щедро наделил им ребят и теперь, сидя верхом на столе, вспомнил какую-то смешную историю из недавних времен бегства колчаковцев с Урала. Смешно рассказывать он умел, ребята то и дело хохотали, прекращая работу.

Прикончив арбуз, преподаватель спохватился:

— Ну ладно, не стану мешать...

— А вы и не мешаете, Вениамин Николаевич, спасибо за подкормку,— и Аввакумов протянул директору рисунок — шарж на смеющегося Долгих.

— Ну, Коля,— не сразу нашелся директор, рассматривая свое изображение.— И я с тебя требую какие-то чертежи! Да у тебя же талант от бога!

Через день Аввакумова и Никитина вызвал директор. Вениамин Николаевич был строг:

— Никитин, ты, как комсомольский секретарь, фиксируй заседание тайного общества...

— Какого, какого общества?

— Тайного...

Павел растерянно посмотрел на Аввакумова.

— Да не пугайтесь, друзья,— от души рассмеялся Долгих.— Чуете, праздник какой надвигается? Пятилетие школы. А кто ее создал? Большевики! Вот и предлагаю тебе, Коля, нарисовать портрет Аксенова. Он больше всех сделал, чтобы жила наша школа.

Григорий Петрович Аксенов, председатель рудкома профсоюза, личность в Асбесте известная. При царизме он по заданию партии содержал на приисках небольшую лавчонку, куда наравне с товарами доставлял большевистские листовки. Прошел огненные версты гражданской войны, а теперь налаживал жизнь в родной Кудельке.

Юный художник старался попадать на все заседания, где присутствовал Аксенов. Заседания и собрания проходили чуть ли не каждый день. Притулившись где-нибудь на краешке скамейки, за кулисами, Коля доставал маленький узкий блокнот (такие будут при нем всегда) и работал, улавливая характерные штрихи.

Тайна троих была крепкой. О ней не подозревал даже Кузя Панов, лучший друг комсомольского секретаря. И Долгих умел держать секрет, так что ни одна душа не узнала о замыслах «тайного общества».

И вот настал мартовский день 1925 года, когда в театре «Пролетновъ» собрались учащиеся, преподаватели, гости. Была устроена выставка, на которую молодой народ принес изготовленные самостоятельно инструменты, чертежи, миниатюрные металлические шахматы, штангенциркули, изящные ящики для геологических коллекций. Были выступления, поздравления, наказания. Паша Никитин тоже сказал зажигательную речь, заклеив

позором империалистов, призвал пролетариев всех стран соединиться и вершить мировую революцию.

Затем ребята начали дарить свои подарки учителям и почетным гостям праздника.

На сцену вышел и Николай Аввакумов. Он, стеснительный на слово, показал всем портрет Григория Петровича. Раздались первые в его жизни аплодисменты. После их будет много: и на Магнитке, и на Метрострое, и на Украине, и на Севере... Но эти, первые, самые памятные.

Тем же летом рудком направил Аввакумова на учебу в Пермский художественно-промышленный техникум.

Фаина Игнатьевна не держала:

— Поезжай, сынок, за тебя твое никто не сделает. Видно, судьба такая выпала.

Андрей Евдокимович обрадовался:

— Верил, неудачи не собьют тебя. Мы уже тебе ничем не поможем, скажу одно: помни, ты — художник.

Хлопнула дверь за Николаем, Абаскалов выскочил вслед:

— Кольша, стой! погоди!

В руках Андрея Евдокимовича была та самая скрипка, которую так любил Коля.

— Возьми на память, — тихим голосом сказал Абаскалов, — сделай то, чего я не сумел. Слышишь, Коля? Ты должен, ты обязан! Иначе какая мне цена будет...

Давно нет ни Абаскалова, ни Аввакумова, а мне все видится это прощание, первое признание в мужской дружбе.

Через много лет родственники Николая Михайловича передадут в музей художника старую скрипку. К сожалению, это даже не лже-Страдивари, а фабричная немецкая работа первого десятилетия нашего века. Но теперь эта скрипка имеет свою, особенную ценность, она — аввакумовская.

ПЕРВЫЙ КАРАНДАШ МИРА

Светлым июльским вечером долго я беседовал с Владимиром Андреевичем Абаскаловым, сыном Андрея Евдокимовича. Старый художник, он еще до войны закончил, как Николай и Павел Аввакумовы, Пермский художественный техникум, много лет служил в армии на Дальнем Востоке, воспитывал молодых живописцев и графиков.

Так вот, обронил он как-то буднично, мимоходом: — Между прочим, Асбест дал не только братьев Аввакумовых. Был еще один художник, вряд ли уступавший им в таланте, а возможно, и превосходивший их...

Ничего себе начало! Я весь обратился в слух, предчувствуя необычайный поворот событий, и не ошибся.

— Звали его Петя Миронов, он тоже занимался у моего отца в изокружке. Одаренный от природы, мальчик поражал своими рисунками. Рудком профсоюза отправил его на учебу в Москву...

— Ну а дальше? — не выдержал я.

— Дальше? А дальше почти легенда. Петром заинтересовался нарком Луначарский. Более того, за рубежом юного асбестовца окрестили первым карандашом мира, сравнивали с Леонардо да Винчи. Двадцатые годы — время голодное, холодное, великие художники с хлеба на воду перебивались, что уж говорить о Миронове. И вдруг на его имя поступают десять тысяч фунтов стерлингов в Московский кредитный банк.

— От кого?

— От меценатов заграничных, кто-то приобрел его рисунки. Отец, помню, рассказывал, что закружила Петра московская художественная жизнь, в мастерской академика знаменитого занимался. А после статьи Луначар-

ского о нем приняли Миронова без экзаменов во Вхутемас.

Обыденный тон Абаскалова, спокойствие, с которым он сообщал черт знает какие интересные факты, стали мне ясны позднее. Мало кто верил этому рассказу о былых временах, мол, фантазии старого художника.

— Учился первый карандаш мира легко, с курса на курс переходил играючи. Мне до сих пор странно и непонятно, откуда что бралось: сам из бедняцкой семьи, где книгу в глаза не видели, за курс начальной школы едва сдал. Правда, тетя его, Мирониха, ее я знавал, была женщиной хваткого ума, деятельная, хороший организатор. Перед Отечественной войной она командовала бригадой уборщиц во Дворце культуры горняков — порядок при ней был образцовый.

— А сейчас она где?

— Задай вопрос полегче. Возраст все-таки, прошлого века рождения. Вот если бы Клаву отыскать, это сестра Миронова. Да где там, сколько лет прошло...

— Уникальная судьба. Но почему же об этом ничего неизвестно?

— Да, жизнь порой и не такие задачки задает. Как уж там вышло, не мне судить, но слышал, что увлекся Миронов чистым искусством, ничего иного, кроме него, не видел. Начинались первые пятилетки, преображалась Россия, крепла индустрия, а он в себе замкнулся, совершенствовал профессиональное мастерство, жизнью страны не интересовался.

Похоже, не случайно темой дипломной работы он выбрал какой-то библейский мотив. Небесталанной оказалась картина, но пришлось парню с институтом расстаться. С тех пор теряется след первого карандаша мира.

Долго еще после разговора с Абаскаловым не мог я

прийти в себя. Поверив в нее безоговорочно, решил отыскать потерянный след Миронова.

И вот перерыты в библиотеках все книги по искусству, словари, энциклопедии, воспоминания художников, учившихся во Вхутемасе, но имя Петра Миронова нигде не встретилось. А если посмотреть собрание сочинений А. В. Луначарского? И тут ничего нового. Но ведь была статья Анатолия Васильевича...

Краевед П. В. Никитин, тот самый Пашка — комсомольский секретарь школы ФЗУ, не только знает, что приходил в Асбест журнал со статьей наркома и рисунками Миронова (!), но и сам его читал, показывал друзьям. Жаль, ни названия журнала, ни год издания он так и не вспомнил. Но я не отчаивался, поиски продолжал.

Г. М. Геращенко, сестра Николая Михайловича Аввакумова, ныне живущая в Ленинграде, отозвалась быстро. Письмо ее было кратким.

«Петю Миронова я помню. Это был очень талантливый мальчик. Когда он уехал в Москву, потеряла его из виду. Слышала однажды от Коли, что Миронов ударился в религию. Коля очень огорчился...»

Про статью Луначарского Галина Михайловна ничего не могла сообщить.

Даже искусствовед Софья Пророкова, хорошо знавшая всех талантливых художников тех лет, о Миронове не слышала.

Оставался последний шанс — отправиться в Библиотеку имени В. И. Ленина. Если уж там ничего не отыщется... И тут мне как раз повезло. Был такой художник Петр Миронов! Нашел я статью А. В. Луначарского о нем. Напечатана она в журнале «Красная нива» и называется «Творчество Миронова». Вот она:

«Года три тому назад инженер Традиман привел ко мне мальчика лет 13-ти, некоего Миронова, и показал

мне его рисунки. Мальчик, сын шахтера, не получил сколько-нибудь систематического образования. Рисунки его в то время были подражательные, представляли собою копию с виденных иллюстраций в журналах. Было, кажется, два этюда карандашом, сделанных с натуры.

В манере Миронова замечалась недетская крепость карандаша, огромное трудолюбие, верность глаза и какая-то несомненно поражающая любовь и преданность тем маленьким задачам, которые ставил себе молодой художник.

Я помог, чем было возможно в эти тяжелые времена, мальчику и направил его к художнику Малявину. Малявин занимался некоторое время с Мироновым и сказал мне, что мальчик представляет собою настоящее чудо в смысле тщательности и законченности рисунка.

Затем я упустил Миронова из виду. Я даже не знаю точно, где он получил дальнейшее образование. Но недавно мне был принесен интересный документ, касающийся этого интересного мальчика. Это прежде всего заметка в газете «Дейли экспресс».

Заметка несколько преувеличенная. В ней сказано, будто бы Малявин нашел, что будто бы маленькому Миронову нечему больше учиться у него, что будто бы вся Россия взволнована появлением этого замечательного таланта и т. д., но вместе с тем газета давала, в сущности, правильную оценку юношеским работам Миронова, с которыми я теперь и сам познакомился. Газета отмечала огромные возможности, таящиеся в юноше.

Лежит передо мной и переписка Джона Асалиды, представителя торгово-промышленного синдиката, с сэром Вилльямом Ориентом относительно необходимости оказать молодому таланту поддержку и купить некоторые его рисунки.

Художник Г. Якулов недавно встретился с Мироновым и в свою очередь был поражен его рисунками, тем

более что за это время Миронов сильно окреп, и рисунки его уже представляют такую степень тонкости, на которую трудно подняться даже любому законченному художнику нашего времени.

В горячем письме ко мне Г. Б. Якулов говорит лестные вещи о молодом художнике и совершенно правильно отмечает поражающую близость его к стилю художников Ренессанса в некоторых рисунках. Мы прилагаем здесь копию его с одной головы Леонардо да Винчи. Копия сделана безукоризненно. Прилагаем также еще несколько голов, вполне подтверждающих изложенные здесь мысли.

Во всяком случае Миронову следует помочь как явлению в своем роде исключительному. Соответственно желанию целого ряда художников, заинтересовавшихся Мироновым, я хочу обратить на него внимание общественного мнения, каковую цель и преследует эта заметка и прилагаемые к ней иллюстрации».

«Красная нива» кроме копии опубликовала еще четыре рисунка Петра Миронова: голову девушки с длинными волосами, мужчину в профиль, голову мальчика и женское лицо, обрамленное кудряшками.

Как утверждают Абаскалов и Никитин, среди этих рисунков есть автопортрет и портрет сестры Клавды.

Еще раз перечитываю не публиковавшуюся с тех далеких лет статью наркома. Так вот у какого академика учился мальчик из Асбеста! Филипп Андреевич Малявин (1869—1940) — художник с европейским именем, ученик И. Е. Репина, сложный и противоречивый человек. Стало понятно, почему имена Малявина и Миронова, связанные между собою отношениями учителя и ученика, впервые упомянуты в заграничной прессе — с 1922 года Филипп Андреевич жил за границей.

Последующая жизнь Петра Миронова почти никак не прослеживается. Известно только, что он оформлял первое издание Большой Советской Энциклопедии, ко-

торое редактировал О. Ю. Шмидт. Дошел и такой эпизод, рассказанный Абаскалову Николаем Аввакумовым.

Аввакумов сдавал иллюстрации к книге Бутковского «Порт-Артур», выходящей в «Молодой гвардии». В издательстве случайно встретил Миронова. Тот нес в руке связку книг. Николай разглядел в связке томик Ленина.

Соученик по абаскаловскому кружку сконфузился, покраснел:

— Вот, Коля, понимаешь, упущенное наверстываю...

Больше они не встречались.

Что стало с Мироновым? Впереди была страшная и долгая война, возможно, он ушел в первые дни с полками народного ополчения на фронт и не вернулся, как многие... Если не сгинул в лагерях. Кто знает...

Может быть, что-то еще прояснится в судьбе Петра Миронова, такой сложной и загадочной. Очень хочется этого чисто по-человечески, из чувства уважения к редкостному таланту. Очень хочется этого еще и потому, что первый карандаш мира в неполных пятнадцать лет — наш земляк.

ЖИТИЕ В ПЕРМИ

Долго мне не давался пермский период биографии Аввакумова. И вдруг я понял, что никто лучше не расскажет об этом периоде, чем народный художник РСФСР, член-корреспондент Академии художеств Анатолий Кокорин. Узнав, что на Урале готовится книга о его лучшем друге юности, он написал свои воспоминания.

«Осенью 1925 года я поступил в Пермский художественный техникум. Меня буквально потрясла творческая

атмосфера, которой был пронизан весь маленький особнячок. Стены увешаны яркими экспрессионистскими и кубистическими холстами, удивительные «настоящие» художники в широких блузах и с длинными волосами, опоясанными поперек лба ремешком,— все удивительно!

Непокидающее, ласкающее чувство, что с сегодняшнего дня и я принадлежу к этому прекрасному миру, что тоже стану «настоящим» художником, буду стоять с палитрой у мольберта в испачканной красками блузе, было так велико, что поверить в реальность происшедшего было трудно.

Мне дорог техникум еще тем, что тут я встретил Колю Аввакумова. Мы с ним подружились с первого дня, с первого взгляда и на всю жизнь.

Помню, как мы с ним пришли в приемную комиссию. Когда Коля открыл свои папки, все ребята приуныли. Все, сделанное ими, казалось по сравнению с рисунками Коли детским лепетом. Это были кружевные, легкие переплеты крана асбестовых рудников (уж не тот ли кабель-кран, который рисовал Николай для журнала «Фабзавучник»? — А. Ч.), портреты людей, добывающих горную кудельку. Не по-детски уверенная рука зарисовывала рабочих в труде и на отдыхе.

Ахнул и я, увидев эти прекрасные рисунки, улыбнулся Коле. Он доброжелательно улыбнулся в ответ. В нем не было гордыни. С того момента и началась наша дружба. Не знаю, что нашел во мне Коля, но с этого дня мы были неразлучны.

Уже тогда, а нам было по семнадцать, Аввакумов поражал всех нас своим уверенным рисованием, точным глазом и чувством формы. Рядом с ним мы чувствовали себя робкими, беспомощными. Да и облик Коли был особенным: атлетическая фигура, светлые волосы, крепко посаженная голова, добрые глаза. Особенно привлекала улыбка — нежная, мягкая, счастливая.

В подвале техникума нам с Колей выделили крохотную каморку с тяжелыми сводами. Вдобавок она была темной и холодной. Лишь в дубовых дверях был вырез, который мы называли «венецианским окном».

Мы были счастливы. Соорудили два деревянных топчана, набили соломой мешки, постелили свои жиденские одеяльца. Сколотили и подобие стола, поставили на него керосиновую лампу — квартира была готова.

Вещей у нас было уморительно мало. Правда, у Коли хранилась в футляре скрипка, с которой он никогда не расставался. Он обладал музыкальным вкусом, приятным бархатным баритоном, пел, играл на скрипке, был своим на сцене студенческого самодеятельного театра.

Как радостно сейчас вспоминать вечера в нашей каморке. Я лежу на своем жестком топчане, в квадратной прорези двери темное осеннее небо, Коля со скрипкой, чуть не касаясь потолка, играет Чайковского или Брамса, а слабо горящая лампа отбрасывает на своды толстых стен причудливодвигающиеся тени.

Мы были счастливы!

Ну еще бы, нам по семнадцать, наша мечта сбылась, мы вступили на путь истинного искусства, цель жизни ясна, притягательна. И ничего не болит. Впрочем, последняя фраза сказана с высоты нынешних лет. В ту пору мы и не подозревали, что человек может чем-то болеть. Ну не все люди, разумеется, а мы, здоровые, молодые, талантливые!

А то, что стипендия равна десяти рублям, что живешь с постоянным ощущением голода и что у тебя символическая одежда и дырявые башмаки, — все это отходило на задний план и волновало мало. Мы попросту над этим не задумывались.

В подвале жили недолго. Вскоре всех переселили в общежитие. Там ребята заняли две большие комнаты, а девушки жили в комнате поменьше. У нас был страш-

ный беспорядок и унылая обстановка, а у девчат почему-то чистые полы, кружевные наволочки, коврики и фотографии на стенах.

Хороша уральская зима! В те годы она не отличалась от северной. У нас в ведрах замерзала вода — приходилось бахать ковшом по льду, пока не образовывалась лунка. Зато, умывшись ледяной водой, на занятия бежишь бодрее бодрого. У себя в комнате мы устраивали ледяную катушку с веселыми катаниями, на которые приходили все обитатели общежития.

Но вот наступала ночь. Мы закутывались, как и чем могли, привязывались к узкой койке ремнями (спали на ней вдвоем), затягивались рваными веревками, будто от них теплее.

Все наши беды не воспринимались как трагедии. Жили мы дружно и, несмотря на голод и холод, весело.

А потом, когда мы с Колей начали немного прирабатывать в газете «Звезда» и «Живой газете», почувствовали себя богачами и решили снять отдельную комнату.

Поселились на окраине Перми в деревянном домишке. В горнице стояла большая русская печь, на которой спала хозяйка и в которой она варила щи и кашу, перепадавшие и нам. Нас ничто не смущало, главное — было тепло, мы барствовали на широченной кровати, а еще был огромный стол, за которым мы рисовали.

В те годы Пермь была тихим, хотя и университетским, городом со знаменитым оружейным заводом Мотовилихи и двумя железнодорожными вокзалами. Очень украшала ее широкая Кама.

Так у меня в памяти и осталась Пермь: заснеженные улицы, деревянные тротуары, особняки с пузатыми колоннами, извозчики, запах конского навоза, тусклые редкие фонари, торговые ряды.

Помню красивый городской театр, казавшийся нам

тогда грандиозным, и рядом с ним здание библиотеки, где мы дважды слушали Маяковского.

Летом на синей Каме караваны барж с расписными рулями, груженные сверкающими грудами зеленых арбузов; гудки паровозов; вереницы грузчиков, согнувшихся под тяжестью мешков и чувалов с мукой. Грузчики шли косолапой походкой по гнущимся деревянным трапам. Они были такими, каких мы видим теперь только на полотнах передвижников. Бородатые, в латаных холщовых рубахах, в лаптях, с крюком в руках и «козлами» для груза на спинах.

Мы с Колей, чтобы поправить пошатнувшееся материальное положение, шли иногда на разгрузку барж и пароходов. Было, конечно, по неопытности тяжело, но мы старались не подавать вида и даже нарочито кривили ноги при ходьбе, как заправские волгари.

А как здорово, сделав небольшую передышку, богатырским ударом расколоть ароматный астраханский арбуз и зарыться всем лицом в его прохладную мякоть и пить сладкий сок.

Коля при этом говаривал: «Помни о Хазове».

Это было понятно лишь нам двоим во всей артели. Дело в том, что в техникуме появился новый преподаватель Иван Николаевич Хазов. Прекрасный художник и человек. Он полюбился нам сразу, как, не преувеличиваю, и мы ему. Столичный житель, он был принят как свой, как уралец. И надолго.

У Хазова было характерное выражение. Помню его до сих пор. «Перед вами арбуз,— говорил Иван Николаевич,— постройте форму головы, дайте в рисунке почувствовать, как уходит за контур овал черепа, как он закругляется. И только потом из круглой, плотной формы высекайте лоб, глаза, нос».

Хазов. Иван Николаевич. Впрочем, это уже другая история.

Над тобой синее небо с бегущими белыми облаками, а на берегу яркая речная жизнь с криками, смехом, ржаньем лошадей... И при этом ты — художник. Чего еще желать? Это чувство переполняет до краев.

Тогда в стране были популярны «Синие блузы». Наш студенческий коллектив тоже решил не отставать. Сперва у нас была просто эстрадная группа со злободневными политическими и местными пермскими номерами. Но вот однажды мы с Колей исполнили сатиру на Чемберлена и Бриана: смастерили смокинги, цилиндры. Говорят, очень смешно и «на высоком уровне» пели ядовитые арии.

Возмужав, наша группа назвала себя «Красной блузой». Сочинили свой марш — «Марш палитр», на сцену выходили в широких кумачовых блузах. Под аккомпанемент на рояле мы с гордо поднятой головой пели собственное сочинение, держа в руках палитры. И даже имели успех: нас приглашали заводы, клубы, библиотеки, — словом, были популярными людьми в Перми.

Окончательно созрев, поставили на сцене «Двенадцать» Александра Блока. Подсвеченные снизу огнями, мы в своих красных блузах, возвышаясь на угловатых деревянных конструкциях, читали гениальную поэму. Это было ярко, выразительно и отвечало духу времени.

Да, это незабываемые годы. С утра весь день у мольберта, а вечером бежим рысцой на репетиции, похлопывая дырвыми варежками.

Рядом с особняком, в котором размещался наш техникум, возвышалось четырехэтажное здание педагогического училища, заполненное милыми нашему сердцу девушками. Кое-кто из нас был всерьез ранен стрелой Амура, да и трудно уберечься от любви в семнадцать лет.

Мы стремились на вечера и танцульки к будущим учительницам, провожали их, как и положено. Правда, мы с Колей при этом головы не теряли и даже прикре-

пились к их столовой на полный рацион. Отдавать приходилось почти всю стипендию, оставался лишь рубль на папиросы и прочие мелкие расходы, но мы о том не жалели, ведь вокруг одни нимфы и наяды.

Питание, по правде говоря, оказалось не ахти каким. Потому мы, общежитские, решая проблему недоедания, в складчину купили трехпудовый мешок гороховой муки. Была тогда такая мука. Ее основное достоинство — невиданная дешевизна, причем способ приготовления еды был чрезвычайно прост: мука, крутой кипяток, соль и, пожалуйста, садись за стол, ваше величество, блюдо готово. А уж если находилось чудом подсолнечное масло, — это была пища богов. Отрицательные свойства кушанья сказывались несколько погодя, но это уже малоинтересно.

Если у кого-нибудь из наших заводились деньжата, мы непременно торжественно отправлялись в чайную. Тогда существовали подобные питейные заведения с веселыми расписными чайниками, ломовыми извозчиками, вкусно пьющими с блюдечка чай вприкуску. Мы заказывали круг колбасы, колотый сахар, масло, каравай ароматного, пышного, с хрустящей корочкой ситного, пачку папирос «Пушка», чай в огромных чайниках — банкет начинался. Не помню, чтобы мы когда-то заказывали водку.

Как хорошо, что заводилой компании был всегда Коля Аввакумов!»

В год, когда Аввакумов и Кокорин поступили в Пермский художественный техникум, Мотя Кузнецов учился уже на третьем курсе. Участник гражданской войны, член новец, «совсем еще молодой коммунист и зеленый художник», он был душой техникума.

«Дружить нам с Колей Аввакумовым пришлось не-

много. Дни были очень горячие — становление Советской власти на Урале после колчаковщины. Еще бродили недобитые банды, и мы брались за оружие. Для личных отношений не оставалось времени», — вспоминал о тех днях Матвей Осипович Кузнецов.

Когда скончался известный художник П. И. Субботин-Пермяк, директор техникума, долго не могли подыскать замену. Тогда и «голоснули» за Мотю, стал он временно исполняющим обязанности директора, «вридочкой», как говорили. А тут еще избрали вридочку председателем окружка работников искусств — учеба и директорство пошли у Моти кувырком.

О тех днях напоминает фотография, сделанная Кузнецовым. Обычный групповой снимок, ребята, девчата, преподаватели. Сохранились некоторые имена: Елена Керн, Татьяна и Вера Гиппиус, Елена Нечаева-Топоркова. Среди них Николай Аввакумов и Анатолий Кокорин. Вот они, молодые, красивые, романтичные, подающие надежды: за небывалые успехи Николая и Анатолия перевели с первого курса сразу на третий.

Мотя Кузнецов заглядывал в техникум по случаю, встречался с друзьями, жал им руки, поздравлял с удачными рисунками и снова бежал на очередное заседание, совещание...

Он верно признавался позже: «Художник из меня, сами понимаете... А им искусство было родней».

Да, родней. Им в техникуме завидовали все, даже те, кто носил бархатную блузу и ремешок поперек лба, что так ошеломило юного Кокорина в первые дни пребывания в Перми.

Дебора Зайдман, одна из тогдашних звезд техникума, приехав на открытие музея Н. М. Аввакумова в Асбест, вспоминала: «Своими рисунками Коля выделялся среди нас. Он был гордостью техникума не только потому, что был комсоргом, а больше как художник».

Мотя Кузнецов, отчаянная натура, рубаха-парень, четко знал, что он может и чего ему не дано. Он вовремя это понял. Учиться художествам стал случайно, душа его стремилась к другому — к всемирной пролетарской революции, потому-то не расставался он с наганом и был скор на подъем, когда в окрестностях объявлялась банда, умел говорить длинные, волнующие речи, агитировать личным примером. К своим юным друзьям относился бережно и с любовью, хотя общался с ними на ходу.

Как-то Мотя и Коля встретились в редакции «Звезды». Один принес пламенную статью о всемирном значении пермского искусства, другой несколько рисунков.

Мотя, простодушный и грубоватый, сразу взял быка за рога:

— Ну, рассказывай...

— Что рассказывать?

— Ты же гений, тебе есть что рассказать. Например, твой взгляд на вклад нашего техникума в сокровищницу мирового изобразительного искусства. Или... А вот скажи, матери давненько писал?

— Собираюсь съездить к ней на каникулы...

— И правильно, поезжай, великое это дело, когда мать ждет. Вернешься, непременно расскажешь, как и что там у тебя. Ладно?

И Мотя уже исчез за поворотом, приветливо помахав рукой.

Николаю вспомнился дом, остро захотелось к маме, к своим, увидеть ребят из ФЗУ, Петю Дубленных, Колю Рубцова, и, конечно, Андрея Евдокимовича — нетерпелось показать ему новые работы.

Из Перми Коля ехал по железной дороге. Возле крупной станции Гороблагодатская поезд пересек границу Европы и Азии. Впереди показалась Синяя гора, а за ней старинный Баранчинский завод. Места удивительно

красивые, живописные: синь сливается с зеленью, небеса с водой. Такие пейзажи редко где увидишь.

Сосед по купе, работник ОГПУ, еще молодой, но повидавший виды человек, заметив восхищение Аввакумова, прервал молчание:

— Да, красиво... А в восемнадцатом мы здесь стояли насмерть с октября по декабрь. Слышал про 29-ю Уральскую дивизию? В ней я воевал почти пацаном. Чудеса творили полк Красных орлов и Стальной Путиловский кавполк...

Задумался чекист, припоминая давно минувшие бои. И внезапно:

— Вот ты художник, возмись нарисовать нас, разутых, голодных, но счастливых...

Николай оторопел:

— Не знаю, сумею ли.

— Сумеешь. А иначе зачем учиться? Ты же наш, вижу, пролетарский художник.

Аввакумову и раньше приходила мысль вернуться к восемнадцатому году, когда каратели терроризировали горняцкий поселок. А теперь горячее напутствие непосредственного участника кровопролитных боев усилило в нем это желание.

— Расскажите еще что-нибудь.

— Загорелся? Вот и хорошо. Только не пойми меня буквально. Не надо рисовать конкретное сражение под Кушвой, не в этом дело. Ты отрази наш дух, стремления, идеалы... Отрази ту идею, за которую мы дрались, шли с голыми руками на бронепоезда...

До самого Свердловска продолжалась их беседа, вернее, монолог чекиста, прерываемый иногда художником, уточнявшим подробности.

Этот разговор стал для Аввакумова продолжением бесед с Давыдычем, народным комиссаром с асбестовых приисков, хлебнувшим лиха в белогвардейских застенках.

— Действуй! — повторил ему на прощание чекист на Свердловском вокзале и крепко пожал руку.

В будущем Аввакумов не раз вспоминал большевистскую убежденность, твердую классовую позицию и огромный интерес к искусству этого человека. Много позднее он создаст портреты Свердлова, Орджоникидзе, Кирова времен гражданской войны, иллюстрации к роману Фурманова «Чапаев».

Но впереди будет «его» война — Отечественная, ей он безраздельно отдаст свой талант. И больше того — жизнь.

В столичном Доме художника на Кузнецком мосту именем нашего земляка откроется на мемориальной доске список московских живописцев, графиков, скульпторов и искусствоведов, погибших в борьбе с фашизмом.

Но вот и Асбест, вот родной дом над старыми тополями. Ничего здесь не изменилось за прошедший год. Фаина Игнатьевна выставила на стол любимые Николаем молоко и картофельные шаньги, помазанные масляным куриным перышком. Села рядышком, подперев голову руками: как вырос ее Николка, возмужал и все такой же добрый, нежный.

Младшие не отходили от брата — уж так они его ждали! И Коля не сводил с них глаз. Галка-то, Галка — настоящая красавица, наверное, парни по ней сохнут. А эти сорванцы — ого, себя в обиду не дадут, ишь понакачали мускулы. А ну, померимся силой?

К Андрею Евдокимовичу летел как на крыльях. У порога гонял кур расторопный Володька Абаскалов. Увидев Николая, опрометью бросился в дом. Учитель, уже прослышав о приезде «пермского художника», ждал его: надел праздничную рубаху, самовар растопил.

Обнялись. И как в гоголевской повести:

— Повернись, сынку...

Одобрил учитель новые рисунки, правда, и критику

навел, но как без этого обойтись. Николай с жаром рассказывал про общежитскую жизнь, о Толе Кокорине, о комсомольских делах. Пошевелит и о новом преподавателе Константине Михайловиче Лекомцеве, недавнем выпускнике Вхутемаса. Этот одаренный человек привнес в быт техникума дыхание столичных живописных поисков. Ему подражали, перед ним благоговели.

— Вы знаете, Андрей Евдокимович, он чем-то похож на вас.

— Так ли уж? — усомнился Абаскалов, но был доволен. Выходит, помнит Николка первого учителя и его уроки.

Чтобы замаять смущение, Андрей Евдокимович спросил:

— А скрипка как? Играешь?

— Играю, Андрей Евдокимович, с собой привез, я с ней не расстаюсь.

— Ну и ладно, Кольша, вижу, из тебя человек получается. Двое вас у меня, одинаково дорогих, ты да Петя Миронов. Ничего о нем не знаешь?

— Статью наркома читал, а дальше... Нет, не слышал.

— Большой художник растет, не мне чета, — вздохнул Абаскалов. — А ты тоже не отстаешь, молодец! Хочу побывать на ваших персональных выставках. Верю — будут они у вас!

Поселок растет на глазах, и все дальше отступает лес. Много незнакомых людей, но Николай по старой привычке здоровается с каждым встречным.

Ребятишки ходят за ним толпами: может, нарисует? И он раскрывает альбом, пристроившись на свежем пеньке.

Вспоминает Иван Иванович Кейль, ленинградский архитектор:

«Приехав в Асбест в декабре 1925 года, первым делом поразился тому факту, что здесь было в продаже

замороженное молоко — его продавали и глыбами и кусками. Второе удивление — Коля Аввакумов, чистый человек и талантливый художник: мы с ним быстро сошлись, я учился в то время в Харьковском художественном техникуме.

У нас, надо признать, учебная программа допускала «новые веяния», и мы волей-неволей отдавали дань переходящей моде. У Коли же было другое мировоззрение, он воспитывался на классическом реализме. Внимательно выслушивая мои темпераментные монологи, он не спешил в бой, но, выслушав, разбивал мои взгляды в пух и прах. Коротко и ясно опровергал Коля мои тезисы. Делал он это уважительно, не унижая, не возвышаясь своими познаниями над товарищем».

А вот что вспоминает Николай Федорович Рубцов, лауреат Государственной премии СССР, а в ту пору молодой чертежник:

«Коля, Ваня Кейль и я целую ночь бродили по улицам и окраинам Асбеста. Они, конечно, в основном говорили об искусстве: Рафаэль, Рембрандт, Репин, Суриков, а я поддакивал, мало что соображая в этом деле.

Как-то Коля и Павел Аввакумовы, прихватив меня как натурщика, ушли километров за семь на так называемые хитные ямы, где раньше старатели добывали золото и изумруды. Весь день они рисовали лес, отвалы, старые разрезы, избушки. Рисовали и меня, благо я был молчаливой, безропотной моделью. Насмешник Паша заражал всех неудержимым весельем. Кто бы знал, что ему остался десяток лет жизни!

К Николаю я ездил в Пермь, бывал у него и в Москве — в «Комсомольской правде» и на улице Баумана. С ним всегда было интересно, но, пожалуй, больше всего — на хитных ямах. Догадываюсь почему — по причине молодости».

ПЕРВАЯ НЕУДАЧА

В историю советского искусства Н. М. Аввакумов вошел как художник-график. И мало кто знает, что с юности он бредил живописью, считал, что только живописцы настоящие художники. К масляным краскам он относился с трепетом душевным, а лепку и рисунок мыслил второстепенными в работе художника.

Вот как пишет искусствовед Софья Пророкова, старинный друг Николая Михайловича:

«Живопись у Аввакумова не шла. Он любил ее страстно, но, считаясь в техникуме почти законченным мастером рисунка, в колорите так и не продвинулся. Однако не сдавался, упорно работал и диплом писал маслом.

В упругом движении скомпонованы две фигуры рабочих возле вагонетки, напряжены мускулы, пластичен рисунок фигур, крепко сколочен костяк картины, уверенно вылеплен объем. Работа получила отличную оценку, хотя у преподавателя живописи к этому холсту был свой счет. Он понимал, что Аввакумов отдал ему весь свой дар, умение рисовать, выхватывать сюжеты из окружающей его жизни. Но картине недоставало той неуловимой созвучности в цвете, которая зовется — колорит.

Лекомцев готов был даже упрекнуть себя, что за год не научил ученика работать цветом...»

Николай очень надеялся на Москву, на институт, в который поступит и который откроет ему все тайны цвета. Экзамены во Вхутеин держал вместе с Анатолием Кокориным. Оба были приняты на полиграфический факультет. Видя себя только живописцем, Николай расстался с институтом.

Кокорин его отговаривал:

— Коля, не спеш с решением, поживем — увидим...

Аввакумов был непреклонен:

— Графика — не мое дело.

Николай надеялся вернуться в институт через год, но только на живописный факультет.

Возвращение в Пермь было тяжелым. Ему словно не хватало воздуха, рушилась давняя мечта.

Тут подоспело письмо из Асбеста. Главный режиссер профессионального театра «Пролетновь» Лев Яковлев приглашал Аввакумова на работу. Это был хоть какой-то выход из создавшегося положения, и он спешит на родину, надеясь, что перемена обстановки целебно подействует на него.

Театр поначалу захватил. Он с головой окунулся в его непростые заботы: афиши, декорации, костюмы актеров... Бывало, и на сцену выходил, заменяя больного артиста. Репетиции, специфическая жизнь за кулисами, переполненный зал — все это было праздником души.

Но праздник длился недолго, вскоре он понял, что эта работа не по нему.

Фаина Игнатьевна, видя состояние сына, решила ему помочь:

— Вижу, плохо тебе у нас. И мне не по себе, места не нахожу. Поехал бы ты, сынок, куда-нибудь, с настоящими художниками пожил...

— Поеду, мама, ты права. Руки у меня здесь связаны, я ведь больше могу, знаю это, хочется в полный голос говорить.

— Завтра же и отправляйся. Мы с Андреем Евдокимовичем все уже обговорили. Зайди в Свердловске к Давыдычу, он поможет. Письмо ему уже отправила.

И снова собирается Аввакумов в дорогу, не зная, что ему готовит наступающий день.

Он все еще мечтает о живописи и не утратил желания поступить во Вхутеин на живописный факультет.

Пора заниматься настоящим делом, юность пролетела, ему уже двадцать.

НА БЛИЖНИХ ПОДСТУПАХ

В Свердловске Аввакумову помог Григорий Ляхин, работавший в областной партийной газете «Уральский рабочий». Николай познакомился с ним в пермской «Звезде», где немного прирабатывал вместе с Толей Кокориным. Ляхин был на пять лет старше, пробовал себя в политической сатире, получил одобрение уже известного в те годы Бориса Ефимова и чувствовал себя довольно уверенно в строю художников. В «Уральском рабочем» он занимал заметное место.

Благодаря его поддержке, Аввакумов был зачислен художником в штат свердловской пионерской газеты «Всходы коммунизма». А вот с жильем оказалось сложнее. Правда, и эта проблема отпала после встречи с Александром Давыдовичем Ильиным. Давыдыч работал в РКИ и занимался литературной деятельностью. В Свердловске ему отвели неплохую квартиру в особнячке на Пушкинской. Туда Ильин и пригласил сына Фаины Игнатьевны Аввакумовой.

Комнатушка была невелика, но настоящая, с отдельным входом. На двери квартиры рядом с табличкой «А. Д. Ильин» вскоре появилась другая «Н. М. Аввакумов», сработанная молодым художником. Ночевал здесь, правда, Николай не всегда: часто засиживался в редакции до самого утра.

Давыдыч трудно и мучительно писал книгу «Тени прошлого» о гражданской войне. Тема была выстрадана — покормил вшей в белых застенках. Сочинял пьесы. Охотно выступал на антирелигиозных диспутах, сражался с церковниками. Хорошо зная историю религий, он редко уступал в спорах святым отцам.

Как-то вечером Ильин заглянул к Николаю:

— Послушай, я тут кое-что набросал.

«Кое-что» вскоре увидело свет под названием «Библейские мотивы», иллюстрировал книгу Николай Аввакумов. Экземпляр этого редчайшего издания теперь хранится в фондах музея Н. М. Аввакумова.

В Свердловске художник работал много и жадно: каждый день делал для газеты по несколько рисунков. Здесь впервые начала в нем просыпаться любовь к графике, к двум цветам — белому и черному.

В считанные дни Аввакумов стал своим в Ассоциации художников революции (АХР). Опытных мастеров И. К. Слюсарева, Н. С. Сазонова, Т. А. Потапова, А. А. Кудрина и других подкупало в молодом художнике умение работать, его крепкое, уверенное дарование.

Приезд Аввакумова в Свердловск совпал с новым качественным этапом уральской организации художников — начиная с выставки 1930 года все активнее стало о себе заявлять реалистическое направление. Замечательные образцы рабочей темы показали А. П. Давыдов, Г. А. Мелентьев, К. М. Голиков, Н. С. Сазонов. Выше похвал оказался и Николай Аввакумов.

Н. С. Сазонов впоследствии писал:

«Не было равнодушных около картин молодого художника Николая Аввакумова. Изображенные им цеха ВИЗа, а также портреты передовиков производства этого завода поражали глубоким реализмом, реализмом нового качества. У него была счастливая творческая судьба с самого начала: на первой же своей выставке он завоевал симпатию и зрителей, и товарищей по искусству».

Сазонов в своих «Записках...» замечает, что инициативная группа АХР, в которую входил и Аввакумов, несколько лет работала на Верх-Исетском заводе, готовясь к Всеуральской выставке 1928 года. Здесь старого художника подвела память: в то время Аввакумов о Свердловске и не помышлял, поскольку готовился к защите диплома в техникуме. А возможно, дело не столько

в памяти художника, сколько в обаянии личности Коли Аввакумова. Многим людям, только что познакомившимся с ним, казалось, что они знают его давно, чуть ли не с рождения, настолько он был им близок и понятен.

Вскоре Николай стал председателем АХР, но ни в этой работе, ни в газетной отдохновения не находил. Мучило его сознание, что большинство созданных им рисунков — однодневки. Бесперывная изнурительная газетная текучка отнимала все силы, все время. Александр Вязников, свердловский художник, вспоминал: «Николай был равнодушен к оформительской работе, она, я бы сказал, тяготила его». Плакат, заставка к очерку или стихотворению... и так изо дня в день, из месяца в месяц.

А к этому времени он уже создал такие превосходные работы, как портрет брата Павла (1925), «Автопортрет» (1928). Он видел, что способен на большее, душа его рвалась к серьезной работе, к качественно иному уровню.

Предчувствие нового этапа творческой жизни его не обмануло. Впереди была Магнитка, которая повернула его судьбу на сто восемьдесят градусов.

Достоверных сведений о том, как он оказался на строительстве Магнитогорского металлургического комбината, нет. По мнению Н. Ольшанской и Б. Никифорова, исследователей творчества Николая Михайловича, молодой художник отправился на великую стройку по призыву Ленинского комсомола. По другой версии, Аввакумов туда был командирован Наркомпросом. Этой точки зрения придерживается С. А. Пророкова. А Вязников свидетельствует, что Николай Михайлович попал на строительство Магнитки «сам по себе». С его слов, дело выглядело так. В Свердловске открылся корреспондентский пост «Комсомольской правды», им руководил Иван Мартынов, двадцатилетний большевик, сын крепильщика «Смолянки» — старейшей шахты Донбасса. К нему

и обратился за советом Аввакумов. Погодки, они поняли друг друга с полуслова, мгновенно подружились. В Свердловске в то время находилась контора Магнитостроя, так что дела устроились в один день. Вышел оттуда Николай Михайлович уже художником заводууправления будущего Магнитогорского гиганта.

Если следовать версии Вязникова, то именно Мартынов связал на долгие годы Аввакумова с «Комсомольской правдой». (Иван Мартынов, преданный товарищ, прекрасный человек, настоящий коммунист, не вернется из командировки на шахту «Красный луч». В приказе по «Комсомольской правде» будет написано: «Погиб при выполнении служебных обязанностей...») Во всесоюзной газете за 12 января 1932 года благодаря Ивану появились рисунки со строительства Магнитогорского комбината, исполненные Николаем Аввакумовым.

В редакционной статье говорилось:

«О Магнитострое сегодня мы предоставляем слово рисункам молодого художника Аввакумова. Со страницы газеты смотрят талантливые зарисовки отдельных участков и людей Магнитки, и в этих отдельных, разрозненных звеньях встают грандиозных размеров картины мирового строительства.

Аввакумов год работал на Магнитострое. Он привез альбом рисунков, по мастерству, по качеству, по выразительности составляющих крупный художественный документ о Магнитострое. В ближайшие дни «Комсомольская правда» организует выставку работ т. Аввакумова. Нужно, чтобы альбом его рисунков был издан Изогизом.

Комсомолец, бывший фабзавучник, ныне студент полиграфического института, командированный на учебу Магнитогорским горкомом комсомола, дает боевые образцы художника на передовой линии социалистического строительства».

Будет, все это будет! А пока Николай на крыльях

летит прощаться с Давыдычем. Это их последняя встреча. Больше они никогда не увидятся. 1931 год будет последним в жизни Ильина.

ЯРОСТНЫЙ ВЕТЕР МАГНИТКИ

Магнитогорск — город легендарного подвига советского народа, крылатая молодость наших стремительных пятилеток. Каждый третий снаряд, выпущенный в годы Великой Отечественной войны по врагу, был из металла Магнитки.

«...В один из жарких дней июля к горе Магнитной подошли друг за другом два эшелона с молодыми рабочими. Один из Сталинграда, другой из Свердловска. Случилось так, что в одном эшелоне, а именно в сталинградском, среди других добровольцев-строителей был молодой, начинающий журналист, а в свердловском молодой, начинающий художник.

В день приезда обоих поселили в соседних палатках. С этого дня и потом до самого пуска завода приятели, прикипев друг к другу, всегда были рядом.

Журналист с утра пораньше спешил туда, где было горячо, с блокнотом в кармане. Художник мчался вслед, и тоже с блокнотом, только метрового размера. Для блокнота-гиганта художник смастерил нечто... под легкой крышей которого прятались от дождя и солнца листы ватмана».

Эти строки взяты из книги Семена Нариньяни «Звонки из 30 года», где он вспоминает юность, Магнитку и Николая Аввакумова, с которым бы очень дружен. Это тот самый Нариньяни, который организовал на строи-

тельстве маленькую «Комсомолку», первую в стране ночную газету. Она набиралась и печаталась полиграфистами «Магнитогорского рабочего» после напряженного трудового дня.

Аввакумов спешил. Торопил его не столько приближающийся срок окончания командировки, сколько сам темп Магнитки.

В поисках интересной природы художник проходил ежедневно 20—25 километров по стройке. Так он нашел Ивана Пузанова, каменщика высшего разряда, милого, скромного, обаятельного. Честное слово, влюбился Николай Михайлович в этого человека. Да, да, художник должен любить своего героя, иначе ничего не получится!

Приехавший на Магнитку Толя Кокорин, когда увидел портрет Пузанова, обрадовался и удивился:

— Превосходно, Коля! Абсолютная выразительность!

Николай хмыкнул в ответ, застеснялся:

— Пойдем на стройку, посмотришь, как работаем. Только давай сапоги у коменданта попросим.

...В эти дни он готовился к выставке — первой персональной. Каков будет итог двух месяцев, отданных Магнитке?

В клубе пятого строительного участка волновались: и чего это профкому пришло в голову открывать выставку рисунков, то ли дело кино — народ валом валит, сбор нормальный, забот никаких.

Но скоро поняли, какое важное дело выпало клубу. Председатель ВСНХ Орджоникидзе позвонил: справился о времени открытия выставки. Серго, конечно, на Магнитке свой, но чтобы вот так звонить...

Волновался и Аввакумов. Ему, двадцатидвухлетнему художнику, впервые предстояла встреча с героями своих произведений. Как отнесутся к его работам люди, которых он уважал и любил: путиловский рабочий Василий Чернышов, шахтер из Донбасса Семен Лесагурский, дочь

легендарного бакинского комиссара Лена Джапаридзе, сталинградец Леня Шумаков? Примут ли его как художника ребята, с которыми он дневал и ночевал на стройке, выбивал кирпич и уголь, технику и спецодежду?

Николай задумался, отложил скрипку — подарок первого учителя, еще раз склонился над фотокопиями своих рисунков. Да, где-то сыровато, торопливо, но ведь он не ловчил, делал все на совесть. Нет, не стыдно, есть что показать.

Дорого давался ему каждый рисунок. А вот этот — особенно. Домна «Комсомольская». Именно он, раскачиваемый в люльке на огромной высоте яростными степными ветрами, вывел малярной кистью на стальном теле домны: «Комсомольская». Он был не только автором надписи, но и первым ее художником. Потом ее сотни раз увековечат в живописи, графике, фотографии.

Помнится, спустился на землю, — ноги дрожат, не слушаются, но ребята упасть не дали, полезли обниматься. Понял, ради этого стоило рисковать!

Много их, героев Магнитки, пришло на выставку Николая Аввакумова. В сапогах и чунях, в обшарпанных кожанках и старых зипунах, пожилые и молодые, ходили они от рисунка к рисунку, узнавая в портретах себя и своих знакомых.

Молчали. Вздыхали. Думали.

Потом один из мужиков подошел к оробевшему художнику, пожал руку:

— А у тебя ничего лапа, рабочая. Хорошо робишь.

Это был один из передовиков строительства — кочегар парового экскаватора Кочубеев. Жаль, не сохранилось его имени-отчества. Кстати, портрета Кочубеева на выставке не было, значит, не личные чувства руководили кочегаром, просто прихлась она по душе рабочему Магнитстроя.

Не сохранилось и фамилии доменщика, назвавшего

рисунки Аввакумова «индустриальным искусством». А термин этот живет до сих пор.

Подходили к художнику рабочие, извинялись «за беспокойство» и благодарили. Один, крепкий, в заляпанном цементом зипуне, откровенно сказал:

— Мы-то думали, городской, ходит с зонтиком, а он, вышло, нашенький...

Этого городского парня с большой папкой знали на стройке, многих он рисовал, многих приветствовал по утрам, направляясь на стройплощадку.

Новички удивлялись: «И чего бегаешь? Не начальник, не уполномоченный». Потом привыкли и полюбили.

До сих пор поражают трогательные, откровенные и наивные отзывы о выставке Николая Аввакумова: «Интересно было бы эту выставку поместить в музей, и прошло бы несколько лет, когда закончен будет Магнитострой, и тогда придем на выставку и вспомним, как строился Магнитострой». Эта запись заканчивалась удивительно: «Прошу дать художнику первое место на мировой выставке».

Первая персональная выставка. Это огромное событие в жизни каждого художника, к ней готовятся не один год, ее ждут, ее добиваются. А для Николая Аввакумова она была естественна, как дождь и солнце, как снег и трава.

Эта первая выставка уральца вошла в художественную летопись страны, правда, с небольшой неточностью. Е. В. Николаева, автор большого альбома «Рабочий класс и искусство», вышедшего в 1983 году, пишет:

«В практике поездок художников на заводы и стройки появляется новое интересное начинание: показ только что созданных произведений прямо в цехе предприятия. Впервые такая выставка состоялась в 1931 году на Коломенском паровозостроительном заводе, где работала бригада художников-москвичей...

К числу подобных явлений относится и персональная выставка Н. М. Аввакумова в 1931 году на Магнитострое, где он несколько месяцев проработал по командировке Наркомпроса РСФСР...»

Не бригада москвичей, а Николай Аввакумов был первым советским художником, который встретился с героями своих рисунков. О том свидетельствует книга отзывов о выставке Н. М. Аввакумова. Все записи в ней датируются второй половиной октября 1930 года.

Не местническим патриотизмом, а необходимостью восстановить справедливость продиктовано желание напомнить о приоритете Николая Аввакумова в выставках подобного рода.

Николай Аввакумов не только как художник воспел труд строителей Магнитки, но и в буквальном смысле: пел он в самодеятельном ансамбле, организованном Матвеем Блантером, впереди у которого были знаменитые песни «Катюша», «В лесу прифронтовом», «Летят перелетные птицы», и в агитбригаде.

Семен Нариньяни вспоминал: «У художника был лирико-драматический баритон красивого тембра. Журналист аккомпанировал на концертах художнику и вел конференс, освещая его злободневными репризами. И художник был очень доволен, если на следующем концерте ему после арии князя Игоря или Демона поручалось прочесть хорошо поставленным голосом заметку из отдела «Агитбригада помогла».

Однажды агитбригада в составе Николая Аввакумова и корреспондента «Комсомольской правды» Семена Нариньяни в ночь под Новый, 1931 год заплутала на строительной площадке металлургического комбината, когда отправилась с концертом на один из строительных участков. Три часа бродили приятели в бешеном буране, или, как называют такую погоду на Урале, в падере. Потом выяснилось, что заблудились они в самом бойком ме-

сте,—сейчас там прокатные станы. Такая падера разразилась, что даже Николай, коренной уралец, никогда такого не видел, а что уж говорить об южанине Нариньяни. Он быстро сник, полностью доверившись Аввакумову.

Вдруг они услышали спасительный звук рынды. Это рабочие, заждавшись гостей, ударили ломами в рельсу, чтобы помочь идущим артистам.

Они вышли к баракам. Часы давно уже показывали за полночь. Строители долго оттирали замерзших парней, лили им в глотки спирт.

Когда агитбригада оттаяла, рабочие заставили ее исполнить весь репертуар. Спасители были непреклонны. Николай исполнял арии князя Елецкого, «И будешь ты царицей мира...», романс «Я вас любил...». Помимо классики строители затребовали частушки на антирелигиозные темы, пользующиеся славой на Магнитке.

Напрягая голос, еще не отошедший от мороза, Николай веселил своих героев:

Сергей — поп, Сергей — поп,
Сергей — дьякон и дьячок.
Вся деревня Сергеевна,
Комсомольцы Коминтерна...

Досталось и Нариньяни. Когда он показал все свои приготовленные номера, его заставили сочинять новые репризы, подсказывая сюжеты. Что ж, за спасение жизни надо платить. И Семен старался изо всех сил.

Срок командировки подходил к концу, но Аввакумов решил остаться на Магнитке. Он понял, что уже не сможет без горы Атач, без этих работающих ребят.

И были субботники по разгрузке щебня, и ночи в комсомольском штабе, и рейды, и бессонные телефоны, и утро, когда надо идти на службу, а ты с нее и не ухо-

дил. А еще детский изокружок, радиостудия, концерты...

Летом 1931 года приехала Галка. О своем приезде брата заранее не предупредила. Встретились они случайно ранним утром в заводууправлении. Он уже возвращался с площадки с очередными зарисовками монтажа домен.

По дороге в «Березки», где жил Николай и куда они направлялись, он неожиданно исчез. Через минуту вернулся с букетом алых роз. Как потом Галя узнала, рядом была оранжерея. Николай сиял. Он не мог отказать себе в удовольствии, именно себе, потому что не было для него большей радости, чем сделать приятное другим.

Маршрут их изменился. Николай потащил сестру в радиоцентр, за который отвечал как комсорг и диктор.

— Ты молодец, Галка,— звонко радовался Николай.— Знаешь, когда приехать. У меня как раз в гостях композитор. А могу познакомить и с писателем.

Композитор Мариан Коваль тогда стоял на пороге известности. Его музыка нравилась создателям молодого города. Здесь, в радиоцентре, он репетировал очередную музыкальную передачу.

Радиоцентр был очень важным делом в жизни Николая. Его он любил беззаветно, преданно. В программе «Говорит Магнитогорск» он исполнял романсы Чайковского, выступал с призывными комсомольскими речами.

Однажды в радиоцентре на его долю выпал случай, за который он чуть не заплатил жизнью. Шла передача об опыте лучших строителей плотины прямо в эфир, ответственным за нее был Аввакумов. И вдруг из динамика посыпались черные слова про ударников пятилетки. Это замаскированный враг попытался сорвать рабочий праздник.

Про писателей Николай не преувеличивал. Писателей, особенно журналистов, на Магнитке было предостаточно. Она, как магнитом, притягивала к себе — здесь

сооружался крупнейший металлургический комбинат, внесенный в планы первой пятилетки. Здесь дневал и ночевал Серго Орджоникидзе. О делах Магнитки каждый день отчитывались перед ЦК партии.

За стройкой комбината наблюдал весь мир, она олицетворяла большевистский напор, от нее зависел авторитет Советского Союза на международной арене. Символом Советской власти был строящийся металлургический гигант.

Спешат сюда Демьян Бедный, Исидор Шток, Александр Малышкин, Ефим Зозуля, Ярослав Смеляков... Среди гостей зеленого пульмана «Комсомольской правды» Поль Вайян-Кутюрье, Виктор Шкловский, Константин Паустовский.

Из письма писателя Евгения Воробьева:

«С Николаем Аввакумовым я познакомился, когда приехал на Магнитку в составе выездной редакции «Комсомольской правды». Немало интересных подробностей тех дней можно найти в романе «Время, вперед!». В выездной редакции было два Евгения — более опытный (постарше меня на пять лет) Кригер и аз грешный. Мы — два Евгения — послужили Катаеву прототипом молодого журналиста. От Кригера он взял звучную фамилию, а внешность, одежду воспроизвел мои.

Николай Аввакумов... часто бывал в нашем вагоне (вагон стоял в тупике доменного цеха). Он подружился с одним из руководителей нашей редакции Семеном Нариньяни... Иногда Аввакумов ночевал у нас. Помнится, как он однажды рисовал «Комсомольскую» в ночных огнях.

Художник сделал серию прекрасных рисунков и портретов молодых ударников Магнитки...

Хочу сказать и о его музыкальности. У него был красивый баритон, и я слышал в его исполнении русские романсы. Хорошо помню, как Коля Аввакумов проник-

новенно пел по радио романс Чайковского «Средь шумного бала...».

Силен был и журналистский корпус на стройке. Здесь держали специальных и собственных корреспондентов все центральные издания. Среди них было немало замечательных личностей. Один Зиновий Островский чего стоил! С именем этого корреспондента «Экономической газеты» связан любопытный эпизод из жизни строителей Магнитки.

Весной 1931 года на Магнитку прибыл заморский экскаватор «Марион». Машинист Коньшин устроил на радостях двадцатикилометровый пробег на новой технике, машина не выдержала. Разгильдяя наказали, а экскаватор передали комсомольцам.

Ребята расчищали землю под фундамент воздуходувной станции домны. Оборудования скопилось много, а дело двигалось слабо. Молодежь не выдержала и решила взять на вооружение хозрасчет.

Комсомольская делегация направилась в контору, надеясь, что специалисты поддержат их идею. Но руководители Землестроя не приняли новшества. Их остро покритиковала «Комсомольская правда» на Магнитострое. Вскоре из горкома партии раздался звонок: готов ли «Марион-12» к хозрасчету?

— Готов, — ответил Сергей Скакунов, комсомольский секретарь домны.

— У вас есть калькуляция?

— Есть! — сгоряча брякнул Серега и — бежать к Островскому, образованнейшему экономисту.

Используя все свои экономические знания, а также опыт строительства Панамского канала, одну лошадиную силу по имени Катька, принадлежавшую спецкору Нариньяни, прибегнув к помощи Брокгауза и Ефрона, Островский успел составить расчетные документы за день до заседания бюро горкома ВКП(б).

И пошла по стройке слава о передовом экскаваторном экипаже. Начальник Магнитостроя Я. С. Гугель премировал лучших машинистов. А корреспонденты С. Нариньяни и З. Островский были награждены новыми кожаными куртками. На старой фотографии сняты они в «наградах» с Аввакумовым и Штоком.

А Борис Ручьев писал в «Балладе об экскаваторе «Мариион»:

Однажды заметил я в записи новой
на красной доске, проходя у конторы,
мой друг Галимжанов Ахун премирован
за лучшую грузку,
за первую скорость.

Его, у машины стоявшего чутко,
увидел, и, голос до хрипа утроив,
я крикнул в окно экскаваторной будки:
— Скажи мне, как стал ты сегодня героем?

Но он промолчал и серьезен упорно,
будто не слышал простого вопроса.

Ответом — в минуту на спину платформы
пять взмахов ковша с землей перебросил.
В бараке нам всем, загоревшим задором,
он твердо заметил во время беседы:

— Попробуем больше, и знаю — ускорим!
И в этом я слышал начало победы.

1931

Были на Магнитке и столичные художники, известные всей стране. Николай Аввакумов без страха вступал в спор с некоторыми из них. Многими восхищался, но больше присматривался, учился. Порой завидовал той легкости, с которой метры брались за промышленные сюжеты.

Это были дни наивысшего подъема в творчестве Аввакумова. Неверно утверждать, что художник работал на будущее. Он писал «молнии», рисовал для стенной газеты, а однажды принял участие в конкурсе на лучший проект дома-коммуны и получил первое место.

Но давайте заглянем в будущее. О Магнитке напишут книги В. Катаев, С. Нариньяни, Ю. Жуков, другие писатели. Некоторые из этих книг будут проиллюстрированы рисунками Николая Аввакумова. В одной из них обретут общую крышу произведения Аввакумова и Пророкова. А «Звонок из 1930 года» оформит Аввакумов-младший, поместив в книгу около двадцати работ отца.

Вот как оценят магнитогорский период в творческой судьбе Николая Михайловича современные искусствоведы.

«Строительству Магнитогорска посвятил свое серьезное и скромное искусство молодой художник Н. Аввакумов. Его выполненные углем и карандашом рисунки в совокупности составили летопись строительства.

Они воспроизводят волевых и целеустремленных тружеников, величавые индустриальные ландшафты...»

Эта выдержка взята из солидного труда «Советское изобразительное искусство 1917—1941 гг.», вышедшего в 1977 году.

Я долгое время не мог принять «скромное искусство», что сие означает? Все чудился какой-то обидный смысл, тем более что и основания для этого были: скажем, в скольких изданиях по истории советского изобразительного искусства имя Аввакумова не упоминалось вовсе или называлось мимоходом, а лучшие его работы до сих пор не изданы отдельным альбомом.

Но однажды прочитал высказывание великого Паоло Веронезе: «Наиболее ценные свойства в художнике: искренность и скромность». Именно эти качества определяют творчество Николая Аввакумова. Не случайно Софья Пророкова считает магнитогорскую сюиту Аввакумова непревзойденной никем из советских графиков.

Осенью 1931 года Николай Аввакумов, командированный комсомолом Магнитогорска на учебу в столич-

ный художественный институт, заехал в родной Асбест.

В. А. Абаскалов запомнил эту встречу так:

«Николай погостил и в нашем доме. Рослый, крепкий, улыбчивый, он показывал нам свои большие папки. В них, если не подводит память, было около двух тысяч рисунков.

Показывая один портрет, он разгневался. Таким его редко кто видел. Оказывается, рисовал ударника строительства, а тот возьми да и сбеги к себе в деревню — сытнее, лучше».

Некоторые портреты Аввакумов позднее обозначил как «портреты неизвестных». А он, между прочим, всю жизнь любил подписывать рисунки подробно, чтобы было ясно, кто это и где это.

ПО МОСКОВСКОМУ ВРЕМЕНИ

В декабре 1931 года дом в Малом Черкасском переулке, где размещалась редакция «Комсомольской правды», принял очередного посетителя. Это был крепко сбитый молодой человек в суконной куртке на вате, в большом черном картузе. Он неторопливо шел по этажу, поддерживая правой рукой огромную картонную папку. А вот и дверь, которую не раз описывал ему Семен Нариньяни, — над ней был укреплен человеческий череп в цилиндре и белой манишке. Таким виделось комсомольским сатирикам будущее капитализма.

Николай подмигнул символу и распахнул двери художественного отдела.

В молодежной газете в те дни работали Пророков, Брискин, Лисогорский, Мазрухо, Семенов, Соифертис...

Молодые, настырные, зазорные, поклоняющиеся всем богам художественного мира, бродяги и труженики, часто ночующие на редакционных столах, встретили новичка с интересом. Среди них была и Софья Пророкова, тогда еще молодая журналистка Соня Лаписова.

Все они внимательно разглядывают очередного геня, которого так шумно рекламировал Нариньяни. Сколько их, великих, появлялось в этой комнате. Они, как правило, были на ты с большими художниками, запросто препарировали искусство, выпрашивали авансы в бухгалтерии и незаметно со временем исчезали.

Еще один такой? Но этот не болтлив, обстоятелен, скромн, волнуется. Снял картуз, скинул куртку и... улынулся, застенчиво и светло, точно извиняясь за южный темперамент Семена. Голубые глаза глядели доверчиво, открыто. Этого он ждал и от художников, к которым пришел. По тому, как он бережно раскрыл папку и взял в руки первый рисунок, чувствовалось — цену себе знает. Показав рисунок, аккуратно укладывал его в папку и застилал зеленой папиросной бумагой.

С ватмана вставала горячая плоть Магнитостроя, мощь социалистической индустрии, первозданность, свежесть, новизна — такого «Комсомолка» не видела.

Зрители заперешептывались. Художники поняли, что перед ними истинный талант. Даже те, кому претили эти домны и мартены, не смогли не принять мастерство рисовальщика с далекого Урала, его умение вдохнуть жизнь в грудy металла, одухотворить неживую природу.

Рисунки тут же отправили в фотолабораторию. Было решено поставить их на всю четвертую страницу.

Этот дом в Малом Черкасском переулке на многие годы станет Николаю Аввакумову желанной пристанью, родным домом, домом на всю жизнь.

Но почему же Аввакумов оказался в «Комсомольской правде», ведь он поступил на художественно-

графический факультет полиграфического института (бывший Вхутеин)?

Софья Пророкова, со слов самого Аввакумова, пишет так:

«Аввакумов стоял у своего мольберта в институте, и профессор Павлинов, как всегда, прошел мимо него.

В чем же дело, почему преподаватель ни разу за полгода не остановился возле него, не сделал ему ни одного замечания, но охотно и много помогал другим?

Это начинало уже нервировать, хотя Аввакумов был очень спокойным и выдержанным человеком. Он сам подозвал профессора и попросил его совета.

И здесь произошло непоправимое. Профессор, не задумываясь, сказал:

— В своем роде вы художник законченный, и перестать учить вас поздно.

Что значит «в своем роде», в каком своем роде? Ведь Аввакумову очень многое импонировало из метода Павлинова, и он стремился как можно лучше усвоить то, чего добивался профессор. Почему же ему отказано в том, чем пользуются другие?

Павлинов приучал студентов не пассивно списывать, а вдумчиво изучать натуру. Почему же он, педагог, оказался столь нетерпим к Аввакумову, почему не захотел сделать шаг к нему? Ведь Николай был еще молод, достаточно податлив.

Но разговор на этом кончился, и он оказался решающим. Аввакумов был вынужден покинуть институт...»

Николай остался наедине с тяжелыми мыслями. Выходит, никакой он не художник, так себе, мазила...

Впереди его ждала встреча с Борисом Пророковым. Во многом их судьбы были схожи. Пророков был иск-

лючен из того же института, побывал на уральских стройках, а теперь выбирал свой путь в жизни. Молодых художников многое сближало: желание упорно работать, пристрастие к реализму. Сближало и непонятное отношение к ним такого великолепного педагога и художника, каким был Павел Яковлевич Павлинов (1881—1966).

Борис Иванович вспоминал:

«...Стою у мольберта. Рисовал обнаженную натуру. Павлинов что-то долго говорил Купецию, многое ей объяснял. Снова прошел мимо меня. Тогда я его окликнул и попросил, чтобы он сказал, правильно ли веду рисунок. Он мне сказал нижеследующее, прежде подумав:

— Вы способный человек (не помню точно, кажется, — безнадежно), испорченный Третьяковской галереей.

Я не понял, в какой связи он это сказал. Когда я приехал из Иванова, самоучка, самодеятельный художник (в строительном клубе и на кирпичном заводе делал стенгазету), не представлял себе, что такое Третьяковская галерея. После приезда не успел сбежать...

Когда из Вхутемаса прогнали, поехал на Магнитку».

Дружба их продлилась всю жизнь. А тогда они сделали один вывод — учиться у жизни. Так оказался Николай Аввакумов в «Комсомольской правде». Миллионы читателей полюбили его рисунки. Пришлось им по душе и манера художника, и его страстность, и умение сопереживать, утверждать добро.

Теперь, когда прошло почти шестьдесят лет, трудно установить, что стояло за фразой профессора Павлинова, решившей студенческую судьбу Аввакумова. Вряд ли педагог вкладывал в нее какой-то обидный смысл. Действительно, Николай к тому времени был уже законченным художником, прошедшим курс авторитетного Пермского художественного техникума. Думается, по молодости лет хлопнул он дверью вуза. Навряд ли были

у Павлинова серьезные основания быть недовольным Аввакумовым.

На Восьмом съезде ВЛКСМ М. И. Калинин назвал «Комсомольскую правду», тогда еще молодое издание, «великолепной газетой».

«Я смело скажу,— заявил он с трибуны съезда,— что нет ни одного органа, который бы, как «Комсомольская правда», имел такое влияние на рост и формирование комсомольского характера...»

В газете еще недавно гремел удивительный голос Владимира Маяковского, своими здесь были Жаров, Безыменский, Шведов, Светлов... Часто печатались художники Моор и Дени. Выступали Кукрыниксы, Дейнека. Общение с ними было прекрасной школой для журналистов и художников. Беседовали они не столько о работе, сколько о жизни, об искусстве. Лучшей атмосферы для молодого художника и желать невозможно. Николай, впитывая опыт старших, стал смотреть на газету иными глазами.

Ветераны «Комсомолки» помнят, как с приходом Аввакумова газета будто бы заново родилась в оформительском плане. Он привнес мужественную, строгую и вместе с тем красивую манеру рисунка, которой молодежная газета сразу выделилась из семьи столичных изданий. Патетика, заложенная в оформлении, как нельзя лучше подошла комсомольскому характеру любимой газеты советской молодежи.

Вскоре без работ Аввакумова не планировался ни один праздничный номер «Комсомольской правды». Да и читатель ждал его рисунки. Рука молодого мастера узнавалась и без привычной монограммы «Н. А.».

К 15-летию Ленинского комсомола редакция газеты задумала выпустить необычный номер. Особо надеялись на художников. И те не подвели. Они предложили на внутренних страницах газеты изобразить контуры орде-

нов Красного Знамени и Трудового Красного Знамени, которыми был к тому времени награжден ВЛКСМ, а на полосах — шахтера с отбойным молотком и красногвардейца.

Мысль всем показалась интересной. Старые газетчики, вспомнив возможности типографии, заволновались: возьмутся ли полиграфисты, слишком много для них работы.

В типографии набрали обе внутренние страницы, оттиснули их на полуватмане. Теперь подключился Аввакумов, он нарисовал фигуры шахтера и красногвардейца и очертания орденов, идущие по тексту на всю страницу.

Чертовски трудным оказалось полиграфическое новшество. Вспомнилась Магнитка, где Николай рисовал орден Ленина на вагоне выездной редакции «Комсомольской правды».

После художника типографские умельцы сделали клише целиком с полос, а затем уже отлили стереотипы. Кажется, это было впервые в издательском деле молодой республики. И закрутилась печатная машина.

Николай возвращался к себе на Баумана совершенно измотанным, уставшим. Но в душе жила радость: номер газеты получился праздничным, боевым, полным энергии.

Многие издания взяли на вооружение новый художественный прием «Комсомольской правды».

Журналисты и литераторы были рады каждой совместной поездке с Аввакумовым по городам и всям крепущей социалистической отчизны.

Помимо творческих удач 1933 год принес Николаю Аввакумову два счастливых события: у него появилась семья, он женился на Галине Давыдовне, сестре Семена Нариньяни, и в том же году после окончания Пермского техникума в Москву перебрался брат Павел. Он ус-

пешно сдал вступительные экзамены в художественный институт.

В этом же году открылась выставка, посвященная 15-летию Российской Федерации. В священную тишину Третьяковской галереи властно вторглись могучие голоса индустриальной Магнитки: строители домен, огромные цехи гиганта на берегах Урала, одухотворенный металл первой пятилетки... Аввакумов был одним из приметных авторов большой выставки. Москвичи и гости столицы узнали теперь его и как певца индустрии.

Многим рисункам, в том числе портрету клепальщика Ишмакова, суждено было остаться в фондах крупнейшего собрания шедевров русского и советского искусства.

Художник Наум Лисогорский запомнил его в те дни таким:

«Коля Аввакумов.

Его лицо могу нарисовать по памяти. Очень доброе, улыбочное, с прищуром очень синих зорких глаз. Зрачки их — черные, большие, какие могут быть у летчиков и орлов...

Когда на выставке я впервые увидел его рисунки, был поражен мастерством и красотой исполнения...»

Одну за другой создает Николай Михайлович графические серии «Украина», «Метрострой», «Калмыкия», «Кабардино-Балкария», «Линкор «Марат»... Эти рисунки — итог работы в выездных редакциях «Комсомолки».

Несколько строчек из украинского письма Аввакумова того времени:

«Уже в первый день сделал три рисунка...

Работать придется, как тигру. Ребята — работники вагона — работают по 20 часов в сутки в полном смысле этого слова. Мне, любящему поспать, будет туговато. Но работа настолько интересна, что я готов на любые жертвы».

Из письма с Кавказа:

«Моя командировка до последних дней была очень неудачна (дождь, слякоть, снег.— А. Ч.). Приезд Сергея Крушинского (нашего очеркиста), возможно, изменит положение к лучшему. Он будет писать серию очерков о Кабардино-Балкарии. Это совпадает с темой моей серии и даст возможность нам интересно построить материал; не только для «Комсомолки», но и для издания его отдельной книжкой».

Еще строки из письма того же периода:

«Целый день ездили с Калмыковым по Кабарде. За двенадцать часов (включая сюда продолжительные остановки) отмахали на машине более двухсот километров».

Бетал Калмыков — легендарный герой гражданской войны, партийный руководитель горской республики. Таких любил рисовать Аввакумов. Казалось, вот кого надо бы поставить в композиционный центр задуманной серии, но у художника другая задача — он делает портреты и зарисовки простых тружеников, он решил показать во весь рост некогда отсталого жителя российских окраин, а теперь хозяина новой жизни. Вот почему серию «Кабардино-Балкария» украсил портрет горянки Шамшиат Шахмурзаевой, женорганизатора аула, а не героическая личность Калмыкова.

Полнятся его блокноты рисунками и записями. В них он заносит впечатления от поездок: беседу со стариками, их рассказы о прошлом, встречу с лихим трактористом, чьи родители знали только один вид транспорта — гужевой, и знакомство с полиграфистом, печатающим газету на родном языке. Времени на все не хватает, в сутках всего двадцать четыре часа! Обычно Аввакумов делал на месте законченный рисунок. Сейчас он изменил себе: многое записывает, набрасывает черновики композиций, надеется на зрительную

память. Так было и в Калмыкии, где память об Аввакумове живет до сих пор.

Недавно в запасниках музея Н. М. Аввакумова нашел я письмо его жены Галины Давыдовны, посланное в Асбест в 1967 году. Оно словно эхо одной из творческих командировок художника:

«...Мне звонили из музея города Элисты. Просят прислать Колины работы, правда, средства, говорят, у нас ограничены, но хочется иметь произведения, сделанные перед войной. Коля был в Калмыкии и немного там рисовал. Дело не в деньгах, пусть вещи хранятся в музеях». Кстати, Галина Давыдовна после гибели мужа, поднимая на ноги двух сыновей, материально жила не ахти.

В это время он много и напряженно работал: командировки, подготовка к выставкам, оформление книжек, занятия в институте повышения квалификации у академика Кардовского, а еще музеи, театры, спорт.

На девятом съезде в 1931 году комсомол взял шефство над Военно-Воздушным Флотом СССР. Авиация была предметом особой заботы советской молодежи. Ясно, что «Комсомольская правда» стала рупором нового движения, его пропагандистом и агитатором.

Работники ЦК показывали личный пример, осваивая авиационную технику, летая над российскими равнинами на самолетах, прыгая с парашютом.

Заслуженной популярностью пользовался парашютный спорт. К 1935 году в стране было несколько тысяч воздушных спортсменов.

Летом того же года «Комсомольская правда» опубликовала заметку «Еще двенадцать парашютистов». В ней перечислялись сотрудники редакции, прыгнувшие с плоскости самолета. Среди них был и художник Николай Аввакумов, известный в редакции спортсмен. Он долгое время с гордостью носил значок парашютиста.

56 лет назад его кумир Илья Репин зарисовал воздушный шар в Клину, на котором поднимался Дмитрий Менделеев, чтобы наблюдать затмение солнца. А сейчас он, Аввакумов, зарисовывает в Кунцево подготовку к полету первого стратостата «СССР». Назавтра в газете появится этот рисунок и короткий рассказ, написанный писателем и репортером Михаилом Розенфельдом, с которым любил работать Николай Аввакумов.

НА МОРЕ СТУДЕНОМ

Вряд ли безвестная рыбацья Кандалакша, затерянная на берегу Белого моря, со своими тремя кривыми улочками и древней поморской церквушкой, попала бы в поле зрения московских газет, и вряд ли собрались бы здесь известные писатели, художники, журналисты, если бы не случай — осенью 1933 года в Кандалакше Эпрон (экспедиция подводных работ особого назначения) поднимала судно «Садко».

Ледокол «Садко» был закуплен царской Россией у англичан в 1913 году, накануне первой мировой войны. Стоил корабль весьма недешево — миллион золотом.

По каким-то надобностям в 1916 году на нем из Архангельска в Кандалакшу отправились губернатор и архиерей. И надо же было случиться такому — на полном ходу ледокол наткнулся на могучий острый камень, пропорол себе днище и затонул на глубине двадцати трех метров.

Шла первая мировая война, дела до затонувшего корабля никому не было.

И вот теперь предстояла сложная операция по подъему ледокола.

Кандалакша сразу попала в поле зрения всех столичных газет. Каждая стремилась опередить другую, первой подать материал о сенсационном деле Эпрона. От «Комсомолки» были командированы художник Николай Аввакумов и репортер Михаил Черненко.

Добирались они до Кандалакши на перекладных, спешили, но, к огорчению, были не первыми. Здесь уже собралась вся классика советской литературы! По берегу ходили знаменитые писатели: Алексей Толстой со своей неизменной трубкой, Самуил Маршак, словно высеченный из монолита Вячеслав Шишков, славный Иван Соколов-Микитов... Были и братья-газетчики.

Поселили Аввакумова и Черненко на эпроновском катере «Декрет». Матросский кубрик Николаю понравился. Писатели устроились на берегу, в чистом домике художника Пинегина.

Кандалакшские рисунки Николая Аввакумова необыкновенны: в них и легкость, и какая-то мощь, кажется, они наполнены бурным ветром северного моря.

Он писал Галине Давыдовне:

«Командировкой доволен, уже изрисовал всю взятую с собой бумагу. Природа здесь исключительна по красоте, несмотря на то что находится за Полярным кругом. Да и погода стояла очень хорошая. Только за последние дни становится все холоднее и холоднее, и день заметно убывает. Жалею, что не взял с собой краски, уж очень живописны здешние места».

Места действительно были прекрасны: богатырская, хотя и небольшая река Нива, горы вдоль нее, каменистый мыс, остров Богомолиха, где спаслись пассажиры «Садко». По заливу сушатся поморские неводы и сети, амбарушки забежали по колено в воду, заглядывая в глубину, где бродит рыба...

Но больше всего занимал Николая Михайловича Крылов Фотий Иванович, невысокий такой морячок,

дореволюционный юнга, царский матрос, после революции командир батареи на Красной Горке, а теперь начальник Эпрона. Фотий Иванович участвовал в первых советских подъемах «Народовольца» и «Памяти Азова» на Черном море. Снимал с турецких мелей советский пароход «Ильич», затем «Харьков», подводные лодки.

— А про персидского тральщика слышал? За ним сам шах наблюдал. Ну, мы, конечно, показали класс.

Быстрый карандаш бегаёт по аввакумовскому блокну. Крылов, неустрашимый подводный начальник, обретаёт вторую жизнь — в искусстве.

— А ещё был Дальний Восток. Там мы поднимали такие суда и таким образом, что не снилось японцам.

Прекрасен и руководитель подъемных работ Павел Владимирович Симонов. Он все время страшит писателей ужасами подводной жизни. Особенно старается, когда Алексей Толстой жаждет побывать в костюме водолаза на дне морском. Поняв, что Симонов не шутит, Толстой отказался от водолазного подвига.

Так и просится на карандаш старшина водолазов Смольников — статный, рыжеволосый. В воде он чувствует себя большой рыбой, жаловаться не умеет. В холодной черной пучине на ощупь работает больше всех — по восемь — двенадцать часов с небольшой передышкой. Вылез, покурил и снова на дно.

В бригаде «Комсомолки» замена, Черненко отозвали в Москву, а на его место приехал Михаил Розенфельд — живая легенда репортерского племени. Он только что с Севера, с настоящего моря, полон энтузиазма и новостей.

Газета рисунков Аввакумова ещё не печатает — операция в силу сложившихся условий идет медленно. Но один из них уже облюбован Алексеем Толстым, им он проиллюстрирует статью «Упорство, смелость, творчество», опубликованную в «Комсомольской правде» 8 октября 1933 года.

После неудач и повторных работ наконец наступает день главный.

Телеграмма Михаила Розенфельда в Москву:

«Вчера, 14 октября, в полдень был объявлен приказ о подъеме «Садко». Все участники экспедиции столпились на палубе «Декрета», не спуская глаз со спокойной голубой поверхности залива. В 20 метрах от нас на воде неподвижно торчит вежа, указывающая место, где должен подняться «Садко». В заливе яркое солнце. Слегка затуманенные, блестят покрытые снегом сопки. В нервной тишине стояли люди, глядя на воду и ожидая признаков всплытия корабля...»

Инженер Бобрицкий, по методу которого шел подъем, не отлучался от компрессоров на «Декрете». В 10.30 истошно забила рында, возвещая о появлении «Садко» над водой,— показался нос. Чернобородый боцман Дубровкин забрался на мокрую палубу и под всеобщее одобрение закрепил над капитанской рубкой ледокола советский морской флаг.

Работа продолжалась допоздна:

«В 3 часа 25 минут вода слегка заволновалась. Вежа покачнулась, тов. Крылов крикнул: «Идет, идет!» Вода закрутилась, закипела, вспенилась, и со страшным шумом, точно со дна вырвался снаряд, вздымая колоссальные валы зеленой пены, на поверхность огромным чудовищем вынырнула корма «Садко».

В вечерней тьме спасенный ледокол, приветливо помахивая электрическими огнями, покачивался у Богомолихи. Экспедиция праздновала его спасение. С поднятых со дна морского и просушенных пластинок так же прекрасно, как и семнадцать лет назад, пела Вяльцева. «Не счесть алмазов в каменных пещерах» — арию из оперы «Садко» встретили аплодисментами.

Аввакумов, слушая старые пластинки, совсем забыл о своих блокнотах. Темпераментный Розенфельд пинал

его под столом, но Николай, верный музыке, только улыбался Мише и просил поставить арию еще и еще.

Пластинки Вяльцевой и Дамаева водолазы преподнесли на память спецкорам «Комсомолки». В числе других интересных находок на «Садко» были письма. Одно из них удалось прочесть: писал солдат с фронта детям в Архангельск. Но более всего поразило огромное количество настоящего кардиффского угля — почти триста тонн. Он хорошо сохранился и отлично горел в топке «Декрета». На этом угле «Декрет» дошел до старинного Архангельска, где корреспонденты и водолазы простились как лучшие друзья.

«Садко» долго ремонтировали. Потом старый ледокол взял на себя ученых и направился в первую советскую научную экспедицию в северные широты Ледовитого океана.

Поднятый со дна морского корабль еще немало послужил своим спасителям.

«ПРЕЛЕСТЬ ЭТОЙ РАБОТЫ...»

Во второй половине тридцатых годов важное место в творчестве Аввакумова занимает работа над портретами выдающихся революционеров и замечательных современников.

Произведения тех лет различны по своей значимости, не все удачны, но одно несомненно — каждый портрет рождался в результате большого напряженного труда, сложных поисков единственно верного решения.

Стремясь достичь пластичности и выразительности образа, художник сначала лепил скульптуру и уже по ней искал освещение, нужный ракурс, композицию. Часто

обращался за помощью к людям, хорошо знавшим того или иного героя будущей работы.

Прежде чем позвонить Стасовой, художник долго раздумывал. Стасова — гордость партии, одна из первых большевичек, член ВКП(б) с 1898 года, соратница Владимира Ильича Ленина.

А ну вдруг как откажется от встречи? Но, во-первых, надо будет сказать, что он представляет «Комсомольскую правду», а, во-вторых, что выбранная им тема его давно волнует и мучит. Он хотел рисовать Ленина.

Елена Дмитриевна откликнулась мгновенно:

— Рисовать Ильича? Это прекрасно! Одобряю, молодой человек, приезжайте, когда будет угодно. Кстати, не сочтите за комплимент, ваш рисунок «Международный юношеский день» мне показался очень интересным и необычным.

Встречи со Стасовой были дороги Аввакумову. Она прекрасно знала Ленина и рассказывала художнику о днях Апрельской конференции большевиков так, чтобы он прочувствовал характер того времени, страсти, борьбу, тончайшие нюансы.

Художник ждал этих встреч. Нужда у него была большая. Ему заказали работы для альбома «XX лет Советской власти», в частности многофигурный рисунок из истории Коммунистической партии. Новая тема, дорогой образ вождя революции — все привлекало Аввакумова в этой работе.

В письме своему другу, американскому художнику-коммунисту Фреду Эллису, Николай Аввакумов писал:

«Это очень большая, историческая, интересная и сложная работа. Исторический сюжет (с шестнадцатью портретами известных парт. работников) трудно исполнить, имея под рукой ограниченный фотографический материал. Прелесть этой работы особенно начинаю испытывать сейчас, когда, создавая образ Ленина и читая

о нем литературу, я встретил много сюжетов, связанных с его замечательной жизнью. Этим сюжетам я решил посвятить несколько лет своей жизни, этой мыслью я целиком пленен».

На Бауманской, в комнате художника (у него не было мастерской.— А. Ч.), появляются отливки с андреевских портретов Ленина — в этого скульптора Аввакумов верит особо: он видел вождя. Смотрит кинохронику, читает воспоминания, изучает фотографии.

Галина Давыдовна волновалась: он не спит ночами, утром с больной головой отправляется в «Комсомольскую правду», как бы это не отразилось на здоровье. Николай Михайлович, напротив, оживлен, весел, шутит, только под глазами черные тени. Его будоражит работа, он много думает, ищет все новые и новые варианты.

Он покупает билет в Ленинград, надо увидеть бывший дворец Кшесинской, где проходила конференция. Это очень важная для художника поездка. Недостает знаний реальной обстановки, деталей, воздуха, которым дышали делегаты конференции.

Он мысленно восстанавливает те давнишние события, а карандаш снова бежит по блокноту, простой карандаш, такой незаменимый в дороге.

А думы, когда идет в тамбур перекурить, уводят в печаль. Что-то перестал появляться Павел, младшенький, любимый брат. Дела у него в институте прекрасные, художник растет — дай бог, а вот личное...

Когда виделись в последний раз, Паша был хмур, неприветлив. Внезапно исчезла из Москвы его девушка Ирэн, полька по национальности, однокурсница. Брат Ирэн, крупный командир, был выслан из столицы, как и многие другие. Значит, и ее не обошли.

Подожди, Паша, все объяснится...

Но парень места себе не находил, словно чувствовал, что больше никогда не увидит Ирэн.

Что-то в мире случилось страшное и странное, непонятное и непонятое. Власти объявляют врагами народа старых большевиков, прославленных командармов, писателей... Не обошла беда и «Комсомольскую правду». Когда арестовали Александра Косарева, любимца молодежи, газета осталась без прикрытия. Первым увезли редактора Володю Бубекина, за ним следом многих наиболее ярких журналистов.

Аввакумов усилием воли отводит черные мысли. Впереди Ленинград, сейчас он расставит по местам своих героев: Ильича, Дзержинского, Свердлова, Сталина, Крупскую, Молотова...

Тщательно, вдумчиво, как никогда, заносил он в альбом зал, люстры, окна, даже стулья, не желая и в мелочах отступить от правды.

Ленинградцы с любопытством наблюдали за художником, а он, не обращая ни на кого внимания, работал и работал, как бывало на Магнитке, вздохнул, радостно, будто бы впервые.

Эскиз был опубликован в «Комсомольской правде». Аввакумов не мыслил творчества без апробирования на миллионах. Трудно назвать какое-то его произведение, не прошедшее такого могучего и мощного фильтра, как газета. Пожалуй, он был первым советским художником, который все свои рисунки пропускал через периодическую печать.

«Апрельская конференция», опубликованная 6 мая 1937 года, вызвала споры. Аввакумов продолжил работу, посвятив ей дни и ночи. Когда в 1940-м она появилась на выставке советской графики, у него был готов и портрет В. И. Ленина. Портрет простой, скромный, задумчивый, не напоминающий другие.

На той же выставке была представлена на обозрение и другая работа Н. М. Аввакумова — «Выступление В. И. Ленина на III съезде комсомола». Она много раз

широко воспроизводилась, стала признанной, но сам автор был ею недоволен: «Композиция получилась скучной, много параллельных линий: как вертикальных, так и горизонтальных». Может быть, он был чересчур строг к себе?

К тому же периоду относятся портреты Карла Маркса и Фридриха Энгельса, одни из лучших графических изображений этих великих революционеров. Не случайно к первой художественной биографии пролетарских вождей, написанной Галиной Серебряковой для издательства «Молодая гвардия» (серия ЖЗЛ), подобраны именно эти аввакумовские рисунки.

Это было время, когда Аввакумов вплотную занялся станковой графикой. Период, когда он стал известен как мастер общественно-политической тематики. Возрос поток заказов из издательств, из музеев: хочется иметь ваши произведения.

Слава льстит. Выдержит ли ее тридцатилетний художник?

АВВАКУМОВ И ГОРЬКИЙ

Среди книг в доме Аввакумовых в Асбесте на первом месте были произведения Максима Горького. Писатель босяков, он особенно был любим на приисках горного льна, населенных таким же людом, что его повести и рассказы. Были в поселке и Челкаш, и Чудра, и Мальва, и Коновалов, множество других героев.

Запойное чтение книг Горького для юного Аввакумова не прошло даром. Он пробовал что-то нарисовать, изображал прочитанное на бумаге, а однажды попытал-

ся нарисовать портрет писателя. Фаина Игнатьевна критически осмотрела рисунок, сделала замечания (ей Коля верил безоговорочно), отметила хорошие пропорции и поставила портрет к себе на письменный стол. Это было признанием успехов маленького рисовальщика.

Об этом вспомнилось, когда позвонили из музея Горького и пригласили зайти для разговора. Оказывается, там заметили портрет основоположника советской литературы, опубликованный Аввакумовым в газете, и захотели иметь его в фондах. Звонила сотрудница музея Н. Ф. Корицкая. Она всю жизнь затем вспоминала Николая Аввакумова как самого чистого и светлого человека.

Не чуя под собой ног, летел Аввакумов на улицу Воровского, 25, где расположился музей писателя. Он еще не знает, что его портреты Горького украсят музей наряду с работами Репина, Серова, Нестерова, Коненкова, Мухиной.

Разговор в музее поверг художника в трепет. В зале, где экспонируется портрет Алексея Максимовича кисти гениального Серова, должны появиться и его рисунки. Есть от чего оробеть! Серова он боготворил.

Первые рисунки Николай делал углем, вкладывая в них весь свой опыт портретиста, вдохновение, любовь к писателю. Когда поставил монограмму «Н. А.», долго отдыхал, не решаясь поверить, что закончена большая работа. Но его ждала беда. Уголь требует к себе особого внимания, рисунки нужно было закрепить. В музее этого никто не знал, и уголь осыпался. Пришлось Аввакумову восстанавливать их заново, свежесть вернуть не удалось, хотя он сделал все, и даже больше.

В большом альбоме «А. М. Горький в изобразительном искусстве», вышедшем в 1969 году, есть несколько работ Н. М. Аввакумова. Среди них портреты Горько-

го 1936, 1937, 1939 годов. Два из них поступили в музей писателя от художника и два от его жены уже после смерти Аввакумова.

На мой взгляд, лучший портрет писателя воспроизведен в «Комсомолке», в номере, где сообщалось о смерти Горького. На этом маленьком шедевре изображен добрый, старый человек с улыбкой в вислых усах.

Фаина Игнатьевна в те печальные дни достала из своего архива детский рисунок Коли и сравнила — Алексей Максимович изменился за два десятилетия. На мальчишеском портрете он выглядел чуть беззаботным, не обремененным грузом прожитой жизни, а со страницы «Комсомольской правды» смотрел на мир мудрый, спокойный человек.

Фаина Игнатьевна вздохнула и спрятала оба портрета в старую шкатулку. Завтра она понесет их в школу и расскажет детям о человеке, который написал «Песню о Соколе».

А пока надо ответить сыну на его последнее письмо. Что написать? Все у нас в Асбесте хорошо, живем ладно, от Гали из Ленинграда вести приходят утешительные. Да, новость: Толя теперь в Челябинске, работает на ТЭЦ. Ну а Паша у тебя на виду. Здоровье у меня, как всегда, нормальное, правда, давление пошаливает... Нет, об этом писать не стоит... Да, Коленька, сегодня нашу школу назвали именем Максима Горького. Это приятно и в то же время скорбно.

Фаина Игнатьевна проживет долгую жизнь. Счастливую ли?

В годы войны она понянчит Колиных сыновей Игоря и Мишу, которых привезет в Асбест Галина Давыдовна. Она полюбит эту молодую женщину, бывшую сотрудницу секретариата Молотова, сестру знаменитого журналиста Семена Нариньяни, но ей все время будет не хватать детей — Павла, прах которого покойся в

Донском монастыре, Толи, погибшего в 1942-м, Николая...

Фаина Игнатьевна отложила ручку, задумалась...

Средняя школа № 1 города Асбеста, уже переехавшая на новое место, до сих пор с честью носит имя пролетарского писателя. Всегда, когда прохожу мимо бюста Горького возле школы, думаю о том, что буревестник революции дорог асбестовцам и как великий писатель, и как герой художника-земляка.

Искусствовед Н. Ольшанская в своей книге «Н. М. Аввакумов» выделяет среди аввакумовских портретов Горького тот, что выполнен в 1938 году.

Обычно художники, обращаясь к образу молодого Горького, акцентируют в нем черты революционной романтики, протеста, бунта. Изображают его с гордо откинутой назад головой, с развевающимися волосами, на фоне гневного моря...

Ольшанская пишет:

«Аввакумов дает несколько иное истолкование образа, стремясь передать прежде всего глубину и богатство внутреннего мира молодого писателя, его раннюю творческую и политическую зрелость. Исполненный акварелью в сдержанной колористической гамме, портрет решен и в композиционном отношении чрезвычайно просто. Горький сидит, откинувшись на спинку стула и словно забыв о книге, которую держит в руке. В серьезном, несколько суровом взгляде Горького, во всем его облике живо ощущается человек, задумавшийся о судьбах своей родины, человек больших идей, больших мыслей».

А вот оценка портрета 1939 года, на котором Горький изображен стоя, с обнаженной головой, плащ, сброшенный на плечи, спадает прямыми тяжелыми складками. «Этот портрет,— заключает исследователь,— отмечен подлинной монументальностью, высоким драматизмом образа».

Интересен обобщающий вывод Н. Ольшанской: «Исполненные Аввакумовым портреты Горького принадлежат к таким произведениям советского искусства, как живописный портрет И. И. Бродского, как скульптурные образы, созданные И. Д. Шадром и В. И. Мухиной».

ПО СЛЕДАМ ПЕРМСКОЙ НАХОДКИ

Уже в наши дни сотрудники отдела графики Пермской художественной галереи заинтересовались одним из рисунков Франса Мазереля, хранившихся в их фондах. Он называется «Революционный пролетариат», датирован 1935 годом и подписан монограммой автора.

Искушенные специалисты сами себе не могли поверить — да ведь «Революционного пролетариата» нет ни в одном каталоге известного зарубежного мастера!

Радость, охватившая искусствоведов, понятна. Каждое произведение больших художников представляет немалую духовную ценность. И ценность эта неизмеримо вырастает, когда обнаруживаешь вещь, неизвестную широкому кругу почитателей искусства. А о «Революционном пролетариате», судя по всему, не знали и на родине ее создателя.

По картотеке удалось выяснить, что этот и другие рисунки Мазереля передал в дар галерее бывший выпускник Пермского художественного техникума московский график Николай Аввакумов из своего личного собрания. Передал вместе с произведениями Джекоба Берка, Фреда Эллиса — прославленных американских художников.

Пермские искусствоведы немедленно сообщили о

своей находке французскому коллеге Пьеру Вормсу, много лет симпатизирующему нашей стране. Надеялись, что он прольет свет на обнаруженный рисунок.

В считанные дни из Франции поступил ответ: «Я действительно интересуюсь всем, что касается творчества Мазереля. Я был его другом, издателем, биографом...» Далее Вормс пишет, что искренне рад находке, рисунок из пермского (читай, аввакумовского) собрания ему совершенно неизвестен. Теперь «Революционный пролетариат» будет включен в составляемый Вормсом сводный каталог произведений Мазереля.

Вслед за письмом французский историк искусства выслал в Пермь объемистую бандероль, в которой были гравюры Мазереля, книги о его творчестве, проспекты его выставок.

Разбирая посылку, сотрудники галереи еще раз добрым словом вспомнили земляка-художника Николая Михайловича Аввакумова.

Узнав эту историю от заведующей отделом графики Пермской художественной галереи кандидата исторических наук Раисы Андаевой, я поспешил в музей Н. М. Аввакумова, покопался в его фондах и запасаниках, но, к сожалению, никакого дополнительного материала о связях Николая Михайловича с крупнейшими представителями зарубежного искусства не нашел.

А между тем эти связи были. Помогала мне в поисках добрейшая Софья Александровна Пророкова. Надо сказать, что вклад этой благородной женщины в книгу об Аввакумове я принял как дар божий. Бескорыстный и верный друг нашего героя, она сделала все, чтобы появились на свет предлагаемые главы.

Все направления моих поисков и раздумий неизменно сопрягались на Верхней Масловке, в Москве, в доме, где живет семья Пророковых. Оттуда я время от времени получаю письма-консультации.

Наибольшая дружба связывала Николая Аввакумова с американским коммунистом Фредом Эллисом, прекрасным художником, красивым, мужественным человеком, познавшим с детства крайнюю бедность, невыносимые тяготы работы на скотобойнях Чикаго, пролетарскую солидарность забастовок и стачек 1905 года.

Фред был старше Николая на два десятилетия. Когда они познакомились, он уже был всемирно известным революционным художником, воспитанником коммунистической газеты «Дейли Уоркер».

Его литографский карандаш хорошо был известен американским рабочим. Не выпускал он из рук и малярную кисть: расписывал вывески и рекламы на небоскребах, зарабатывая тем самым себе на жизнь.

Однажды Эллис упал с шестого этажа и чудом остался жив. Несколько мучительных месяцев пролежал художник в сплошном гипсе, борясь со смертью, и выстоял, благодаря многочисленным друзьям, вооружившим его мужеством. А друзья у него были по всей Америке.

Через полгода в прогрессивных изданиях снова появились рисунки Большого Фреда — язвительные, беспощадные, обличающие толстосумов и болеющие за тружеников, бьющихся в вечной нужде.

Аввакумов открыл для себя американского художника в газете «Труд», где печатались в то время его произведения, и поразились их силе, выразительности, сатирической мощи.

С тех пор начала пополняться папка, куда молодой художник складывал вырезки с рисунками Фреда Эллиса. Близким и понятным казался ему житель далекого континента.

Эллис именно таким и оказался. В тридцатых годах он приехал работать в Советский Союз. Новую Россию он полюбил с первых дней революции, и особенно после

выхода книги Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир».

Николай пришел к нему в гостиницу. С первого взгляда они нашли общий язык, хотя один не понимал по-русски, другой — по-английски. Общим языком стали рисунки, показанные Эллису.

Именитый художник смотрел лист за листом — пристально, остро, оценивающе. Что-то он скажет? Гость застенчиво и чуточку растерянно улыбался, ожидая реакции Эллиса. Его мнением Николай очень дорожил, и скажи сейчас Эллис, что все это пустое дело, пачкотня, он бы умер от сознания своей бездарности, беспомощности, ненужности.

Наконец американец оторвался от папки и весело взглянул на молодого человека. В его глазах Николай прочел не удивление, даже не восхищение, а благодарность мастера мастеру, равного равному за только что пережитое счастье открытия.

— О'кей,— сказал Эллис,— очень хорошо!

Так они стали друзьями. Эллис подружился в Москве и с Борисом Пророковым, Анатолием Кокориным и их талантливыми товарищами.

В квартиру на улице Разина, где поселились Эллисы, устремилась творческая молодежь столицы. Легендарный пролетарский художник, незаурядная личность, он привлекал не только живописцев и графиков. Сюда приходили писатели и журналисты, режиссеры и архитекторы, работники МОПРа и политические эмигранты...

Фред и его жена были интересными собеседниками и радушными хозяевами. Но не только это определяло популярность их московского дома. Духовная близость, общность интересов, верность возвышенным идеалам, чувство пролетарского интернационализма объединяло здесь людей разных профессий, возрастов, национальностей.

«У Эллиса можно было встретить Юлию Солнцеву, пришедшую со съемок фильма,— вспоминает С. А. Прокопова,— и китайского художника Джекки Чена, и инженеров Метростроя... В комнате шумно, людно. На столе приготовлены бутерброды. Никого не угощают. Кто проголодался — берет сам. Поднимется от стола хозяин, выпьет бокал вина, вникнет в разговор, бросит реплику и вновь за работу».

Как правило, переводил у Эллиса Анатолий Кокорин, отлично владевший английским языком. Нередко беседы об искусстве переходили в споры, виновником которых обычно был Джекоб Берк, приглашенный «Комсомольской правдой» американский художник, коммунист, товарищ Эллиса по газете и «Джон Рид клубу». Джекоб не признавал многие авторитеты в искусстве, в том числе и Репина. Каково было слышать это Аввакумову, воспитанному на творчестве Ильи Ефимовича. С уважением относился к своему талантливому соотечественнику Эллис, но, если был с ним не согласен, давал быстрый отпор. Кокорин в эти минуты с удовольствием переводил, а Аввакумов с удовольствием слушал отповедь Берку:

— Нужно узнать Россию, русскую душу, прежде чем осмеливаться отрицать гиганта Репина.

Фреду Эллису, старому мастеру, было чему поучить молодежь, например своему методу поиска композиции: он всегда сначала рисовал тушью по стеклу, придирчиво оглядывая сделанное, и только потом, если нравилось, переносил на бумагу.

Аввакумов нечто подобное проделывал в Асбесте, когда фабзавучники демонстрировали «волшебный фонарь» в театре «Пролетновъ», но то была забава, не стоящая труда, а сейчас...

Эллис никому ничего не навязывал, но все поневоле перенимали его манеру, вглядывались, как он накладыва-

вает лист бумаги на стекло, подсвеченное снизу лампой, и переносит эскиз на бумагу.

Аввакумову Фред показал интересный способ делать рисунки под гравюру. Об этом писал Николай жене в больницу, когда та родила первенца Игорька.

В Советском Союзе Эллиса волновало все: новое течение жизни, стройки социализма, перелом в деревне, книги Шолохова, музыка Шостаковича. Он искренне пытался раскрыть характер людей социалистической формации, ценил их интернационализм.

Многое дали Николаю Михайловичу годы общения с американским художником. Это было как раз то время, когда он взялся за политические рисунки. В 1933—1934 годах «Комсомольская правда» напечатала пятнадцать его произведений на международные темы. Всего пятнадцать, но они составляют яркую и значительную страницу в его художественной и человеческой биографии.

Тридцатые годы. В Германии к власти пришли нацисты, подожжен рейхстаг, за решеткой Георгий Димитров, Эрнст Тельман. То и дело бастует рабочая Америка. Демократическая революция в Испании. В различных странах мира реакция душист всплески национально-освободительного движения. Но оно, уходящее в подполье, как огонь в торфяную толщу, снова оживает.

Мог ли настоящий художник остаться безучастным к тому, что творилось ежедневно в мире? Николай Михайлович давно хотел взяться за жанр политического плаката, но робел, так как сознавал, что после таких художников, как Домье, Кольвиц, Грос, Мазерель, Эллис, Моор, трудно, почти невозможно создать что-то свое, не повторив кого-нибудь из них.

Но жизнь решительно подталкивала художника: уже год томится в фашистских застенках Тельман, его перевозят из тюрьмы в тюрьму, готовят варварскую казнь.

Но на весь мир звучат гневные голоса протеста. Коммунисты, трудящиеся всего мира требуют освобождения вожака рабочих масс Германии.

Максим Горький писал:

«Я считаю позором годичное пребывание в тюрьме вождя германских рабочих Эрнста Тельмана. Я надеюсь, что деятели культуры, науки и искусства всего мира подымут голос протеста против бесчеловечного пленения Тельмана и готовящейся над ним расправы».

Набатов прозвучали слова Анри Барбюса: «Нужно выиграть Тельмана, как сражение!»

Художника неотступно сопровождает мысль: я должен действовать. И вот, выношенные долгими ночами, один за другим появляются на свет великолепные, страстные рисунки «Монумент фашистского правосудия», «Дело Тельмана», «Нюрнбергский парад»...

Над трехэтажной тюрьмой вознесся огромный человеческий череп, из левой глазницы торчит древко с фашистским флагом, на котором изогнулась паучья свастика. На черепе восседает толстый напыщенный бюргер в мантии и судейской шапочке. Он напоминает гориллу. В левой руке судья держит «Закон», в правой — топор. Это и есть «Монумент фашистского правосудия».

Памфлет Аввакумова был напечатан в тот день, когда фашистские власти закончили следствие по делу Тельмана, а продажная юстиция так и не решилась на открытый процесс.

«Монумент фашистского правосудия» был опубликован в «Комсомольской правде» вместе со страстными высказываниями в защиту Тельмана таких виднейших деятелей мировой культуры, как Жан Ришар Блок, Рафаэль Альберти, Джованни Джерманетто, Луи Арагон, Ху Ланьчи.

В сентябре 1934 года газета печатает новые сатири-

ческие рисунки молодого мастера «Стой! Ни шагу вперед!» и «Стачка живет!».

В политическую серию Аввакумова входят такие произведения, как «В клочья ненавистное знамя колониализма», «Война войне», «Восхищение великого инквизитора», «Рот-фронт», «1 Мая», «Стачка». Они, плод горячего сердца, живого ума, гражданского таланта и мужества, — живые свидетели времени.

Фред Эллис чувствовал оригинальную мощь молодого друга в новом для него жанре, ободрял советами.

«Ты бог, Колья!» — говорил он, коверкая русские слова, когда наблюдал работу Аввакумова с натурой. Но кто знает, не повторял ли товарищ Фред эту высокую оценку, рассматривая политические сатиры Николая.

Накануне отъезда Эллиса в США Аввакумов за один присест написал живописный этюд с друга. Писал при электрическом освещении, что, естественно, не дает нужной светотени, но управился мастерски. Фред уехал, а Николай пообещал выслать законченный портрет вдогонку. И не выслал. Обычно щедрый и безотказный, он написал Эллису: «Портрет Фреда, написанный маслом, висит у меня над столом. Я не могу с ним расстаться, потому и не посылаю его вам...»

В 1945 году в освобожденной Вене военный художник Аввакумов радостно обнимет американского офицера (сохранилась фотография) только за то, что тот окажется давним поклонником Фреда Эллиса.

Фред Эллис переживет советского друга на двадцать лет, до конца жизни будет с ним благодарная память об Аввакумове.

В память об их дружбе, трогательной и добросердечной, сохранился такой рисунок: излюбленные Николаем Михайловичем магнитогорские домны изображены Фредом в виде растущих из-под земли мускулистых рук

с крепко сжатыми кулаками, олицетворяющими пролетарское приветствие «Рот-фронт!».

Связь семьи Аввакумовых с прогрессивной творческой Америкой не оборвется со смертью Эллиса.

«Голубка, очерченная линией решительной и нежной, уютно устроилась на экране телевизора. Стремительно находят один на другой экраны кинотеатров или рампы концертных и театральных сцен», — так описывала газета «Московский художник» знак Международной ассоциации «Деятели культуры и искусства за ядерное разоружение».

Этот знак, так понравившийся президенту Международной ассоциации Гарри Белафонте во время его пребывания в СССР, теперь находится в Америке. Им помечены почтовая бумага и конверты; увеличенный до размеров плаката, он украсил стены зданий во многих городах, сообщая миру, что деятели искусства всех континентов объединяют свои усилия против опасности войны.

Создатели этого знака советские художники Ольга Волкова и Михаил Аввакумов — кровные и творческие наследники Н. М. Аввакумова.

Вот к таким интересным поискам привела меня находка из Пермской художественной галереи, единственного музея в нашей стране, где встретились под одной крышей рисунки старых друзей: Франса Мазереля, Джекоба Берка, Фреда Эллиса, Бориса Пророкова, Анатолия Кокорина, Николая Аввакумова.

ИСПЫТАНИЕ ГАЗЕТОЙ

Судьба любого художника сопровождается взлетами и падениями, творческими неудачами, кризисами.

Не избегал всего этого и Николай Аввакумов. Стремительно вошедший в искусство, он поначалу уверенно двигался по целине. Дело в том, что в газете, в частности в «Комсомольской правде», главное место занимал сатирический рисунок. Успешно творили Д. С. Моор, В. Н. Дени, Кукрыниксы и другие мастера. Портрет, иллюстрация, сюжетный рисунок значительно уступали сатирическому жанру.

Аввакумов взялся восполнить этот пробел и многого достиг. Созданные им композиции, занимающие большую часть газетного листа, дополняют и обогащают текст «Комсомолки». «Они становятся,— подмечала Н. Ольшанская,— идейным и композиционным центром».

Художник отказался от рисунка пером, обычно применявшегося в газете. Монументальные композиционные рисунки требовали более пластичного языка. Аввакумов выбрал литографский карандаш. Глубокие черные тона, сочетаемые с тушью, иногда с белилами, хорошо воспроизводятся в печати, делают рисунок выразительным, красивым, живописным. Да и тоновые рисунки, выполненные углем или карандашом, очень оживляют газету.

В этой области Аввакумов явился новатором, открывшим новый этап в деятельности художественного коллектива «Комсомольской правды», разработавшим новый жанр советской газетной графики. Став родоначальником многофигурного газетного рисунка, он в совершенстве его освоил. Но занимаясь ежедневной газетной поденщиной, Аввакумов был вынужден все чаще и чаще обращаться к помощи фотографии, чтобы создавать полноценные образы. Разумеется, это не было слепым копированием, но и творческой такую работу назвать было нельзя.

Однажды Моор, застав Аввакумова за копированием, сильно осерчал. Николай любил этого мастера, и

тот был к нему равнодушен, поэтому и впал в гнев, видя, как тратит себя художник больших возможностей. Дмитрий Стахивич долго не мог простить Аввакумову сего греха. Даже поговаривали, что точку на нем поставил. Вряд ли это было правдой, но Николай понимал — старый художник прав.

Об опасности увлечения фотографией предупреждал друга и Борис Пророков:

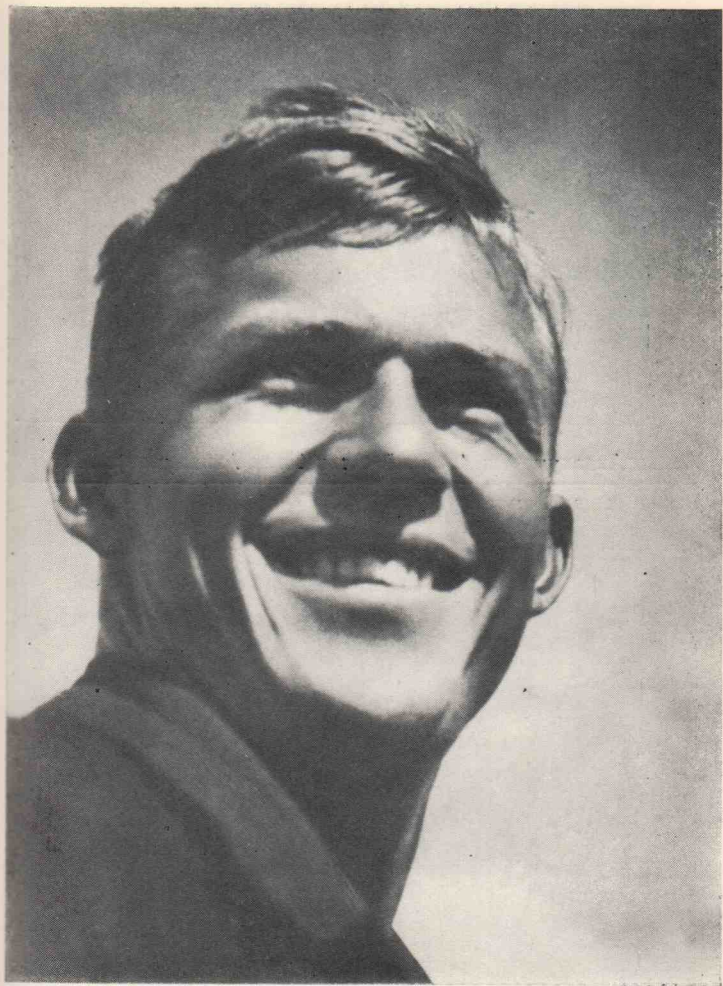
— Ты, пойми, Коля, это вяло, это на тебя не похоже...

Аввакумов краснел и не оправдывался. Он и сам сознавал, какая пропасть ждет впереди, если не работать с натурой. Но поделаться с собой ничего не мог. Человек обязательный, он не в силах был отказать многочисленным заказчикам. Этим пользовались нещадно, на него давили, и он уступал.

Правда, в это время (шел 1940 год, только закончилась война с Финляндией, на которой погиб его друг писатель Сергей Диковский) на мольберте Аввакумова вырисовывался портрет А. В. Суворова. Обращение к образу великого русского полководца не было случайным — в Европе правил фашизм, а дым от военных костров грозил гигантским пожаром. В блокноте художника появляется миниатюрный рисунок: детская головка в чепчике («позировал» годовалый Мишутка), а рядом красноармеец сжимает цевье мосинской винтовки.

Портрет Суворова — монументальное произведение, выполненное углем свободно и красиво. Много работал художник с иконографическим материалом, неоднократно встречался с актером Н. Черкасовым, сыгравшим роль полководца в кинофильме «Суворов».

Выполненный Аввакумовым портрет для издательства «Искусство» стал ярким явлением в советской графике, получил всеобщее признание и разошелся по стране огромным тиражом — от большого листа до почтовой марки.

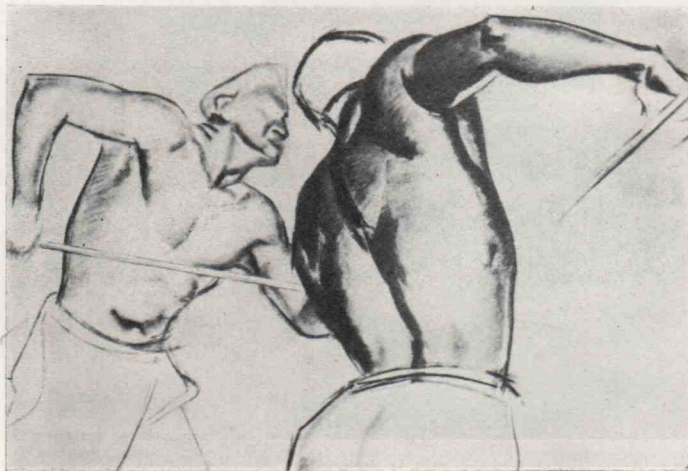

Н. М. Аввакумов. 1930-е гг.

Семья Аввакумовых (первый слева Коля Аввакумов). 1915

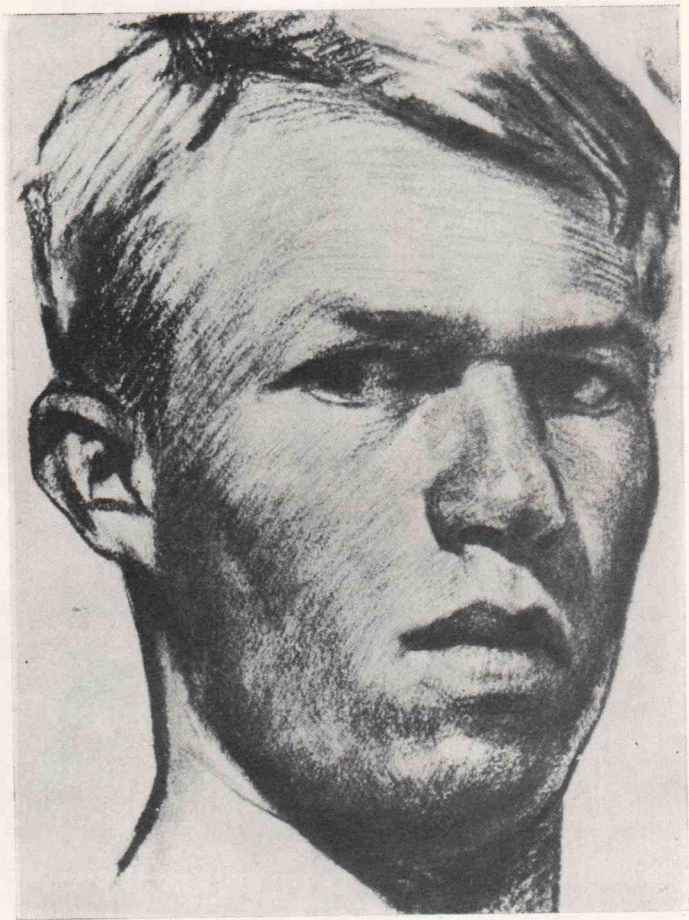
Эскиз к дипломной работе. 1928

Толя Аввакумов. 1925

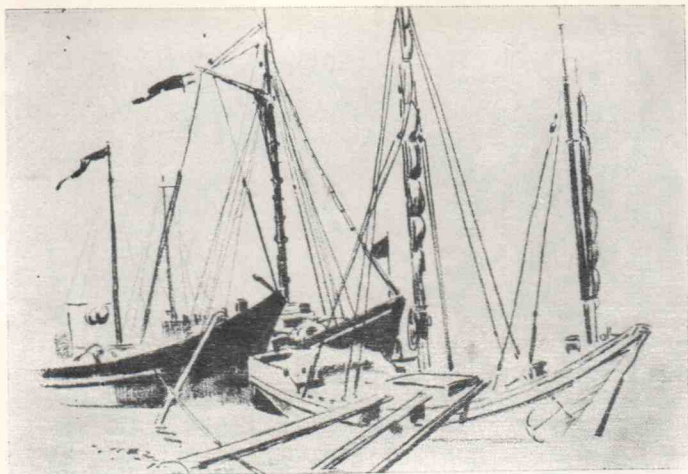
Музей истории искусств
Санкт-Петербург

Автопортрет. 1928

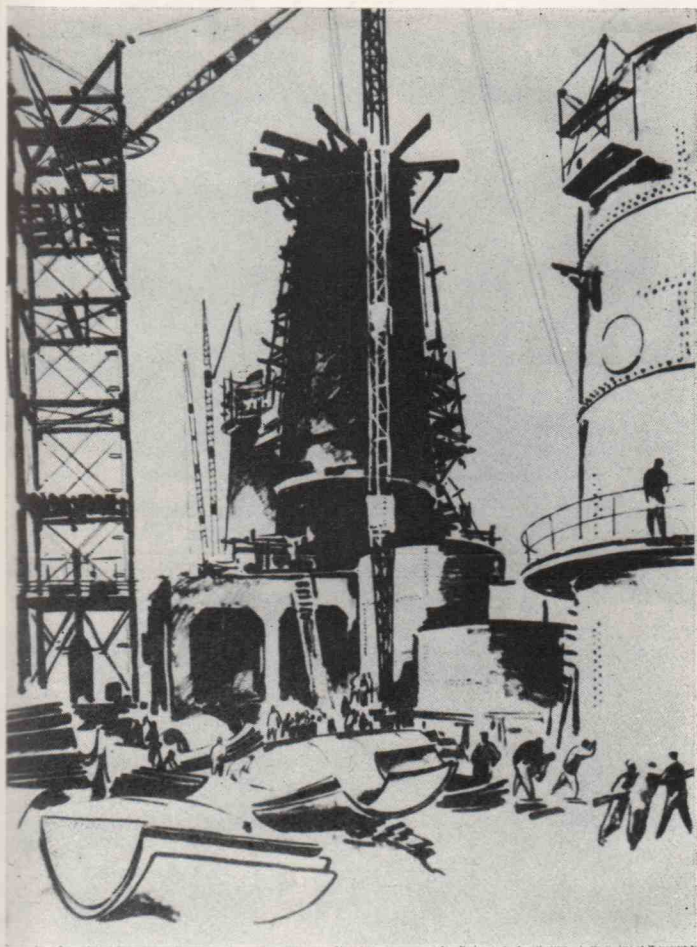
Павел Аввакумов. 1931

Из астраханского альбома. 1930

Аввакумов на Магнитке

Магнитострой. Домна № 1. 1931

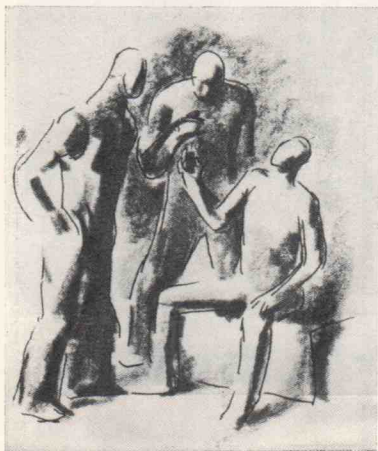
Начальник строительства: плотины
М. Степанов. 1931

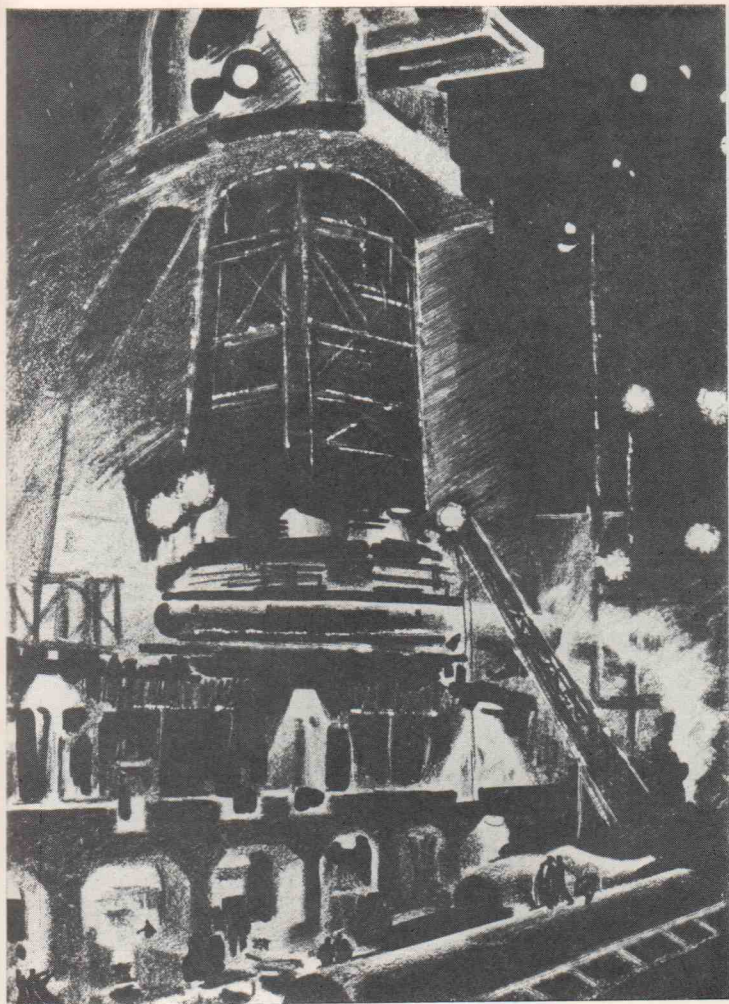
Подготовительный рисунок.
Начало 1930-х гг.

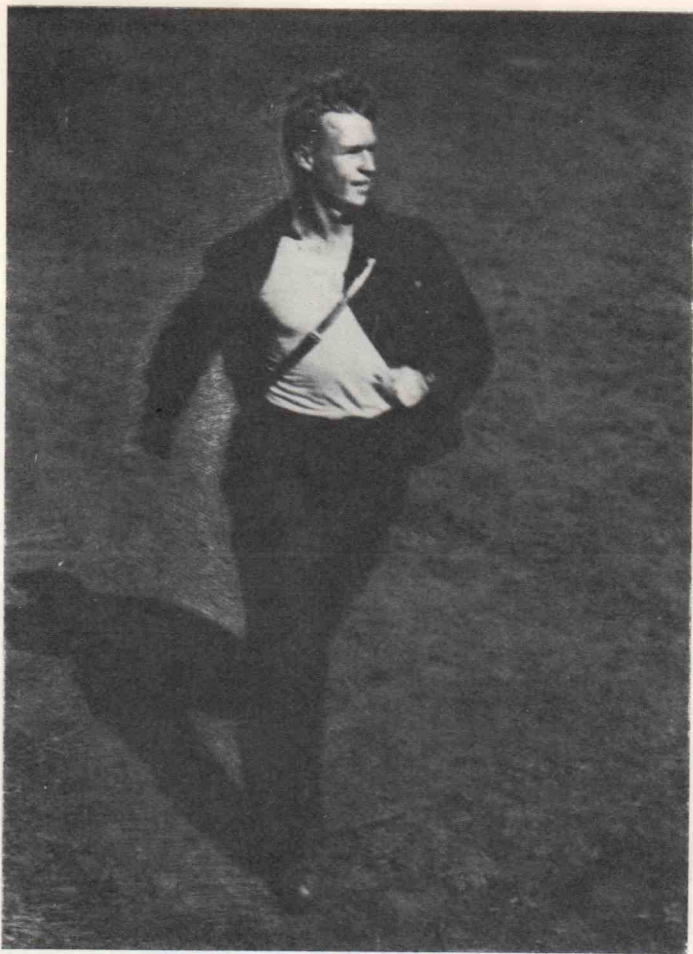
Бригадир каменщиков
И. Пузанов. 1931

Ударник Магнитостроя. 1931

Монтаж домны ночью. 1931

Н. М. Аввакумов. Начало 30-х гг.

Рисунок из газеты «Комсомольская правда».
1934

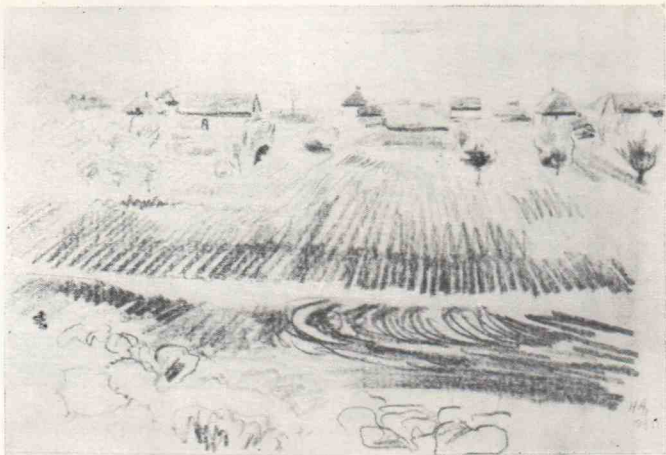
Н. М. Аввакумов. 1930-е гг.

Николай Михайлович
в «Комсомольской правде»

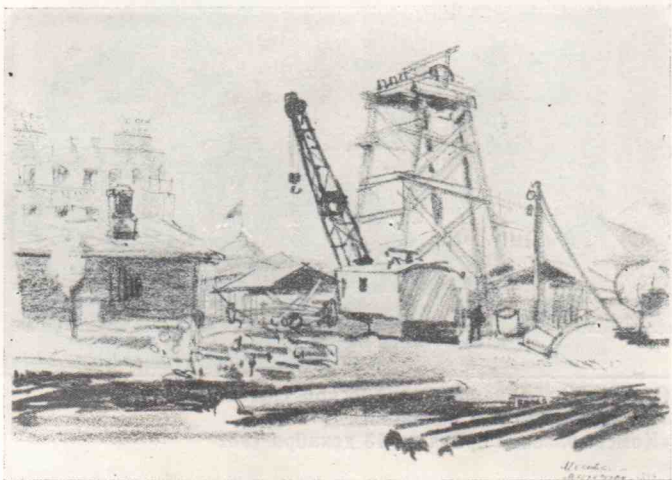

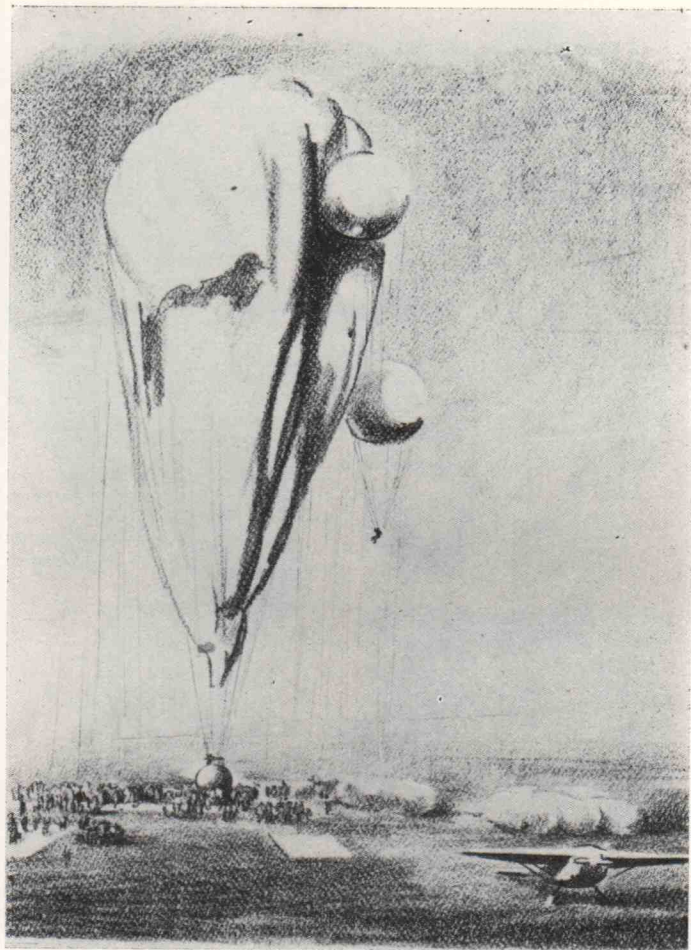
Один из сохранившихся набросков, сделанных
с О. Ю. Шмидта в редакции
«Комсомольской правды». 13 декабря 1932

Украина. Сельский пейзаж. 1935

Строительство станции метро
«Площадь Революции». 1934

Подъем стратостата. 1933

Галя Аввакумова — жена художника. 1933

Модель. 1930-е гг.

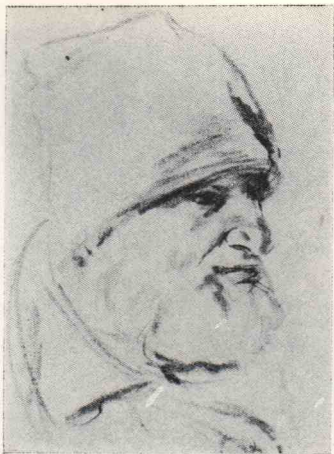
Иллюстрация
к «Чапаеву». 1934

Кормление. 1933

Павел. 1933

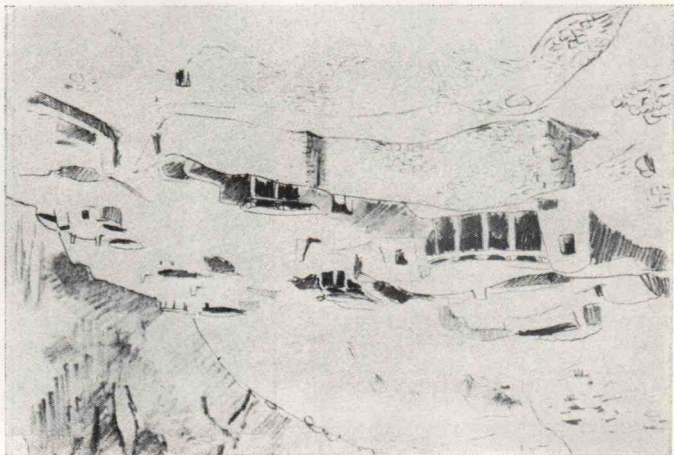

Портрет колхозника Давиденко.
Из серии «Украина». 1933

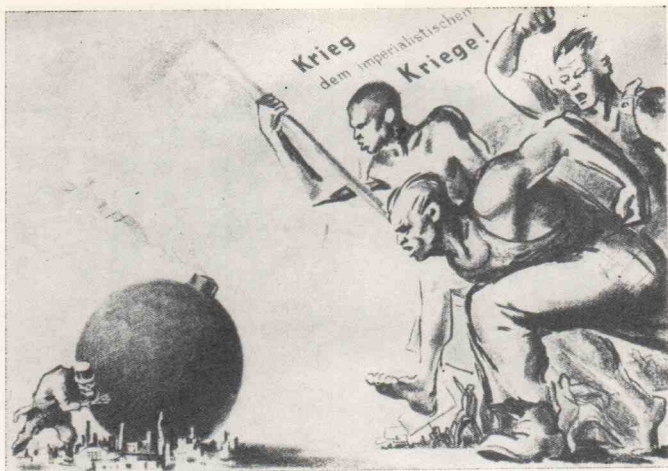
Портрет Ганны Мазур.
Из серии «Украина». 1933

Горное селение.
Из серии «Кабардино-Балкария».
1934

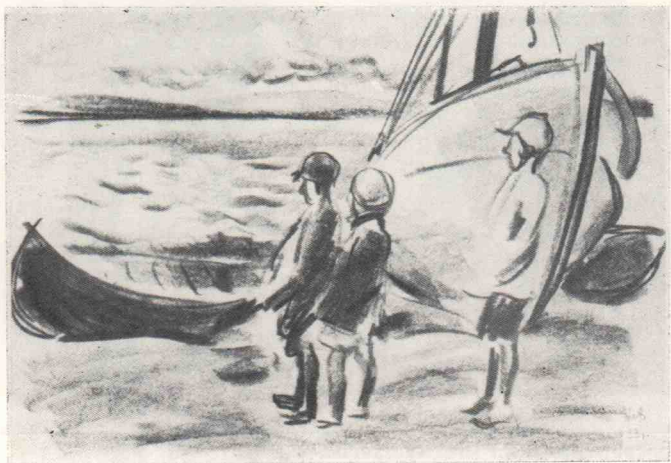

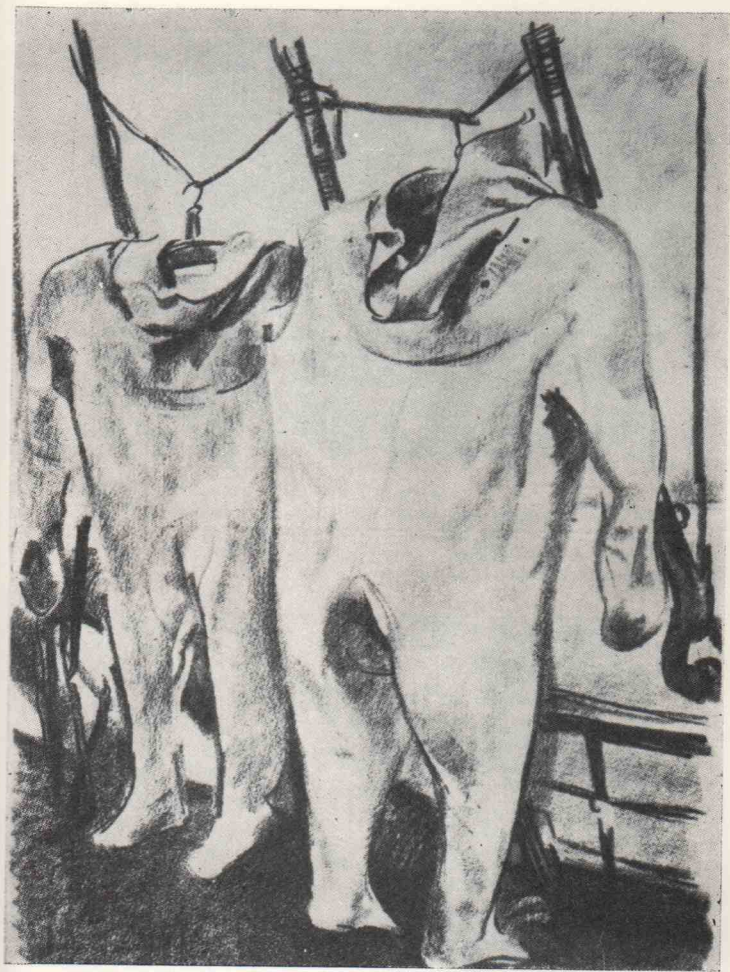
Портрет Шамшиат Шахмурзаевой.
Из серии «Кабардино-Балкария». 1934

Война империалистической войне! 1934

На берегу. Из серии «Подъем ледокола
«Садко». 1933

Водолазные костюмы сушатся.
Из серии «Подъем ледокола «Садко». 1933

Портрет А. М. Горького. 1939

Набросок к композиции
«Апрельская конференция». 1937

Заведующий племенной конюшней колхоза
имени О. И. Городовикова Д. Д. Теменик. 1940

Старый колхозник. 1940

Сын Игорь. 1941

На реке Оке. 1940

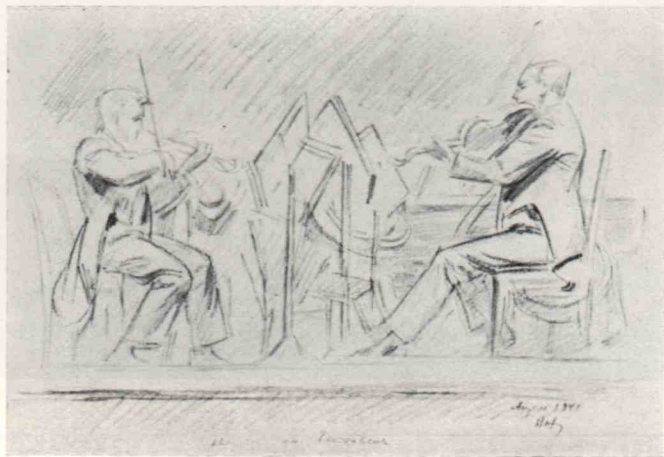

Портрет А. В. Суворова. 1941

Д. Шостакович. Наброски. 1941

Квартет им. Бетховена. 1941

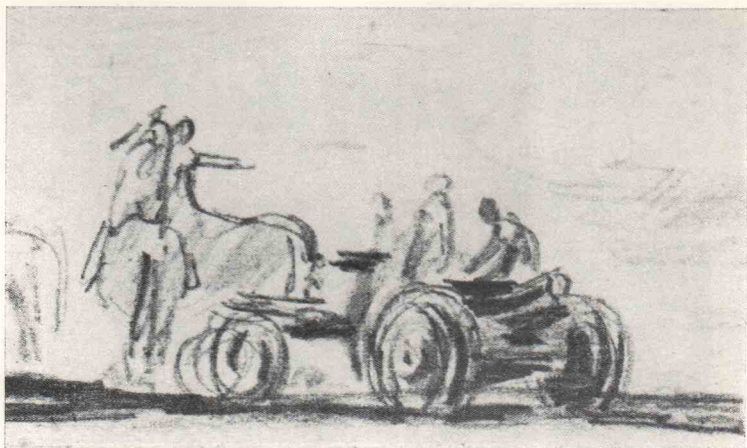

Н. М. Аввакумов на Калининском фронте. Лето 1942-го

В походе. Крайний справа Н. М. Аввакумов

Артиллеристы. Набросок. 1943

Плакат «Освободи нас!» 1944

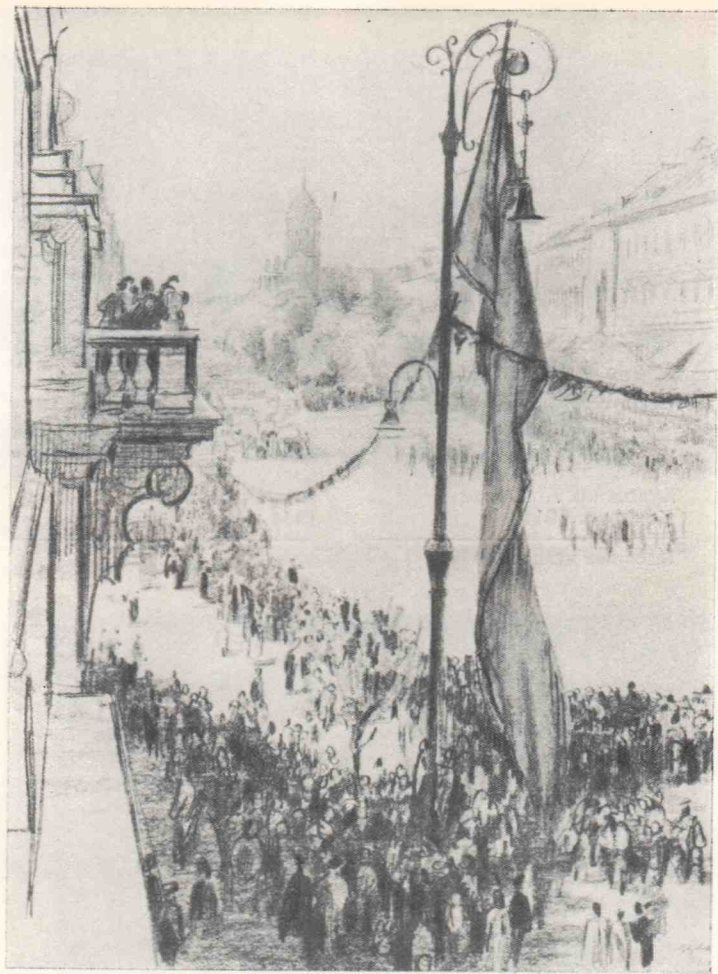
Художник Анатолий
Кокорин. 1944

Пленные немцы. 1944

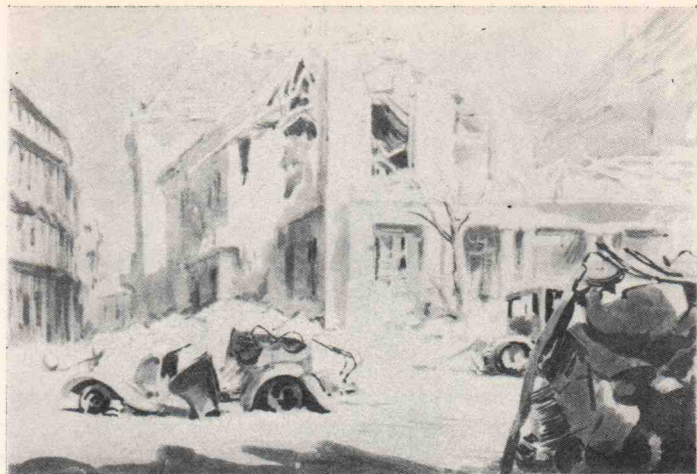

На родной земле.
1944

Арад. Первое мая. 1945

Будапешт. На площади Королевского дворца. 1945

Будапешт. Королевский дворец. 1945

На могиле Н. М. Аввакумова

Это был выход Аввакумова на новый этап и одновременно выход из творческого кризиса.

Большая фототипия с портрета Суворова выставлена в музее художника в Асбесте. На ней автограф: «Дорогой маме на добрую память. Коля. Сентябрь. 1941».

Новую работу высоко оценила и художественная критика. Н. Ольшанская писала: «Художник нашел яркое и точное композиционное решение портрета. Фигура Суворова расположена на листе так, что вокруг и вверху много воздуха, поза его торжественна и вместе с тем свободна, непринужденна. Здесь нет ни холодной официальности так называемого парадного портрета, ни той излишней жанровости, интимности, которая мельчит образ, снижает его историческую значимость...

Замечательна точность и выразительность портретной характеристики. Чувствуется, что все особенности облика Суворова тщательно и глубоко изучены художником... В портрете Аввакумова прекрасно найдена необходимая мера соотношения между торжественным изображением генералиссимуса и живым конкретным образом человека с независимым и своеобразным характером, острым умом, любовью к насмешливому и меткому народному слову.

Законченное мастерство графика-реалиста позволило Аввакумову создать живой, убедительный образ. Рисунок углем удивительно точен и богат оттенками, обладает гибкой тональной гаммой...»

Но Аввакумов не обольщается успехом, он способен на трезвую самооценку. После войны, тяжело больной, он возвращается к портрету Суворова, уточняет трактовку рук, одежды, стремится избавиться от некоторой сухости изображения.

В 1986 году издательство «Искусство» выпустило большой альбом «Художественная летопись Великой Отечественной». Авторитетный знаток этого периода

Е. В. Зайцев, оценивая историческую тематику сороковых годов, пишет: «Среди этих работ наиболее значительными по своим идейно-художественным качествам стали портрет прославленного русского полководца А. В. Суворова, созданный погибшим на войне Н. М. Аввакумовым, и монументальный по своей образной характеристике портрет фельдмаршала М. И. Кутузова, выполненный великолепным мастером ксилографии В. А. Фаворским в 1945 году».

Работа над портретом Суворова стала для художника как бы перекидным мостиком между серией, посвященной Горькому, и другим крупным замыслом — композиционным рисунком квартета имени Бетховена с Шостаковичем у рояля, означавшим возврат к живой натуре, в чем была наиболее сильная сторона дарования Николая Аввакумова.

АВВАКУМОВ И ПРОРОКОВ

Пришло время рассказать о дружбе двух замечательных людей, двух замечательных художников.

Они встретились в 1931 году, портретист и сатирик. Как уже было сказано, они не получили дипломов художественного вуза, но художниками стали.

Пророкова заметил еще Маяковский. Затем его пестовали Дейнека и Моор.

Маяковского Аввакумов уже не застал. Но еще не успел пожелтеть совместный номер «Литературной газеты» и «Комсомольской правды» от 17 апреля 1930 года с огромными портретами ушедшего поэта, сделанными Родченко.

Дейнека и Моор отнеслись к Аввакумову благосклонно. Он был близок им по духу и к тому же другом Бориса Пророкова.

Борис был младше Николая на три года, но разница в возрасте не мешала. Он тоже помотался по стране, в неизменной кожаной куртке представлял «Комсомолку», «Смену», «Крокодил»...

«Я был особенно близок с художником Аввакумовым,— вспоминал позднее Пророков.— Нас связывала многолетняя и большая дружба, начавшаяся в 1931 году в «Комсомольской правде».

Этого талантливого художника постигла та же участь, что и меня. Со второго курса по тем же мотивам он с институтом расстался... Но до этого он кончил техникум в Перми и имел уже неплохую школу. Мы работали в разных жанрах: Аввакумов был прекрасным портретистом и непревзойденным мастером газетного патетического рисунка, а я в газете занимался исключительно сатирой. Но нас сближали наши убеждения и вкусы. Мы вместе подолгу простаивали перед репинскими полотнами и «Ленинианой» Андреева, изучали Рембрандта и Микеланджело, оба любили Левитана...

На Волге, в левитановском Плесе, мы вместе от зари до зари писали этюды...».

Перечитывая книгу дневников и воспоминаний Бориса Ивановича Пророкова «О времени и о себе», то и дело натыкаешься на имя его лучшего друга. Здесь же напечатаны два рисунка, на которых изображен Аввакумов. Их сделал Пророков летом 1938 года, когда художники отдыхали в Плесе.

В 1933—1934 годах Пророков служил срочную в саперном батальоне РККА в Витебске. Друзья обменивались письмами, но однажды Аввакумов не выдержал, приехал в Витебск и там, в военном городке, подивился работоспособности Бориса, написавшего немало портре-

тов, пейзажей, даже натюрмортов. Тамошним художникам особенно нравился портрет Горького.

После армии Пророков вернулся в молодежную газету, но вскоре уехал в длительную командировку на Украину. Николай Аввакумов провожал его с Киевского вокзала. У них было заведено провожать друг друга до поезда, в любую погоду, при любых обстоятельствах.

Рассказывая об их дружбе, нельзя не сослаться на свидетельства Софьи Пророковой. С ее любезного разрешения приведу небольшую главку, не вошедшую по разным причинам в книгу «Николай Аввакумов».

«Есть на высоком берегу Волги город Плес. Его живописное обаяние, сдобренное памятью о пейзажах Левитана, издавна приманивает художников.

Новизна впечатлений. Глаз нигде не обременяется однообразием. Неожиданности ландшафта подстерегают на каждом шагу.

Нам, плесским «старожилам», доставляло особое удовольствие показывать Аввакумову холмы и долины, леса и ключевую речку, тропинки и бревенчатые мосты, поля цветущих подсолнухов и стога скошенного сена.

Он приехал первого июля 1938 года. Мы поджидали его раньше, боясь, что поблекнет ранняя зелень и потускнеют краски.

Но весна простояла холодная, дождливая. В жаркие июльские дни листва на деревьях и трава выглядели такими сочными, точно недавно родились. В палисадниках отцветал жасмин.

Аввакумов едва вырвался из Москвы. Одолели заказы издательств. Хотелось сделать все, чтобы беззаботно предаться отдыху.

Это была первая поездка без командировочного удостоверения. Он стремился к Волге, чтобы вместе с другом пописать этюды, поплавать и позагорать на солнце.

Никогда мне не доводилось видеть такой дружбы,

какая соединяла Аввакумова и Пророкова. В ней были и нежность, редкая между двумя мужчинами, и непреклонная, почти аскетичная суровость. Это сочетание полярных, казалось бы, качеств не выглядело чем-то противоестественным.

Они уживались рядом, образуя сплав дружбы, не знавшей трещин. И нежность никогда не размягчала критического отношения к обоюдному творчеству.

Они часто вместе читали Маяковского. «Юбилейное» было очень любимо. Пророков сделал к этому стихотворению иллюстрации. Первым увидел их Аввакумов. Рисунки не понравились. Ему, конечно, было жаль товарища, но и искусство он не хотел обижать. Поэтому говорил трудную правду:

— Нельзя довольствоваться пассивной иллюстративностью тебе, человеку, чувствующему гиперболу. И надо ли литературную гиперболу переводить на язык простой реальной графики?

Так Аввакумов ругал человека, жалея художника. Он был прав. Пророков порвал все иллюстрации, с благодарностью вспоминал потом о такой суровой откровенности и прямоте.

Не менее трудно Аввакумову было сказать и правду о том, что Пророкову рано выступать с персональной выставкой. Это было в 1938 году. Выставка стояла в плане Союза. Аввакумов, как всегда, когда он бывал уверен в своей правоте, высказал мнение резко:

— Зачем тебе выставляться в пору творческого разброда? Рано. Что показывать? Поиски, которые еще неизвестно куда приведут. Зачем это делать?

И больше ни у кого не надо было спрашивать совета. Раз так сказал близкий человек, значит, так оно и есть.

Бывало не раз, что Аввакумов спасал рисунки, которые товарищ в запальчивости готов был уничтожить.

(Позднее он заставил довести до конца пастель, нарисованную в военную зиму 1941 года. И море, бушующее у берегов Ханко, появилось на выставке только благодаря той дружеской настойчивости.)

Они были суровы взаимно, может быть, именно потому оказалась столь плодотворной дружба таких разных художников.

Теперь, в Плесе, они могли не расставаться целыми днями. Это тоже придавало большую полноту их встрече.

Оба набрасывались на натуру, как могут быть алчными только газетные художники. Это было восполнение упущенного за время редакционной работы.

Почти каждый день рисунки в номер. Есть для этого профессиональные навыки, привычка, большая заинтересованность. Но такая нагрузка изнуряет духовно. И так хорошо сесть на песчаной отмели, написать этюд, когда на другом берегу реки еще не развеялся утренний туман. Потом раскинуться на согретом песке, бултыхнуться в воду и поплыть сильными саженками. Только яркий синий купол небес, стальная полоса реки и высокая волна от прошедшего белого катера...

С одного и того же места друзья писали по несколько этюдов в день. В этих маленьких цветковых записях — разное освещение, разные краски. От утреннего тумана до взъерошенного заката. Только в Плесе такие бывают. Если бы ежедневно писать этюды уходящего солнца, они, наверное, вместили бы все оттенки горячих тонов палитры...

Их радовал каждый день. К живописным этюдам относились с трезвой иронией. Важно было, что работали с упоением, как песнь пели...

Этюды писали разные. То «блицы», как называли мгновенную цветовую запись мотива. Маленькие, на промасленных кусочках ватмана (боялись, что не хватит

взятых холстов). То брали на прицел один мотив для длительных сеансов. Эти удавались хуже и уже начинали приносить огорчения.

Особенно мучил лес на Ключах, густой, непроницаемый в своей таинственной синеве. Иногда казалось, что лес подчиняется, что удалось понять, из чего складывается эта непроницаемость и глубина, как ложатся на палитре неуловимые оттенки зеленых тонов, переходящих порой в почти черный или темно-синий. Нет, снова и снова этюды не имеют ничего общего с восхитившей их природой.

Однажды мы пошли в село Спасское. Дорога к нему ведет полями, разрезанными кустарниками. Дали, поначалу прозрачные, до самого горизонта. В селе художников обступила стайка ребятишек, привыкли тут к ним. Один мальчонка показался очень уж занятным. В розовой рубашке, оттенявшей смуглый загар и темные волосы, он так походил на серовскую девочку (с персиками), что нельзя было не написать с него этюда.

...Несколько сеансов писали белокурую девочку Мару. Потом познакомились с цыганами, жившими табором на другом берегу Волги. Приходила позировать молодая цыганка Зоя. Рисовал только Аввакумов. Пророков после небольшого этюда читал вслух Пушкина. Спорили с Зоей, которой показались неверными мысли пушкинской поэмы «Цыганы». Записывали самые обиходные цыганские слова.

...В Плесе все овеяно памятью о Левитане. Он незримо присутствует во всех ваших прогулках.

Набережная, крайний двухэтажный дом. Можно войти в калитку, и память вернет вас к маленькому полотну с грустным названием «Ветхий дворик». Сейчас тут все не так. Но как важно взглянуть хотя бы на окно, из которого Левитан любовался деревянной церковкой, почерневшей от времени и такой обаятельной в лучах

заката. Можно подняться на холм, посидеть у белых столбов ее фундамента...

Еще более увлекательны поиски того места, с которого написан левитановский «Золотой Плес». Варваринская белая церковь с высокой колокольней, и покой догорающего дня. Вы стоите в пригородной роще и смотрите на пейзаж, который ежевечерне уносил в памяти Левитан... Вы можете войти в зал нынешней средней школы, где когда-то стоял мольберт художника. Очень важно побывать в этом зале с высокими овальными окнами.

После таких мгновений пишется особенно упоенно, и левитановское преклонение перед величием природы как бы присутствует в каждом этюде.

Пророков записал в плесском дневнике: «Раз как-то шли по полю уже в сумерках и орали песни. Но возбуждены были не зельем, а чудесным ароматным вечером и хорошим рабочим днем. Николай пел очень хорошо...»

С самого начала дружбы они тосковали друг по другу, если приходилось надолго расставаться. И были неразлучны, если выпадала такая возможность.

Как-то летним утром Аввакумов заглянул к Пророковым. Побеседовали, затем взяли ракетки, поехали на теннисный корт в Останкино. После отправились на стадион «Динамо» — играл знаменитый футболист Николай Федотов. Вечером на Верхней Масловке друзья, слушая музыку, рисовали, спорили. Уже после полуночи Николай как очнулся:

— Боря, только сейчас вспомнил, меня ведь утром послали в булочную за хлебом к завтраку.

В 1937 году Николай и Борис выполнили совместную работу — афишу к спектаклю «Руслан и Людмила». Опера шла в Большом театре. Теперь афиша находится в фондах музея Н. М. Аввакумова. Возможно, отыщутся и другие их совместные работы.

Как правило, они прислушивались к советам друг друга, правда, не всегда. Однажды Пророков предложил Аввакумову сделать несколько больших портретов колхозников в Левашихе. Поначалу Николай согласился, но через день-другой угас. Ему казалось, что надо рисовать сильные характеры, яркие личности.

Бориса Ивановича такая позиция друга расстроила. Что это — каприз, заблуждение? Трудно сказать, очевидно, следствие газетной работы, когда сегодня рисуешь академика Шмидта, завтра депутата Верховного Совета СССР Сахарову, а в планах — полярный исследователь Папанин.

Пророков много и горячо убеждал Николая заняться большими станковыми портретами и даже познакомил его с музыкантами знаменитого квартета имени Бетховена. И тут он угодил в «десятку» — музыка была второй натурой Николая Аввакумова. Пророков тоже любил музыку, прекрасно играл на виолончели.

Этот квартет они оба часто слушали и хорошо знали его историю. Квартет был создан при Московской консерватории в 1923 году: Д. Цыганов (1-я скрипка), В. Ширинский (2-я скрипка), В. Борисовский (альт), С. Ширинский (виолончель). Забегая вперед, отмечу, что в этом составе квартет выступал более сорока лет. Он был первым исполнителем почти всех квартетов Д. Шостаковича, В. Шебалина, Второго квартета С. Прокофьева.

В начале 1941 года художник приступил к работе. Но музыкантам предстояли гастроли: может быть, Аввакумов поедет с ними в Ростов? И Шостакович, и они, бетховенцы, будут всегда к его услугам. И он, конечно же, едет.

В поезде они знакомятся ближе. Шостакович предлагает партию в шахматы. Говорят больше о спорте, чем о музыке. Художник делает первые наброски: Шо-

Шостакович глядит в вагонное окно, впереди расстилаются русские просторы...

В Ростове квартету не до художника: концерты, репетиции, но Аввакумов не падает духом — рисует всюду. «Бетховенцы и Шостакович — народ исключительно простой», — пишет он в Москву Галине Давыдовне.

Ему уже виделись сделанные углем большие портреты музыкантов для будущей выставки «Наша Родина». Групповой — квинтет Шостаковича — мыслился так: большой холст с легкими и сочными штрихами, единство момента и душевного состояния, экспрессия мелодии...

Вернулся Аввакумов в Москву воодушевленным, договорившись с музыкантами о будущих рабочих встречах. Предварительно всю черновую работу он хотел сделать в Иванове, у Пророковых, чтобы не мучать бетховенцев. Но работа была прервана. Шел 1941 год.

Еще недавно Николай писал Пророкову: «Дорогой Боря! Только что по радио слушал речь Молотова о германо-польской войне и позиции СССР. Ну, милый друг, настала пора отточить боевое перо. Кончай-ка пейзажиться, возвращайся в Москву и берись за военные плакаты. Надо полагать, в них теперь будет большая нужда».

«Комсомольская правда» за 22 июня 1941 года. Передовая статья «Выходной день», фотография Садового кольца, детское стихотворение Агнии Барто «Где вокзал», заметки ТАСС о войне в Западной Европе...

В это воскресенье Аввакумовы, Пророковы, Нариньяни, Евгений Воробьев, как обычно, встретились в Останкино. Здесь и узнали о начавшейся войне с фашистами. Вечером художников созвали в ЦК ВКП(б). Перед ними поставили сложную задачу — срочно нужны плакаты, мобилизующие народ на борьбу с врагом.

Художники работали всю ночь, наутро плакаты были уже в печати.

Начались будни войны.

В Главное политуправление Красной Армии поступает телеграмма от редактора газеты с Южного фронта: «Просим выслать полное собрание сочинений Ленина и художника Пророкова».

Передний край требует художников.

Интенданта третьего ранга Бориса Пророкова вместо Южного фронта командируют на Балтийский флот.

Напрасно надоедает военкому Аввакумов — не пропускает медкомиссия. Но он ходит и ходит в военкомат.

В эти дни он полностью переключился на плакаты для газет и издательств. Один из них называется «Отец, бей врага по-чапаевски».

Галина Давыдовна с детьми отправлена в Асбест, к бабушке Фаине. Аввакумов не тревожится о семье, знает, она в надежных руках. Мысли заняты одним — на фронт! Завидует Борису, тот на полуострове Ханко, в самом пекле бьет врага оружием художника. Аввакумов верит, что обязательно попадет на фронт.

Все еще будет: и долгие версты боев, и бессонные ночи над гравюрами, и фронтовые выставки работ.

В марте 1944 года художник армейской газеты «Фронтовик» старший лейтенант Аввакумов получит письмо от друга:

«Здравствуй, дорогой!

С глубоким волнением смотрел твои фронтовые творения. Я проклял судьбу, когда узнал о твоём приезде в Москву во время моего отсутствия. Однако все говорит за то, что скоро мы с тобой здесь встретимся.

Мне давно запала в голову мысль сделать нам с тобой маленькую выставку... Не думаю, что до окончания войны удастся нам сделать что-нибудь капитальное, а сделать показ фронтовых рисунков — самое время. Это даже необходимо. У тебя материала для этого вполне достаточно, а я выпрошу немного времени, чтобы подтянуться по мере отпущенных мне богом сил.

На выставке было бы очень интересно с зарисовками показать также и газетную работу. Ваши газеты очень интересны по оформлению, а линогравюры твои меня совершенно убили. Я сам за это время изрезал версты полторы линолеума, но не подозревал, что из этого можно делать вещи.

Как ты на это смотришь?

Право, было бы здорово. Ведь война не разлучила нас, несмотря на различие мундиров.

Конечно, я бы никогда не подумал о выставке, но на это намекают довольно интенсивно в оргкомитете, да и вообще через полгода нас совершенно забудут. Войны начинаются и кончаются, а искусство остается, нам об этом не следует забывать.

Собственно говоря, тебе можно самостоятельно показываться, я лишь пытаюсь примазаться к этому делу, имея в своих папках полтора десятка малограмотных набросков. На флоте я занимаюсь агитацией, в Москве канцелярщиной.

Жизнь что-то не улыбается, напротив: смотрит на меня угрожающе. Неудачи за неудачами. Слава богу, я не так умен, чтобы потерять присутствие духа.

Надеюсь, мы будем сидеть с тобой за рюмкой еще до появления на небосклоне грачей.

Целую тебя...

Б».

Аввакумов — Пророкову:

«Дорогой Боря!

Грачи не только появились на небосклоне, но уже обжили свои хаты и бессовестно милуются на моих глазах, а я все еще стою на якоре... Но желание работать по-настоящему настолько велико, что я, как застоявшийся конь, жду случая вырваться на волю и размять свои мускулы.

Ты прав, пора подводить итоги и выставляться пора.

Что и говорить, твое предложение обрадовало меня чертовски.

Я просто буду счастливейшим человеком, если именно в дни войны нам удастся организовать совместную выставку. Поэтому, Боря, прошу тебя, предпринимай все, что для этого необходимо, а главное — не откладывай.

Своим теплым письмом ты очень растрогал меня. Добрая у тебя душа. Чувствуешь, когда нужно подбодрить друга. И правда, мне так необходимо было теплое слово, хотя я прекрасно знаю, что поругать меня есть за что.

Надеюсь при встрече да за чаркой мы как-нибудь разберемся во всем этом обстоятельно.

Рассказывали мне о несправедливостях, которые допускают по отношению к тебе. Дорогой мой! Утешить тебя не могу, могу лишь присовокупить, что ты не одинок. Ты пишешь: «Слава богу, я не так умен, чтобы терять присутствие духа». Но пословица гласит: «Дуракам везет». Следовательно, у тебя с головой все в порядке. Ну и слава богу!

А посему: будь таким, какой есть (на страх.....), а все остальное приложится.

Желаю тебе удачи и целую тебя.

Коля».

Вскоре Аввакумов пишет Галине Давыдовне: «Предпринимает ли что Боря с организацией нашей выставки?»

...Боюсь, как бы его опять не отправили куда-нибудь. Из мужчин он единственный человек, о котором я понастоящему тоскую».

Первая персональная выставка рисунков Бориса Пророкова «Балтика — Черное море» открылась 10 февраля 1945 года в художественном салоне на улице Горького. Зрителей было много, в основном военные: моряки, пехотинцы, авиаторы; солдаты, генералы, офице-

ры. Пришли и художники, оказавшиеся в Москве. Не было лишь Николая Аввакумова, а он так ждал этого счастливого дня.

Старший лейтенант Аввакумов, вернувшись из тяжелой командировки на фронт, был уже очень болен и не смог прийти на открытие выставки, но мысленно был там. Готовясь к этому дню, он набросал тезисы выступления.

В этом конспекте — весь Аввакумов.

«Я буду говорить о моем близком друге, которого знаю более двенадцати лет. Буду говорить только хорошее, потому что плохого не знаю. Но это не мешает мне быть объективным.

Художник-патриот, художник-борец. Образование и самообразование. Презрение к рутине. Школа Пророкова — жизнь.

Его критика работ товарищей всегда бескорыстна, честна, желание помочь огромно.

Тяготение ко всему прогрессивному. Любовь к европейскому и русскому искусству.

Борис не любит жаловаться на судьбу, но, мне кажется, это необходимо сделать за него.

То, что мы видим, сделано за очень короткий срок. Это только небольшая проба сил. Пора бы проявить элементарное внимание к этому на редкость яркому таланту и дать ему возможность высказаться полным голосом.

Почему? Он имеет на это особое право.

У нас много талантливых художников, хорошо рисующих и пишущих красками. Но очень немногие из них находят нужное применение своему мастерству. Беда заключается в том, что им нечего сказать. Холодом души веет от их картин.

И вот мы имеем художника, все существо которого переполнено желанием рассказать о той человеческой

трагедии, свидетелем которой он является. Свидетелем умным, пронизательным, всевидящим.

Мне кажется, будет совершено преступление, если уже сейчас не дать ему возможности начать серьезную и углубленную работу.

Нельзя надеяться на человеческую память, она засоряется новыми впечатлениями, и многое очень ценное остается где-то далеко в тумане или совсем исчезает.

Нужно торопиться переносить это хотя бы в эскизы.

Вот они перед вами — немецкие солдаты, начиненные человеконенавистническими теориями нацизма. Никто еще не сумел показать с такой остротой и силой немецкую армию...»

Этот конспект выполнен на уровне лучших рисунков Николая Михайловича Аввакумова и, наверное, стоил ему немалых сил, которых оставалось так немного. В конспекте — вся сущность дружбы Аввакумова и Пророкова.

О родстве душ этих художников, преданности друг другу говорит дневниковая запись Б. И. Пророкова, сделанная в 1958 году: «Ночью вчера мне опять снилось, будто Аввакумов вернулся. Он не то что воскрес, а именно вернулся. Худой и бледный. Он хотел нарисовать мой портрет к дню рождения, а я подумал, что надо его скорее нарисовать. ...И я подумал, какое счастье, что Галя не вышла замуж... Недаром мне каждую неделю снилось, что он вернулся, и вот, наконец, это случилось...»

Через несколько лет Б. И. Пророков подарил Галине Давыдовне свой новый альбом с такой трогательной надписью: «Милая Галя, тебе от нас с Николаем. Это потому, что, когда я работаю, он всегда со мной рядом. Б. Пророков. 1 января 1961 года».

Свою знаменитую графическую серию «Это не долж-

но повториться», удостоенную Ленинской премии, Пророков посвятил памяти Николая Аввакумова.

Работая над этой книгой, я узнал, что Пророков и Аввакумов во время войны были одинаково награждены — и у того, и у другого по медали «За боевые заслуги» и по ордену Красной Звезды. Это, конечно, совпадение, но видится большее: они равнялись друг на друга в боевых делах.

Поражает и другое. На памятнике уральца начертано: «Художник Аввакумов Николай Михайлович...» Ивановец завещал написать: «Художник Борис Иванович Пророков...» — без пышных титулов.

А совместная их выставка все-таки состоялась.

30 сентября 1983 года в музее Б. И. Пророкова в Иванове открылась выставка работ Н. М. Аввакумова.

100 рисунков Аввакумова украсили музей Пророкова. Тут и магнитогорская серия, и подъем стратостата, и кандалакшская эпопея, и зарисовки квартета имени Бетховена... А в центре зала — два живописных этюда: портрет Пророкова, написанный Аввакумовым в 1936 году, и портрет Аввакумова, сделанный Пророковым в 1938 году. Рядом — живописные наброски, это память о Плесе, где они проводили отпуска.

В статье, опубликованной в областной газете «Рабочий край», заслуженный художник республики Евгений Грибов написал удивительно проникновенные слова о немеркнувшей красоте графического искусства Н. М. Аввакумова, мощи его натуральных рисунков, силе и эмоциональной выразительности любого наброска.

Вторым героем рецензии был, конечно, Б. И. Пророков, инициатор этой выставки.

Из дневников Б. И. Пророкова, помеченных шестидесятью — семидесятью годами:

«Очень захотелось почитать сонеты Микеланджело. Как будто включили рычаги, и ток высокого напряже-

ния побежал по всем нервам. Душа засветилась. Остывший мозг вновь заработал. Будто обнял тебя старый друг...»

«Самое трудное — найти слова, передающие мысль. Это отмечалось в статье о моих «синекдохах» в «Правде». Кажется, в этом у меня принципиальное расхождение с Моором. Как-то мы работали вместе в редакции «Комсомольской правды». Работал, собственно, Моор, а я был подручным. Среди других рисунков Моор рисовал красноармейца. Этот солдатик всецело был подчинен мооровской черно-белой плоскостной манере. Мне этот солдатик показался не только плоским, но пустым и наивным, и я подумал: рядом в комнате сидит Аввакумов, красноармейца надо бы делать ему...»

«Книги к дню рождения: Босх, Шагал, Сарьян, где я нашел много нового для себя. Самый же неожиданный подарок — это магнитогорский рисунок Николая Аввакумова, напечатанный на обложке журнала «Художник» (1969, № 4)».

«...Приходила жена В. В. Борисовского. У Борисовского сегодня день рождения, а он в Боткинской больнице. Жена отвезла ему в подарок набросок Н. Аввакумова и Сонину книгу о Николае, где есть глава о квартете им. Бетховена...»

Борисовский был в Иванове... в 1919 или 1920 годах... Тогда уже он был выдающимся музыкантом».

Художник В. И. Костин в своих воспоминаниях «Годы тридцатые» дал яркую и полную характеристику Пророкову и Аввакумову тех лет: «Талант Пророкова развивался необычно быстро. Можно сказать, что на глазах у нас вырос неистощимый на выдумки, острый политический рисовальщик, необыкновенно оригинальный, смелый, беспощадный к врагам...»

Профессиональным художником газеты стал и Николай Аввакумов, монументально-графические рисунки ко-

того были полной противоположностью быстрым и злым пророковским работам, хотя эти молодые художники были очень близки друг другу... Стали появляться в газете и рисунки Леонида Сойфертиса. Работы этих трех молодых художников в 30 годах, несомненно, внесли новые черты в газетные и журнальные рисунки того времени».

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ

Среди фронтовых рисунков Аввакумова в Пермской художественной галерее есть один, исполненный летом 1944 года. Он называется «На шоссе», художник рисовал усталых бойцов, технику, тяготы ратного труда. На обороте его же рукой написано: «Мы будем в Берлине, и ничто нас не остановит». Без восклицательного знака, просто, но твердо и уверенно.

«Мы будем в Берлине...» — эта мысль была с Аввакумовым и в тяжелые дни сорок первого, когда в октябре враг находился на подступах к Москве, а на окраинах города население и бойцы устанавливали противотанковые надолбы, рыли окопы, рвы, натягивали колючую проволоку.

По свидетельству Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, москвичи, отправив в первые месяцы войны на фронт двенадцать дивизий народного ополчения, соорудили 72 тысячи погонных метров противотанковых рвов, 128 тысяч погонных метров окопов и ходов сообщений, около 80 тысяч метров эскарпов и контрэскарпов, 52,5 тысячи метров надолб и много других препятствий, вынудив более 3 миллионов кубометров земли!

15 октября 1941 года Комитет по делам искусств при Совнаркомом СССР издал приказ, согласно которому многие московские художники должны были срочно эвакуироваться на восток. Эвакуации подлежали театры, музеи, издательства, другие культурные учреждения.

Аввакумову ничего не оставалось, как подчиниться приказу. В последний раз окинул он взглядом опустевшую квартиру, любимые книги, папки с рисунками и повернул ключ в замке, не зная, когда вернется к рабочему столу. Жаль было оставлять свои работы, но куда с ними — столько за жизнь накопилось, что не унести.

Все близкие друзья ушли на фронт, воевали штыком или карандашом, а он, словно немощный старец, должен оставаться в тылу. Нет, так не пойдет, он докажет, что может воевать, а не только тушить зажигалки на крышах, дежуря в отряде МПВО.

На Казанском вокзале было многолюдно: эвакуировались заводы и правительственные учреждения, всюду стояли часовые с примкнутыми штыками. Комендант с покрасневшими от недосыпания глазами, осмотрев документы Аввакумова, тихо сказал:

— Ваш эшелон только что ушел, ничем помочь не могу. Действуйте на свой страх и риск.

В таком же положении оказался художник Валерьян Щеглов. Ему Аввакумов обрадовался, словно брату. Раньше они близки не были, а теперь...

Ехали на открытых платформах, висели на подножках вагонов, шли пешком, недоедали, мерзли. Путь до Волги занял одиннадцать суток. В Куйбышеве им выделили комнатку на улице Куйбышева, 76. Здесь, в квартире № 4, была одна кровать на двоих, один стол.

В Куйбышеве Аввакумов создал ставший хрестоматийным плакат «Больше металла — больше оружия», прославляющий подвиг тружеников тыла.

Щеглову в ту пору было сорок лет, он уже был из-

вестным художником, его заставки к первому тому «Истории гражданской войны» убеждали в несомненном таланте. С ним Николай Михайлович сделал плакат «Будь героем Отечественной войны. Уничтожай танки противника!» Другой их совместный плакат «Завоеванный Октябрь не отдадим!» был опубликован «Комсомольской правдой» 7 ноября 1941 года, с ним уходили в бой войска, участвовавшие в параде на Красной площади.

Письмо за письмом слал художник в Асбест, но почта молчала. Прошел ноябрь, наступил декабрь, а вестей не было. Только в середине месяца сработала связь. Стало легче на душе. Но не давал знать о себе Женя Воробьев, от которого многое теперь зависело в судьбе Аввакумова. Не было вызова и от А. И. Арбатского.

Из воспоминаний Евгения Воробьева:

«В первые месяцы войны Аввакумов работал в окнах ТАСС и продолжал сотрудничать в «Комсомольской правде». Он не один раз ходил в военкомат и просил мобилизовать его на фронт, но каждый раз этот вопрос в военкомате откладывали из-за казенного недоразумения. Дело в том, что армейские журналисты и художники были какой-то казенной душой причислены к интендантам — ВУС (военно-учетная специальность) № 18. Художники в эту категорию никак не укладывались. Николай Михайлович был тогда беспартийным, и это осложняло его оформление в газету и отправку на фронт.

Помню, при встрече с Аввакумовым после моего выхода из окружения (середина октября 1941 года) он очень огорчился, что военкомат не откликнулся на его просьбы. Совершенно неожиданно для себя я сыграл немалую роль в его призыве на фронт. Одновременно со мной в группе работников редакции газеты 20-й армии «Во славу Родины» (Западный фронт) вышел из

окружения батальонный комиссар Александр Иванович Арбатский. Он не был москвичом и никогда не жил на Арбате, а был сибиряком. После выхода из окружения его назначили начальником издательства одной из армейских газет Калининского фронта. Газета только формировалась, Арбатский комплектовал ее наскоро, пользуясь каким-то грозным предписанием. Я познакомил Арбатского с Николаем Михайловичем...»

Тянулись дни ожидания. Под Москвой провалилось фашистское наступление. Вызова все не было.

В перерывах между плакатами художник пишет в Асбест:

«Наконец-то началась настоящая расправа с этими подлецами...»

Вскоре он получил вызов на фронт. Николай Аввакумов, теперь уже лейтенант, назначался художником газеты «Фронтовик» только что сформированной 3-й армии. Два «кубаря» в петлицах, ремень с портупеей, наган, выправка — типичный строевик!

Декабрь 1941-го. В Серебряном Бору (Москва) заканчивается комплектование редакции. Быстрые знакомства писателей, журналистов, полиграфистов, несколько занятий по боевой подготовке, стрельбы из винтовки и нагана. Вчерашний штатский люд смущается, держать оружие не умеет, стрелять тем более. А лейтенант Аввакумов словно всю жизнь был военным. Глаз у него безукоризненно меток, рука уверенна. Товарищи по-хорошему завидуют ему.

Под Новый год в дом Фаины Игнатьевны Аввакумовой постучалась почтальон. Она принесла письмо с обратным адресом: полевая почта 43860-П.

Вечером, когда собрались все вместе, Галина Давыдова перед ночным дежурством в госпитале еще раз перечитала вслух весточку от мужа:

«У меня опять новые координаты. Можешь порадо-

вать Игоря, желание его исполнилось, я стал военным. Пишу тебе из одной полусожженной деревушки Северо-Западного фронта, в которой побывала фашистская сволочь. Много несчастных, много тяжелого. Работаю я художником в армейской газете, в данное время нахожусь в командировке и привыкаю к суровой армейской жизни».

Жизнь действительно началась суровая. Но он внутренне был к ней подготовлен, не случайно в блокноте последний эскиз к плакату подписан: «Иду мстить!»

С первого дня военный художник завел записную книжку. По ней можно проследить, как сугубо штатский человек превращался в профессионального воина, вживался в то страшное, невообразимое, что называется войной.

Вот только несколько первых дней военной службы.
«1—7 января.

Впервые встречал Новый год вне семьи. Частичная экипировка. Исполнил... заголовок для нашей газеты.

8 января.

Вышли в командировку. За шесть часов прошли более двадцати пяти километров. Дорога рыхлая, очень устали. Ночевали в караульном помещении. Мертвец. Доктор. Караул. Шоферы. Гитара. Утро — пение под гитару.

9 января.

Опять такой же переход. Сильный мороз, лес закуржавел. Яблони как в цвету. Мы мокрые от ходьбы. Хочется пить. Ели снег.

10 января.

Вышли к передовым линиям догонять наши части. Сожженная деревня. Через несколько километров вошли в лес. Дорога, узкая и рыхлая, как песок, сплошь забита обозами и артиллерией. Создаются пробки, разъезжаться очень трудно. Штаб полка. Минометный об-

стрел. Раненые. Артобстрел. Первая зарисовка. Обратный путь в темноте. Чертовская усталость, еле передвигаем ноги.

11 января.

От вчерашней усталости нет следа. Состояние бодрое. После завтрака отправились в село Гущу, сожженное фашистами. Ямки. Долго беседовали с семьями, оставшимися без крова. Тяжело. В одной маленькой землянке живет шесть семей. Много маленьких ребят. Жалкие остатки вещей разбросаны под елями, около землянки. Несчастливые люди.

12 января.

Ночью получили приказ: полиотделу срочно продвигаться к линии фронта. Работники редакции остались до утра, но сборы остальных окончательно испортили нам сон. Избу выстудили, и спать на холодном полу стало невыносимо.

Для памяти.

Обозы. Артиллерийские лошади с противогазами. Полевые кухни. Ночные стоянки у костра. Замаскированные танки. След от танков на снегу».

В этих записях многое трогает. Аввакумов пишет рублеными фразами — недосуг развивать мысли, тяжело писать на колене, зимой, после утомительного похода.

НА ЛИНИИ ОГНЯ

Война — тяжелая работа, но куда тяжелее отступить, отдавая на поругание родные села и города.

В политотдел армии поступило краткое сообщение из дивизии А. А. Дьяконова: фашисты, захватив двух на-

ших разведчиков, зверски истязали их, пытаясь добиться сведений о советской обороне, и, не добившись признания, облили пленных бензином и подожгли.

Нет, не знал Аввакумов этих бесстрашных солдат, но сердце его захлестнула волна ненависти. До ночи сидел он над рисунком, а наутро готовый принес в газету, чтобы передать бойцам эстафету погибших разведчиков, их презрение к захватчикам и любовь к Родине. Эта работа художника послужила комиссарам подразделений лучше всяких слов и приказов.

Острый и точный карандаш Аввакумова мгновенно откликался на важнейшие события фронтовой жизни. Части присвоено звание гвардейской — в ежедневной газете большая линогравюра «Вручение гвардейского знамени». Снайпер Ибрагим Сулейманов за 16 дней уничтожил 239 фрицев — в половину первой страницы заверстан его портрет в полный рост. А вот памятки для пулеметных расчетов и гранатометчиков. Они снабжены детальными рисунками. В другом номере газеты заметка об опыте строительства надежных блиндажей, и здесь не обошлось без рисунка. Что ж, и эти вещи на фронте нужны, так что художник и в них вкладывал душу, выполняя вполне боевую задачу.

Пригодился лейтенанту многолетний опыт в «Комсомольской правде», давший хорошие знания полиграфии. На этой почве Николай Михайлович сблизился с гравёром Смирновым, сибиряком, который резал по дереву его рисунки. А вот когда Михаила Петровича перевели в другую редакцию, Аввакумов затосковал — пришлось работать одному: сначала делал рисунок на ватмане, затем повторял его на дереве или линолеуме и, вооружившись штихелем, вырезал гравюру. Потом укреплял ее на деревянной колодке, тщательно заверстывал в наборную полосу и приправлял в печатной машине.

Особенно уставали глаза. Пришлось для ускорения

дела рисовать прямо на линолеуме. Кстати, Борис Пророков на полуострове Ханко делал то же самое уже в 1941-м.

Линолеума не хватало. Художник добывал его где можно и где нельзя. При освобождении небольшого районного городка Аввакумов кинулся в горящую больницу и, орудуя острым ножом, содрал с пола несколько полос этого ценного для газеты материала. Задыхаясь от дыма, в обожженной шинели, выскочил он с дорогой ношей на крылечко и стал жадно глотать снег. Линолеум оказался стоптанным многими тысячами пар ног сельских пациентов, но под умелой рукой художника он превратился в сотни рисунков, которые восторженно принимали в окопах бойцы 3-й Ударной армии.

Каждый день из частей посылали в редакцию самых прославленных, самых отважных воинов. Рисунок в газете — особое поощрение для солдата. Художник любил эти минуты, когда бесстрашные ребята — дерзкие разведчики, отчаянные пехотинцы, суровые танкисты — становились маленькими детьми и с любопытством наблюдали, как под рукой лейтенанта оживают знакомые черты.

А разговорить человека Аввакумов мог. Глядишь, уже и оттаял портретируемый, жестикулирует, улыбается, о товарищах рассказывает.

Перед встречей с Ибрагимом Сулеймановым Аввакумов целые сутки без сна и отдыха работал. Потому теперь рисунок двигался медленно, пришлось степняка помучить. В конце сеанса снайпер не выдержал:

— Легче десять немцев убить, чем так без дела стоять.

Назавтра он опять заглянул в редакцию и, увидев, что лейтенант вырезает его портрет на линолеуме, крайне удивился: как можно столько времени и внимания уделять его персоне.

Долго наблюдал он за действиями художника, а потом поклонился и сказал:

— Когда в бой пойду, не забуду эта штука.

Николай Михайлович часто бывал на передовой. Он, привыкший получать материал из первых рук, просто не мог без этого обойтись.

Попал он однажды на передний край 257-й стрелковой дивизии. Удобно устроившись в траншее, стал делать карандашные наброски. Местность эта сильно простреливалась противником, несколько молоденьких бойцов из пополнения заметались по окопу, мешая художнику работать.

— Спокойно, ребята!— крикнул им Николай Михайлович.— Сейчас будет недолет. А вот второй снаряд — перелет.

Новички притихли, устыдились, увидев, что художник совсем не волнуется, а спокойно рисует. Так до самого вечера ни одна мина, ни один снаряд в окоп не попали.

Когда шли бои за Идрицу, художнику поручили найти механика-водителя Сергея Волошина и нарисовать его портрет. Политотдел армии подготовил об отважном воине специальную листовку. Старшина был награжден орденом Красного Знамени и медалью «За отвагу». И вот новый подвиг. Его машина ворвалась в расположение врага, давая все, что попадалось на пути. Внезапно тяжелый снаряд угодил в башню — экипаж погиб, остался жив только Волошин, но и он был ранен в плечо и голову. Когда гитлеровцы подошли ближе, притворившийся мертвым танк заговорил пулеметными очередями. Девять атак провел и шесть контратак отбил раненый старшина. Это был его пятнадцатый бой за два дня. В боях за высоту смельчак уничтожил четыре блиндажа, противотанковое орудие, пять пулеметных точек и около 80 фашистов.

Прибыв в дивизию, Аввакумов узнал, что танк Волошина вышел на исходный рубеж и приготовился к новой атаке. Штабист посоветовал подождать до утра.

— А вы проводите меня на исходный рубеж,— попросил художник офицера.

— Туда нельзя, там воюют, а не рисуют,— сухо ответил тот.

— Я буду делать то и другое.

Штабной только руками развел. Художника повели на линию огня. Там под свист пуль и вой снарядов он рисовал поле боя. Потом и Волошина нашел, прямо в танк его забрался. Герой был ранен в очередной раз, по руке текла кровь. Аввакумов помог ему выбраться и доставил в медсанбат. Там и нарисовал портрет отважного танкиста.

Задание политотдела было выполнено в срок, листовка быстро разлетелась по частям. В текст листовки Аввакумов внес существенные поправки: он рассказал о последнем бое танкиста. Портрет Сергея Волошина был напечатан «Фронтовиком» на первой странице. Вышедший из санбата танкист наклеил газету на броню башни и повел машину в новый бой, совершив в тот день еще один подвиг.

Из письма Н. М. Аввакумова в Асбест:

«Работа моя идет хорошо. Доволен. Кроме газетных рисунков собираю материал для капитальных вещей, в частности для альбомов «Великая Отечественная война», которые будут издаваться Комитетом по делам искусств.

Народ в нашем коллективе славный и простой. Ко мне относятся прекрасно. Живу я с писателем Юнгой и поэтом Санниковым, последний знает очень много народных старинных песен. Вечерами, когда усталость берет свое, мы устраиваем маленькие концерты, вокальный репертуар которых весьма обширен».

ФРОНТОВЫЕ РАДОСТИ

Слезы капнули на письмо, когда Галина Давыдовна дошла до шемящих строк: «Многое бы дал сейчас за хороший скрипичный или фортепьянный концерт. Отсутствие музыки мучительно. Вечерами отвожу душу за гитарой. Играю я плохо, но для аккомпанемента вполне достаточно. Помурлычем немного, и как-то легче становится...»

— Боже мой, ведь убить могут, а он о музыке...

Прежним остался ее Николай даже там, где смерть ходит по следу. И ничего страшного не пишет, все хорошо и ладно, будто на курорт выбрался.

Но жизнь остается жизнью. А если ты художник, натура эмоциональная, чуткая, отзывчивая на прекрасное, то душа вдвойне жаждет поэзии, музыки.

Музыка... Сегодня Галя шла с дежурства и увидела афишу: «Два концерта с участием лауреата Международного и Всесоюзного конкурсов Лизы Гилельс и лауреата Всесоюзного конкурса Марии Гринберг...» Концерты в клубе имени Кирова. Это далекоовато, но, если захотеть, можно сходить.

Еще недавно они, Галя, Коля, Соня и Борис, в Большом зале Московской консерватории слушали Гилельса, Ойстраха, Тамаркину, Зака, Емельянову, Козолупову, Флиера — целое созвездие блестящих артистов.

— Мама, что-то случилось с папой? — спрашивает Игорь, заметив слезы на глазах Галины Давыдовны. Он уже большой, девятый год, все понимает. Мишка, тот еще беззаботен, мама рядом, а это главное.

— Нет, нет, что ты, — суеверно пугается мать, — прочти, видишь папин почерк, только он так у нас красиво пишет. И знаешь о чем? Папа соскучился по тебе, по Мишутке и еще по музыке.

27 декабря 1941 года Дмитрий Шостакович в Куйбышеве закончил Седьмую симфонию. В нее он вложил всю боль и силу человеческого сердца, переживающего ужас войны. На титульном листе партитуры композитор написал: «Посвящается городу Ленинграду».

16 февраля 1942 года Алексей Толстой писал в «Правде» с первой репетиции симфонии:

«Симфония прозрачна в своей огромной сложности, она и сурова, и по-мужски лирична, и вся летит в будущее, раскрывающая за рубежом победы человека над зверем...

Красная Армия создала грозную симфонию мировой победы, Шостакович прильнул ухом к сердцу родины и сыграл песнь торжества...»

5 марта во Дворце культуры имени В. В. Куйбышева состоялась премьера симфонии, на которой присутствовали члены правительства, дипломатический корпус, представители науки, культуры.

Из Куйбышева концерт транслировался всеми радиостанциями Советского Союза.

В этот день редакция «Фронтовика» перебиралась на новое место, обживала и благоустраивала землянку. Впрочем, благоустройством занимался один Аввакумов, он эту работу любил и никому не доверял. Юнга и Санников в такие минуты под руку не лезли, а терпеливо исполняли его указания. К вечеру жильё приняло пристойный вид. Они уже собирались поужинать, отдохнуть, послушать радиоприемник, как вдруг раздался голос Левитана: «Работают все радиостанции Советского Союза...» Все притихли, ожидая чрезвычайного сообщения. И оно последовало: в Куйбышеве взмахнул палочкой дирижер, и зазвучала над всем миром, над искореженными снарядами снежными полями, обезображенными городами и деревнями, над аввакумовской землянкой музыка надежды и уверенности в победе...

Это было что-то невероятное. Аввакумов закрыл глаза...

Залетевший в землянку шофер редакционной полуторки затопал по мерзлой глине. На него шикнули. Он не понял, что случилось, но послушно присел на нары.

Долго не могли прийти в себя растревоженные музыкой фронтовики. Перед сном даже гитары не было слышно, хотя это был священный ритуал.

Уже поздно вечером Юнга попросил:

— Коля, расскажи о Шостаковиче...

Странно, Николай никогда никому не говорил о своем знакомстве с композитором. И вообще не любил рассказывать о себе. Два года прослуживший с ним в одной редакции, И. П. Гусаков только после войны узнал, что художник Аввакумов, как и он, родом из Асбеста.

А сейчас не удержался, все рассказал: и как в Ростов ездили, и как в шахматы играли, и как о спорте беседовали. Припомнил признание Шостаковича о том, что тот очень любит Грига, но долго его музыку слушать не может, а вот Мясковского назвал чистейшей души человеком.

Скоро Седьмую симфонию Шостаковича услышал весь мир. 29 марта она звучала в Москве. 1 июня самолет с микрофильмом партитуры сел в Англии, а через три недели Шостаковичем были изумлены лондонцы. Оркестром управлял Генри Вуд. 19 июля дирижер Тосканини представил новое произведение жителям Нью-Йорка. А 9 августа 1942 года, в день, который фюрер назначил для взятия многострадального Ленинграда, Седьмую симфонию исполнил на берегах Невы оркестр под управлением Карла Элиасберга.

Это была еще одна уникальная схватка с фашизмом, в которой победителем вышло советское искусство.

ПАМЯТНАЯ КОМАНДИРОВКА

Радость, как и беда, в одиночку не ходит. В этом Аввакумов убеждался неоднократно. В апреле вышла ему командировка в Москву: требовалось сделать запас клише, обновить отработанные шрифты, да мало ли нужд у художника ежедневной красноармейской газеты. Собрался быстро. Уложил в вещмешок папки с накопившимися рисунками, кое-что из еды. (Позже, когда семья вернется в столицу из Асбеста, это «кое-что» будет побогаче, Николай научится вытапливать сливочное масло, которое полагалось офицерам, и все его запасы станет отправлять детям с поэтом Санниковым или с другой какой оказией.)

Получив в политотделе армии командировочное удостоверение, в редакционной землянке — наказы москвичей, Аввакумов уже через полчаса был готов в неблизкий путь.

...Грузовичок долгие часы устало бежал по бездорожью. Мелькали леса, лужи, грязь уходящей зимы.

Лейтенант дремал, уронив голову на спинку кабины. Что ему снилось, сердечному, умаянному?

Шофер осторожно поправил сползающую с Аввакумова шапку, неторопливо закурил, вздохнул тихо и уже больше не отрывал взгляда от раскисшей колеи.

На контрольно-пропускном пункте долго проверяли документы, куда-то звонили, что-то уточняли. Наконец все формальности улажены, машина тронулась дальше. Подъезжая к Москве, Николай повеселел. Шофер тоже расплылся в улыбке — сегодня уж отоспится, день-то к вечеру, все склады закрываются — заночует в Москве.

Москва жила напряженно, трудно. Город выглядел сурово, мрачно, улицы были безлюдны. Изредка встречались разрушенные бомбежкой здания.

Из-за угла вышли девушки в солдатских шинелях. Они несли сигарообразный баллон с легким газом, предназначенный для заполнения аэростатов заграждения. Николай нагляделся на них еще в сорок первом, когда к ночи они нависали над городом в несметном количестве. Девушки несли баллон, ухватившись за петли: с каждой стороны по четыре-пять человек. Усталые, они вызвали в художнике внезапный приступ жалости. Он пристально вглядывался в этих девочек, московские улочки, стараясь ничего не упустить, ничего не забыть.

Склады действительно уже закрывались. Бумаг на получение требовалось оформить целый пуд, поэтому Николай прислушался к совету пожилого капитана интендантской службы явиться с утра, а если что-то будет не так, обратиться непосредственно к нему.

Аввакумов, пристроив шофера в комендатуре и сделав отметку в документах, направился первым делом на Верхнюю Масловку.

Дверь открыл Пророков.

— Боря!

— Привет пехоте!

Друзья стремительно обнялись. Пророков только что вернулся из осажденного Ленинграда. Рассказам нет конца. О каком сне может быть речь, когда встретились два старых товарища.

— Смотри-ка, у тебя уже флотская терминология: кореша и так далее...

— А, интеллигенция, заботишься о чести родного языка?

Они счастливы, столько пережито за эти долгие месяцы. Даже не верится, что встретились.

— Ну рассказывай...

И поведал морской художник эпопею о полуострове Ханко, где провел первые недели войны. Небольшой клочок каменистой земли в Балтийском море стал для

финнов Маннергейма неприступной крепостью. Насмерть стояли здесь морские и стрелковые части.

На полуострове Ханко выходила газета «Красный Гангут», в нее и был направлен художником Борис Пророков.

Ежедневно бомбила вражеская авиация, обстреливала тяжелыми калибрами артиллерия, но в каменном подвале регулярно печаталась газета с сатирическим отделом «Гангут смеется».

Борис Иванович впервые здесь взялся за линогравюру, так как цинкографии на Ханко не было. Он сделал массу листовок. Их разбрасывали наши летчики на территории от переднего края до Хельсинки.

Один из летчиков не то в шутку, не то всерьез пожаловался Пророкову:

— Летим на бомбежку — зенитки постреливают вяло. Как только появимся с твоими листовками, устраивают бешеный заградительный огонь.

Порой у финнов, попавших в плен, находили пророковские листовки, призывающие сложить оружие. У одного спросили:

— Почему добровольно не сдался?

— Я солдат, присягу давал.

— Гитлеру?

Финн резко схватил листовку и, показывая на Гитлера, разразился такой интернациональной бранью, что вызвал сочувствие.

Впрямую причастен Пророков и к знаменитому письму барону Маннергейму, которое было выдержано в лучших традициях послания запорожских казаков турецкому султану.

Получив приказ об эвакуации, моряки спешно покидали полуостров. Пророков с командой политотдела в числе шести тысяч человек уходил на последнем судне — турбоэлектроходе «Иосиф Сталин». Ночью корабль

наскочил на мину, затем взорвалась еще одна, начали палить береговые батареи.

Людей с тонущего корабля спасали катера и тральщики, многих тогда недосчитались. Пророкова сняли с последней пятеркой.

— Вот такие дела, брат,— подвел итоги моряк.— И в Ленинграде всякого навиделся. Тяжело, но город не будет сдан врагу, я в этом убежден.

Вспомнили Шостаковича. Заговорили об искусстве, о пропагандистском искусстве, его формах в годы войны и предназначении художника.

Занимался рассвет, а друзья все еще не ложились.

Среди срочных дел Николай Михайлович наметил визит к Кукрыниксам. Неожиданно встретился с писателем Евгением Воробьевым, тоже приехавшим с фронта. Заскочил Аввакумов и домой, погладил любимые книги, наскоро написал письма в Асбест.

Ему положительно везло. Когда на складе получал линолеум, на плечо легла чья-то рука. Обернулся: что-то неизъяснимо знакомое было в стоявшем перед ним моряке. Вгляделся. Да это же Ваня Кейль! Тот Ваня, с кем начинал художнический путь на асбестовых рудниках. Правда, Кейля потянуло потом в архитектуру.

— А я бегу к тебе домой, надеюсь застать кого-нибудь из твоих. Тебя, честно говоря, и не мечтал увидеть, слышал, что на фронте.

И Кейль торопливо поведал, что находится сейчас в Московском флотском экипаже, получил увольнительную. У дома Аввакумовых преградил ему дорогу строгий мальчик-милиционер, объяснив, что Галина Давыдовна с детьми в эвакуации на Урале, а хозяин в действующей армии. Узнав, что моряк доводится другом юности хозяину, постовой посоветовал не мешкая бежать к гостинице «Националь», откуда должна была отходить машина Аввакумова.

Лейтенант взглянул на часы. Пора. Крепко обнялся с моряком. Простились.

На обратной дороге Аввакумов думал о доме, о милой родине, припоминая тихие пыльные деревянные улочки приискового поселка, шумную на перекатах Пышму, сверстников. Подумалось: «Молодец Ванюшка Кейль, отыскал меня в Москве». Вспомнил Галю с ребятами. Правильно сделал, что отправил их в Асбест. Мать присмотрит, обогреет, в обиду не даст. В городе ее все знают, если что — помогут, в беде не оставят.

Из письма Аввакумова жене на Урал:

«Командировку в Москву я закончил очень хорошо. Пришлось мне заняться интендантскими делами, что далось весьма нелегко. Но тем не менее все обошлось благополучно. Половину обратной дороги ехали чудесно, но дальше началось сплошное мучение...

Четыре раза отказывалась нам служить автомашина, и четыре раза мы, разбирая и собирая ее, возвращали ей способность передвигаться. Ремонт был серьезный. Продуктов не было. Жили впроголодь. Ехали восемь дней, тогда как при нормальном следовании это расстояние покрывается в двое-трое суток.

Но, как говорится, нет худа без добра. После этой «автомобильной эпопеи» я настолько ознакомился с машиной, что шофер самым серьезным образом стал прислушиваться к моим советам, и даже в ряде споров с ним победа осталась на моей стороне.

Изрядно отощав, мы добрались до нашей части. Но отдохнуть нам не пришлось, ибо редакция переехала на новое место. И опять в путь по осточертевшим ухабам, с новой порцией неизбежных дорожных передраг...»

НА УРОВНЕ СТУПИНСКОЙ ВЫСОТЫ

Редактора «Фронтовика» на сей раз вызвали не в политотдел, как обычно, а непосредственно в штаб армии. Командующий 3-й Ударной генерал-лейтенант К. Н. Галицкий ставил задачу лично:

«Пошлите крепкую группу в 28-ю дивизию. Она штурмует Ступинскую высоту. Штурмует и возьмет. Но нам важно, как и за счет чего. Учтите, это первый такой опыт и он должен стать достоянием всех частей».

Ступинская высота господствовала над местностью на многие километры. Это была серьезная преграда на пути армии. Точка на карте, обведенная командующим красным карандашом, свидетельствовала о самом серьезном к ней отношении.

Подробности редактор узнал в оперативном отделе. Выяснилось следующее: высота изрыта тремя ярусами траншей, густо усеяна пулеметными гнездами, утыкана артстволами. У подножия и по склонам — сплошные минные поля.

Брала сильно укрепленные позиции 28-я стрелковая дивизия, вернее, ее 88-й полк под командованием спокойного и улыбчивого И. С. Лихобабина. Под покровом ночи смельчаки-саперы пробрались к минным полям и бесшумно проделали проходы для пехотной роты, что позволило бойцам почти без потерь совершить первый бросок и ворваться в оборону фашистов. Загremели пулеметы, заахали разрывы гранат, повисли в предутреннем тумане отчаянные крики раненых... Немцы опомнились и попытались в рукопашной схватке отбросить красноармейцев с высоты. Не вышло. Метр за метром очищали бойцы родную землю, умело уничтожая пулеметные точки и выкуривая фрицев из укрепленных

блиндажей. Последовал ряд яростных контратак, но, как ловко подметили пехотинцы, что с боем взято, то свято. Две сотниtrupов оставил враг на отбитой у него высоте.

Сюда-то и поспешили корреспонденты Иван Копченнов, Николай Зацепин и художник Николай Аввакумов.

Противник не думал упускать Ступинскую высоту за здорово живешь. Артобстрел не утихал, боеприпасов фрицы не жалели, точно им пекли их, как блины. У нас все больше раненых и убитых, этот печальный счет растет с каждой минутой. Лишь взвод уцелел от боеспособной роты. Но вот вышел из строя и ротный. Люди, не получая команды, заметно приуныли. А немцы, прервав бомбардировку, бросили в бой штурмовую группу из матерых grenадеров.

Вот такую картину увидели корреспонденты. Капитан Копченнов мигом оценил обстановку:

— Всем оставаться на местах! — крикнул он командирским голосом. — Вести прицельный огонь!

Бойцы, очухавшись после артобстрела, успокоились, открыли стрельбу по наступающим цепям, которые густо обтекали высоту.

Разгоряченный боем, Копченнов быстро вошел в роль старшего. Он подполз к НП, где стрелял из винтовки художник.

— Дальше-то что, Коля? Прут гады, как пожар в тайге. Делать-то что будем?

— А ничего, — отозвался Аввакумов, — если не будет чуда, пропали. Но высоту сдавать нельзя. Ты понял? Нельзя!

И вдруг сквозь выстрелы оба услышали зуммер полевого телефона. Есть связь!

— Живы? Куда дать огонька?

Звонил командир дивизиона реактивных минометов, журналист не сразу понял, чего от него ждут. Но

тут же спохватился и отчаянно, чтобы все слышали, зарорал в трубку:

— Огонь на меня! Огонь на меня!

И тотчас высоту закрыла сплошная пелена огня и дыма. В этом ужасающем грохоте нельзя было различить ни криков, ни стонов. Все слилось в единый нарастающий рев.

Когда Аввакумов открыл глаза, он ничего не увидел. Покрутил головой — ничего не услышал. С трудом разогнул спину — над ним была земля. Ребята тоже откопались. Зашевелились в окопчиках, готовясь к отражению новой атаки. Но атаки не последовало — отрезвили фашистских молодчиков русские «катюши».

К вечеру на высоту прибыл с подкреплением начальник артиллерии 88-го полка. Он поблагодарил бойцов за мужество. А офицерам-газетчикам пожал руки:

— Я бы вас к себе в строй взял!

Об этом бое было широко рассказано во «Фронтовике». С деталями и подробностями, прославляющими крепость русского оружия, боевой дух войск. Естественно, авторы очерка и рисунков не заикнулись о своем участии в обороне Ступинской высоты. Наверное, не один бывалый солдат, прочитав газету, подумал: «Гляди-ка, вот черти, как пишут, будто сами атаку отбивали».

Опять газета, опять линолеум, бессонные ночи, срочные задания.

В дни наступательных боев зимы 1943 года в районе городов Великие Луки и Новосокольники армейская газета отрядила на линию огня выездную редакцию выпуска «Фронтовик» на переднем крае». В нее вошли М. В. Крючкин, В. Е. Киряев, И. А. Копченев, Н. М. Аввакумов...

В частях полюбили маленький, с листовку, «Фронтовичок», приносящий горячие боевые новости. Глав-

ное, события, описываемые им, происходили в «нашем полку» или у соседей с фланга. Это поднимало боеготовность, окрыляло командиров и бойцов.

Особое отношение было к рисункам. Похож ли на себя пулеметчик Васильев, на счету которого 150 фрицев? Не пижонит ли разведчик Щербаков специально для художника? Этот Аввакумов крепкий парень — и когда только успевает рисовать?

А художник пишет в Асбест:

«Могу без преувеличения сказать, что так работать мне еще не приходилось. Переутомление было настолько велико, что довольно часто шла кровь из носа, в ушах стоял звон и глаза слезились от усталости. А работать все равно нужно. Вынужден был перестать курить, и этим сильно себя поддержал. Было трудно, но результаты налицо, я поправился и сейчас чувствую себя значительно лучше.. Вот только глаза беспокоят меня очень сильно. Как бы не покалечить их вконец».

МАЛИК, ШЫРЫГЫМ....

В октябре 1942-го художник приехал в 8-ю гвардейскую дивизию имени генерал-майора И. В. Панфилова. Это соединение особо прославилось в битве за Москву. Героев здесь было столько, что всех никогда не нарисуешь.

Понравились Аввакумову эти люди, крепкие, продубленные азиатскими ветрами степняки — дивизия формировалась в Алма-Ате, в ней много казахов, прирожденных воинов, умелых и смелых бойцов, добровольно ушедших на фронт. Год назад их вел в бой Иван Ва-

силевич Панфилов, вчерашний военком Киргизии, славный воин, любимец солдат. После его гибели дивизия стала Панфиловской.

У походного костерка Аввакумов чутко вслушивался в горячую гортанную речь, в долгие, чуть унылые песни.

Здесь, в 8-й гвардейской, впервые художник познакомился с песенными стихами великого Абая. Даже заучил несколько нелегких казахских слов. Больше того — заинтересовался степным фольклором, его привлек казахский вариант романтической поэмы «Фархад и Ширин» — «Баян-Слу и Козы-Корпеш». А повинен в том оказался гвардии капитан Малик Габдуллин, филолог, специалист по народному творчеству, доцент вуза, аспирант Академии наук Казахской ССР. Этот гвардеец крайне заинтересовал художника и как воин, и как человек. В самом деле, смелый, скромный, умница. Импонировало и то, что ученый, сын неграмотного чабана, и сам был пастухом. Накануне войны Малик завершил кандидатскую диссертацию, но защитить не успел, ушел защищать Родину, хотя имел броню. Ушел политруком роты. Через год Габдуллин уже капитан, Герой Советского Союза, на выцветшей гимнастерке ордена Красного Знамени и Красной Звезды.

Аввакумов над портретом Малика работал вдохновенно, забыв обо всем на свете, не слыша артиллерийской канонады и поднебесного шума вражеских самолетов. А Малик одновременно делал два дела: позировал и рассказывал старинную легенду своего народа о поэте и предводителе восстания Мохамбете Утемисове. Неслись по дикой степи удалые всадники, звенели сабли дамасской стали, свистели острые стрелы. И бежали угнетатели народа от быстроногих тулпаров...

Портрет Малика Габдуллина неоднократно воспроизводился в военные и послевоенные годы. Однажды, наткнувшись на него, я выделил его наособицу. Вспом-

вились давние, заморожившие в детстве строки:

«И вдруг смуглый солдат начал потихоньку покачиваться и завел резким фальцетом степную протяжную песню...

— Знаете, о ком он поет? О майоре Малике Габдуллине. Вы о нем слышали? Герой Советского Союза! Он недавно побывал тут у нас в батальоне,— пояснил лейтенант Климов...

— Он поет, что Малик-батыр силен, смел, хитер, как степной лис, что у него ухо джейрана и он слышит врага за много верст. Что у него глаз беркута и он видит врага, как бы тот ни прятался, что его рука не устает бить фашистских шакалов, что чем крепче он бьет, тем больше наливается богатырской силой...»

Этот рассказ был напечатан в книге Бориса Полевого «Мы — советские люди». Открываю издание 1950 года, чтобы помочь памяти, и — у белого верблюда брюхо распоролось! (Так говорят казахи в минуты неожиданной радости.) Художник-иллюстратор В. Щеглов. Да это же тот Валериан, с кем осенью 1941-го в тыловом Куйбышеве делал Аввакумов военные плакаты. Титул, заставки и суперобложку книги исполнил С. Телингатер, тоже друг Аввакумова, известный новатор книжной графики. А про Бориса Полевого надо сказать особо. Приехав на Калининский фронт, он заночевал в землянке Аввакумова. Впрочем, «заночевал» не то слово. Целую ночь они состязались в пении. Кто победил — неизвестно. Известно только, что Полевой не хотел расставаться с Аввакумовым.

Художник вел штрих за штрихом, вслушиваясь в слова гордой легенды, звучавшей на превосходном русском языке. Малик в совершенстве знал еще шесть языков, в том числе и немецкий, что сослужило ему немалую службу на фронте. Сын Габдуллы Элемесова был лингвистом от природы, а храбрым воином — от Родины.

Он воевал так, что на родине о нем слагались песни, как в свое время о богатырях степного края Кобланды, Ер Утегене и Мохамбете.

Песни закончились — наступал бой. Малик и Николай расставались как старые друзья, крепко пожав друг другу руки. Обменялись полевой почтой и домашними адресами. Могли бы поцеловаться на прощание, но Николай уже знал: у казахов нет такого обычая.

Капитан Малик Габдуллин спешил в свой батальон.

Старший лейтенант Николай Аввакумов обронил вслед:

— Малик, шырыгым...

Шырыгым — по-казахски значит «мой свет».

Из письма в Асбест жене Галине Давыдовне:

«Вот, родная моя, как вспомнишь благодарность казаха-воина и историю с танкистом, то начинаешь понимать, как моя работа нужна на фронте, и многие неполадки становятся ничтожными. Ну, а после войны приналягу и буду наверстывать упущенное».

ОДА 3-й УДАРНОЙ АРМИИ

Ранним утром прибежал связной из политотдела:

— Товарищ старший лейтенант, вас сам полковник Лисицын кличут...

— Как он? В настроении?

— Веселый.

Начальника политотдела Федора Яковлевича Лисицына Аввакумов знал с первых армейских дней, год назад получал из его рук партийный билет. Шел и гадал: зачем вызывает? Если куда ехать, через редактора бы приказал...

Явился перед грозные очи начальства, щелкнув каблуками, как полагается, доложил о прибытии.

А полковник рукой машет:

— Не тянись, Николай Михайлович, не на людях. Садись-ка, чаек погоняем да поговорим ладком.

Подвинул солдатскую кружку с заваренным кипятком, хлеб с маслом. Сам отхлебнул горяченького, еще с дымком, и сказал:

— Отзывает тебя ГлавПУР в Студию военных художников имени Грекова. Чересчур ты для нас хорош. Жалко отпускать, но приказу послушны...

Новость для Аввакумова не была оглушительна. Разговоры об этом ходили в Москве, Борис Пророков намекал на близкую встречу, но не думалось, что так скоро это случится. Он схватился за кружку и обжегся, закашлялся.

— Вот, вот,— подхватил полковник,— и здоровьишко у тебя того... Надо, как говорят артисты, прощальный бенефис устроить. Чтоб долго помнила 3-я Ударная...

Мысль о выставке здесь, на фронте, не приходила Аввакумову в голову. Что показывать? Если бы на московскую квартиру съездить, да где там — возможности нет. Значит, выставлять работы придется те, что под рукой,— горячее, сиюминутное, еще не совсем готовое.

Почти тридцать месяцев провел Николай во «Фронтнике», уже ветеран редакции. На других фронтах воюют Санников и Юнга, пришла им молодая замена. Вот и ему пора... А в общем, грустно. На Калининском фронте многое пережито, познано, а главное, многое сделано. Героика и быт — вот основа той изобразительной оды, что рождалась ежедневно в блокнотах художника.

В музее Н. М. Аввакумова выставлена подшивка

«Фронтовика» с 1 января по 30 сентября 1943 года. Листаю этот подлинный документ эпохи — ни одного номера без Аввакумова: плакат «Будет и на нашей улице праздник» (к Сталинградской битве), иллюстрация к очерку «Русский богатырь Василий Полуэктов», линогравюра «Убей его!», заставка «Наш земляк Алеша Табак», клишированная рубрика сатирического отдела «Капут», карикатура на фашистов, убегающих от авиабомбы с надписью: «От Ферапонта Головатого» (колхозник Ф. Головатый внес 100 тысяч рублей на постройку самолета), портрет повара Цыпленкова...

Всего в этих номерах около сотни произведений Н. М. Аввакумова, не считая листовок. А всего, как подсчитали искусствоведы, график исполнил за время, проведенное в армии, почти три сотни листовок, около ста плакатов, более двухсот композиционных рисунков и зарисовок.

Очень популярны в газете и стихи. Их пишут красноармейцы и командиры, но чаще всего печатаются профессионалы: Николай Асеев, Максим Рыльский, Семен Кирсанов, Иван Нехода, Григорий Санников... Читателям понравился Иосиф Уткин, он публикуется часто, видимо, по приезду на фронт оставил в редакции свои стихи. Они грели солдатское сердце, их заучивали наизусть.

Холодный огонь непогоды.
Прожектор уперся в зенит.
Тяжелая обувь похода
По мерзлomu грунту звенит.
Нагружены до крови ноги,
Но только вперед и вперед.
Упрямая воля дороги
Солдатскую ярость ведет.
Нет сил с непогодой бороться,
И стужа сердца леденит.
Но сзади глазами сиротства
Вослед им Россия глядит.

И глухо седыми ночами
В холодный и мутный простор
Стучит по дорогам молчанья
Солдатских сапог приговор.

Уткин погибнет в 1944-м, но «Фронтовик» по-прежнему будет печатать его стихи, призывающие к мужеству, ведущие бойцов к победе. Стихи Уткина и рисунки Аввакумова вселяли уверенность в читателей-фронтовиков, звали в бой.

Первого мая 1944 года в большой деревенской избе, чудом уцелевшей после фашистского нашествия, разместился походный армейский клуб. И в тот же день здесь открылась выставка рисунков старшего лейтенанта Аввакумова.

То и дело в деревню подкатывают пропыленные грузовики с пехотинцами, танкистами, саперами, артиллеристами. На открытие выставки политработники посылают наиболее отличившихся бойцов из всех дивизий. Их встречают десять больших листов с произведениями армейского художника. Некоторые узнают на ватмане себя, шумно комментируют.

Ситуация примерно такая же, как в октябре 1930 года в Магнитогорске, когда в клубе пятого строительного участка открылась вошедшая в историю советского изобразительного искусства выставка работ молодого уральского художника Николая Аввакумова.

Через несколько дней выставка стала передвижной, отправилась по полкам и батальонам. Рисунки старшего лейтенанта Аввакумова стали доступны десяткам тысяч красноармейцев.

Где-то на дорогах войны выставка затеряется вместе с подразделением, куда была направлена. То ли погибла вместе с бойцами, то ли была «раскулачена» ее героями. Во всяком случае, Илья Кричевский, ныне народный художник республики, оформлявший эти десять

листов, сообщил недавно, что выставка в редакцию не вернулась.

Капитан Кричевский заступил в газете на место Николая Михайловича. Боевой офицер-сапер, он знал войну с первого дня: взрывал мосты, ходил в атаки, лавировал на минных полях. Талантливый художник пришелся по сердцу Аввакумову, он ему подарил свою папку, бумагу, штихель. В час прощания Кричевский нарисовал своего предшественника в накинутаой на плечи шинели, с гитарой в руках.

После боев в Прибалтике 3-я Ударная повернет на Одер, в числе других армий возьмет Берлин. Именно она будет брать штурмом рейхстаг, в аввакумовской папке Кричевского появятся наброски героев берлинской битвы: командира 756-го полка Ф. М. Зинченко, старшего сержанта И. Я. Съянова, сержантов Михаила Егорова и Мелитона Кантария, водрузивших над рейхстагом Знамя Победы.

Аввакумов сердечно прощается с товарищами, с обжитой землянкой («Илья, занимай мое место, здесь удобно работать»), с природой Калининщины, с ребятами из типографии.

Все готово к отъезду. Водитель полуторки уже завел мотор. Николай достал из полевой сумки лист ватмана. Все переглянулись: пора в дорогу, а он, похоже, собирается рисовать.

— Да, Юрка,— говорит он корреспонденту Юрию Левину,— хочу увезти с собой и тебя...

Так уж случилось, что всех редакционных Аввакумов запечатлел, а вездесущего Левина не успел. Вот и присел на подножку полуторки перед дорогой.

— Теперь — все,— прячет художник карандаш,— счастливо оставаться, товарищи офицеры!

И Аввакумов обнимает каждого.

Экипаж землянки — писатель Леонид Елисеёв, фото-

кор Владимир Гребнев (его берлинским снимкам уготована долгая жизнь), Юрий Левин, Илья Кричевский — грустит, но жизнь берет свое, надо готовить номер газеты.

Еще несколько часов ехал Николай в расположении 3-й Ударной. Когда выбрались на большак, сильно дуло в лицо пыльным ветром. Он старательно протер глаза чистым платком, стараясь, чтобы шофер не приметил выкатившуюся неожиданно слезу.

В голове складывалось очередное письмо:

«Здравствуй, дорогой Мишутка!

Если бы только знал, как твоему папе хочется увидеть тебя и прижать к своей груди...»

Калининский фронт остался позади. Больше не будет в жизни художника такой суматохи, спешки, авралов, то есть будут, конечно, но в другом масштабе, менее значительные. Здесь он жил полной грудью. На других фронтах будет только командированным военным художником, гостем, человеком временным.

На Калининском осталось что-то большое, серьезное, невысказанное. Оно чуть позже выльется в список тем для автолитографий. Вот только некоторые: 1. Ночь. Поток машин, танков, артиллерии. Сильная вьюга. На стволах пушек сидят усталые солдаты. Фары от машин создают фантастическое освещение. Дорога проходит в прекрасном еловом лесу. 2. Из неволи. Мать с детьми возвращается в свою деревню. 3. Ямки. У костра греется несколько человек. Все остатки хозяйства находятся тут же под громадными елями. 4. Торжество правды (яблонька). Огромная воронка, заполненная водой, а на обочине ее маленькая, побитая осколками яблонька. 5. Завтрак (у русской печки). Среди развалин деревни, покрытых свежим снегом, стояла русская печь, наши бойцы растопили ее и грели себе завтрак.

Студия военных художников была создана в 1935 году при особой кавалерийской бригаде, квартировавшей в Москве. Она была названа именем год назад умершего М. Б. Грекова, замечательного советского баталиста, певца 1-й Конной армии. За пять лет в ней обучилось живописи и рисунку свыше двухсот человек. Газета «Правда» назвала Студию «художественной школой всеармейского значения».

Зимой 1940 года молодые грековцы побывали на фронте — тогда шла война с белофиннами. Это была первая проверка боем, первые навыки творчества в суровых походных условиях.

Многие работы, начатые на фронте, вошли в экспозицию большой выставки, открывшейся в феврале 1941-го и посвященной 23-й годовщине Красной Армии.

В первые дни Отечественной войны коллектив Студии уменьшился, художники рвались на фронт. Оставшиеся принялись за выпуск агитплакатов, назывались они «Листок красноармейца». Их срочно отправляли в действующую армию.

Накануне 24-й годовщины Красной Армии студийцы выехали на фронт, чтобы своими глазами увидеть великие сражения.

Карл Гогиберидзе, Петр Кривоногов, Евгений Комаров, Анатолий Горпенко, Николай Беляев, Геннадий Прокопинский, Виктор Рыбин, Георгий Черенщиков и начальник Студии Христофор Ушенин прибыли в 16-ю армию К. К. Рокоссовского в разгар боев. С этого момента и началась работа по сбору художественной истории на переднем крае Великой Отечественной войны.

Деятельность художников одобрил ГлавПУР, попол-

нив Студию новыми талантами. Так в ряды грековцев пришли скульптор Евгений Вучетич, живописцы Иван Евстигнеев, Николай Денисов, Виктор Дмитриевский, графики Николай Жуков, Анатолий Кокорин и другие понюхавшие пороха художники. Среди них был и Николай Аввакумов.

Приняли ветерана Калининского фронта в Студии хорошо. Все его знали, а авторитета добавили орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги». Непросто получить такие награды газетному художнику, когда его оружием был только литографский карандаш.

Москва забывала бомбежки, бои шли далеко на западе. Жизнь входила в нормальное русло. Правда, голодно было.

Семья вернулась в Москву, ребята в эвакуации заметно выросли, Игорь вытянулся, скоро отца в росте перегонит... И ложатся в его блокнот очертания спящих детей, счастливых, потому что у них есть дом, мама, отец. Он водит их на прогулки, на футбол. А еще много работает, даже по ночам.

Николай Михайлович не мог не работать. Глядя на своих ребятишек, не забывал скорбные глаза маленьких беженцев, сирот из разрушенных городов и сел. Он делал одну из самых значительных работ, она станет заметной вехой в его творчестве. Заметной, горькой, счастливой.

Борис Пророков писал в своих дневниках следующее: «Аввакумов блеснул в полную силу своего большого таланта.

Я имею в виду его плакат «Освободи нас». Это один из лучших военных плакатов, если не лучший...

В этом плакате Николая — весь его благородный характер, вся чистая душа его. Здесь вся любовь его к форме, простой, мужественной и красивой.

Помню, он пришел к нам с этим плакатом прямо из

Изогиза. Николай развернул плакат, который нам сразу же очень понравился. Однако автор был явно расстроен и даже разгневан: Изогиз требовал, чтобы он прорисовал на всех руках ногти, а у девочки — слезы.

Плакат был скомпонован по вертикали. Нижняя часть его была занята серо-зеленым забором со свастикой. Эта нижняя часть огрубляла.., и я посоветовал ее отрезать, а с краев прибавить темного фона и дорисовать несколько рук, с тем, чтобы композиция была горизонтальной.

На другой день Аввакумов зашел с переделанным плакатом. Он, разумеется, не стал рисовать ногтей и слез, и это свидетельствует о том, что у него в это время был подъем сил, но он нарисовал руки, и как отлично. Позировал себе сам. Руки у него были очень красивые. Плакат был восхитителен. Текст написан с сердцем. Как же можно было во время войны (это было в 1944 году) не напечатать такой шедевр!

...Изогиз напечатал на эту тему плакат другого художника, который не погнушался нарисовать девочку со слезами, а руки с ногтями... Аввакумов горько посмеялся...»

Плакат «Освободи нас» был высоко оценен художниками и воинами. Один из журналов напечатал его крупным планом на обложке, и вскоре Аввакумову сообщили, что его работа, увеличенная до огромных размеров, сопровождает наступление наших войск.

Народный художник СССР Д. А. Шмаринов говорил: «Мне очень нравится плакат «Освободи нас» — девочка, поднятая на руках... Художник-рисовальщик проверяется на том, как он рисует руки. Как раз плакат «Освободи нас» изображает множество рук, безукоризненно нарисованных двумя отношениями черного и белого. Очень сильный плакат! Я очень рад, что разыскал этот плакат, который был издан в виде листовочки».

Это было, несомненно, одно из высших достижений Аввакумова. Не случайно, уже находясь в госпитале, перед смертью, Николай Михайлович сильно огорчился, узнав, что оригинал плаката затерялся после выставки грековцев.

— Хорошо бы его разыскать,— говорил он Галине Давыдовне,— и повесить у нас дома. Ведь я его делал совсем больным, пальцы меня не слушались, карандаш падал из рук. Пересиливал слабость, очень хотелось закончить эту важную для меня работу.

Друзья выполнили последнюю просьбу художника. Сейчас плакат «Освободи нас» находится в Государственной Третьяковской галерее среди 50 тысяч лучших произведений русских и советских художников.

Летом 1944 года студийцы отправляются в командировку на Белорусские фронты и становятся свидетелями грандиозного наступления нашей армии: освобождены Могилев, Бобруйск, Минск, Вильнюс, Каунас...

Главное политическое управление выделило для восьми художников «студебеккер» и «виллис». Мобильный транспорт дал возможность двигаться с наступающими войсками, а также маневрировать, разбиваться на группы для большего охвата событий. Помимо А. Кокорина и Н. Аввакумова в небольшой творческий отряд вошли Н. Жуков, В. Климашин, В. Дмитриевский, В. Арлашин, И. Евстигнеев, фотокорреспондент Студии А. Дитлов.

На 2-м Белорусском фронте боевая страда. Николай Николаевич Жуков описывал наступление:

«Наши бомбардировщики, двигаясь на запад грозной армадой, сбрасывали в глубине вражеской обороны свой смертоносный груз. Вскоре вступила в дело артиллерия.

Перед нами открылось незабываемое по своей суровости и контрастности зрелище. Слева все было охвачено огнем. Справа отблески пламени освещали строгий

силуэт молчаливого леса. И в это время в атаку тронулись танки...

Да, для того, чтобы передать со всей силой эту битву, нужны были... репинский острый взгляд и кисть гениального мастера-реалиста».

Всякое видел на Калининском Николай Аввакумов, но такое — впервые. Красная Армия вступила на главную дорогу Победы. Теперь ее не остановить. И художник торопливо набрасывает в блокнот картинки наступления: танки, разрушенные мосты, толпы пленных, возвращающихся на пепелища беженцев.

Строки из дневника:

«За это короткое время мы уже побывали в Могилеве, Бобруйске и завтра едем в Минск. Впечатлений масса. Наступление наших войск сильное и стремительное. По дорогам груды разбитой немецкой техники и ежедневно идут тысячные партии пленных. У когда-то заносчивых завоевателей Европы вид побитой собаки».

В столице Белоруссии художники находились несколько дней. Встречались с жителями разрушенного Минска, с воинами, партизанами. Ездили и к военнопленным, их было немало в окрестных лагерях.

В поездках к пленным нарасхват был Кокорин, великолепно знающий немецкий язык. Если фриц уставал позировать и начинал двигаться, звали Кокорина: «Анатолий Владимирович, он шевелится!»

Аввакумов тоже сделал несколько рисунков военнопленных. Правда, занятие для него было непривычное, всю жизнь рисовал героев труда, известных людей, прославленных воинов, а тут... Но так требует история. Через годы эти рисунки станут мощным идеологическим оружием и будут работать на всеобщий мир. Вот они, сверхчеловеки, бездуховные, жалкие. Что они теперь? Пыль на дорогах Победы. Так будет с каждым, поднявшим меч на свободу человечества.

В Минске на глазах грековцев поймали карателя из власовской банды. Холеный, сытый, он молил победителей, целуя сапоги, о прощении. Смотреть на него было противно. А ведь, подлец, был когда-то красноармейцем.

В штабе партизанского движения Белоруссии Аввакумову посоветовали побывать в бригаде «Буревестник». Партизаны этого соединения нанесли сокрушительный удар по фашистам в Колодинских лесах, что в нескольких десятках километров от Минска.

И вот встречи с народными мстителями. Художник искренне полюбил этих героев: комбрига, Героя Советского Союза Михаила Мормулева; начальника штаба Петра Ловецкого, в дальнейшем организатора Белорусского музея истории Великой Отечественной войны; командира отряда Семена Заворакина; партизанку Тамару Максимович — их портреты сейчас находятся в Центральном Музее Вооруженных Сил СССР.

В «Буревестнике» побывали все художники группы. Их одарили всякой всячиной: кому зажигалку, кому трофейный карандаш с четырьмя цветами, ручки-самописки, офицерский «вальтер»...

Назавтра был парад партизан республики. По Минску прошло 150 тысяч отважных лесных бойцов, среди них и герои Николая Аввакумова.

Записи из летнего дневника 1944-го:

«Прибыли в полк самоходной артиллерии. Моросит дождь. Через несколько часов полк уходит на выжидательные позиции. Знакомимся с экипажем батареи.

В 18.00 начали передвижение. Дождь усилился. Остановка, разрушен мост. Ждем три часа. Окончательно вымокли. Приезжаем на место в мелкий сосновый лесок. Легли спать на земле. Брезент не согревает. Утром все мокрые. Работать пока невозможно, и поэтому настроение неважное».

На следующий день:

«День пасмурный, но дождь перестал. Начали работать. Дмитриевский пишет по памяти остановку у переправы. Я рисую. Итог дня: два портрета и несколько набросков. У Дмитриевского — акварель и несколько набросков. Вечером артналет. Сидим в щели. Спать легли под танк, как-то спокойней».

В июле кочевая бригада художников приезжает на 3-й Белорусский фронт. Вильнюс. Город зеленый, уютный, но заметно пострадал от войны. В кирхах идет служба, много пасторов в черных сутанах. Художник Орлов подарил грековцам множество трофейной бумаги. Здесь Аввакумов повстречал Евгения Воробьева, работавшего во фронтовой газете. Простой, скромный, он понравился всем художникам.

В Вильнюсе Николай Жуков узнал Аввакумова не только как художника, но и как человека. Вот запись из фронтового дневника Николая Николаевича:

«27 июля. Вильнюс. Остановились на окраине города, недалеко от железной дороги в милом домике у славной хозяйки Ядвиги, живущей с двумя малолетними детьми. После ужина Аввакумов, Климашин и я только расположились на пустующей семейной постели, впервые сняв сапоги, штаны и гимнастерки, как начался сильный воздушный налет. Оказалось, что дом, где мы расположились, находится недалеко от товарной станции, где было большое скопление воинских эшелонов, а на возвышенности, что возле нашего дома, стояла зенитная батарея. Так что налетевшие около полсотни самолетов в течение полутора часов бомбили этот участок с ужасающим остервенением...

Прямым попаданием был разрушен дом, стоявший от нас через дорогу. Взрывной волной в нашей комнате вырвало оконную раму и со стены сорвало тяжелое зеркало, которое теперь, как маятник, качалось над нами. Наши товарищи, когда началась бомбежка, успели вы-

бежать на улицу и укрыться в земляной щели. Аввакумов и я сочли неудобным оставлять хозяйку одну с маленькими детьми, которые проснулись и были очень напуганы. Жертвы, как потом выяснилось, оказались очень велики: около ста убитых и раненых».

Добавлю к дневниковой записи одну существенную деталь. В момент бомбежки Николай Аввакумов прикрывал своим телом малолетних хозяйкиных детей. Он не мог иначе, и в творчестве и в жизни его дела не расходились со словами.

Фронтальная командировка, затянувшаяся на три месяца, добавила многое к тому, что уже знал о войне Николай Михайлович. Пополнились его блокноты, появились мысли на долгую перспективу — он так хотел жить, хотел работать.

В письме к Галине Давыдовне:

«За это время увидел невероятно много и буду счастливым человеком, если хотя бы незначительную часть виденного мне удастся претворить в своей дальнейшей работе».

Один за другим сходят с его мольберта плакаты, среди них «По вражьей земле, вперед к победе!». Он вошел в историю советского искусства как образец батальной графики.

Привез он из дальних странствий и отличный портрет друга Анатолия Кокорина. Этот рисунок тоже вошел в фонд лучших работ советской графики. Он опубликован в восьмом томе монументального издания «История искусства народов СССР». Друг юности, друг фронтовой изображен в пилотке и плащ-палатке в минуту затишья на привале. Скуп рисунок, но по-мужски выразителен, а тому, кто знает об их дружбе, понятен без комментария — здесь вся любовь художника к художнику, человека к человеку.

«Для меня его постоянная близость,— писал Анато-

лий Владимирович Кокорин,— была дорога еще и тем, что все трудности рядом со старым испытанным другом переносились легче. Иногда, в спокойные вечера, Коля под аккомпанемент гитары пел нам своим чудным, бархатным баритоном наши любимые песни.

Портрет — это сильная сторона Колиного творчества. И здесь (в Белоруссии.— А. Ч.) он сделал несколько замечательных, полных характеров рисунков. Есть у него и портрет командира бригады товарища Мормулева, увешанного трофейным оружием и огромным биноклем.

В те годы Коля Аввакумов был уже опытным мастером рисунка, прошедшим большой путь художника-публициста. Рисунки его точны, энергичны, уверенны, а портреты, сделанные с солдат, поражают острым внутренним сходством, переходящим в образ.

Честное слово, такой дружбе не грех и позавидовать. Много лет, более сорока, прошло после гибели Аввакумова, а он словно живой в воспоминаниях Кокорина. Да, должно быть, счастлив был Аввакумов, имея таких друзей, как Кокорин, Пророков, Нариньяни, Воробьев, Кукрыниксы, Ефимов, Вучетич...

Назревала большая выставка Студии Грекова, приуроченная к 27-й годовщине Красной Армии. Николай Михайлович решил сделать двухметровые портреты углем Суворова и Кутузова. А еще — портрет командира «Буревестника» Мормулева. Над ними он и работал последнюю военную зиму.

В сибирских пимах и ватнике Николай мало напоминал прежнего Аввакумова. Сначала он кочегарил «буржуйку», затем садился за разбор иконографического материала. Все друзья отмечали его необычную бледность, но он старался ее не замечать. Работал. Обещал сходить к врачу, но все откладывал. Уголь, который он держал, резко контрастировал с восковыми руками.

Кокорин вспоминал:

«Поездки и работа омрачались тем, что Коля был уже болен, смертельно болен. Бледность, постоянная усталость и порой апатия, так несвойственные ему. Но умение владеть собой, мобилизовать себя, не дать почувствовать другим, что ему тяжело, проявились и тут с удивительной силой».

Итак, копящая «буржуйка», валенки, ватник, окна, заклеенные бумажными полосами крест-накрест...

Выставка открылась 23 февраля 1945 года. На ней в числе других работ Николая Михайловича Аввакумова были представлены плакаты «Освободи нас!», «По вражьей земле, вперед к победе!», «1918—1945».

Хочется привести выдержку из одного важного документа, имеющего отношение к этой выставке, внесшей большой вклад в советское батальное искусство. Настолько велик был резонанс, что начальник Главного политического управления Красной Армии отдал в марте следующий приказ:

«23 февраля 1945 г. в залах ЦДКА им М. В. Фрунзе открыта выставка живописи, рисунка и скульптуры военных художников Студии им. Грекова.

Выставка показала значительный творческий рост военных художников-грековцев и понимание ими ответственных задач, стоящих перед советским батальным искусством в период Великой Отечественной войны.

...За успешную творческую работу объявляю благодарность и награждаю ценными подарками:

1. Художественного руководителя Студии лейтенанта Жукова Н. Н.

2. Военных художников:

старшего лейтенанта Аввакумова Н. М.,
младшего лейтенанта Богаткина В. В.,
капитана Вучетича Е. В...»

В числе 48 студийцев, получивших благодарность,

были заслуженные деятели искусств М. В. Куприянов, П. Н. Крылов, Н. А. Соколов (Кукрыниксы), старший лейтенант А. В. Кокорин...

Война близилась к концу, до победы оставались считанные дни, она уже витала в воздухе, когда Аввакумов получил новое командировочное направление: Центральная Европа.

Он набросал быструю записку Борису Пророкову:

«Дорогой Боря! Очень хотел тебя повидать перед отъездом. Завтра улетаю на Вену. Видимо, встретимся после войны. Будь здоров. Крепко целую. Коля».

Транспортный самолет с художниками летел над разрушенной Украиной, разоренной Молдавией. Рядом был снова Толя Кокорин. Им вместе предстояло работать в Венгрии, Румынии, Австрии.

Кокорин видел, что Аввакумов уже не тот, что раньше. Видел, что Николай старательно улыбается, хочет показать, что он прежний. Но близкие не могли не заметить в нем перемен.

Николай не знает о своей страшной болезни, считает, что это результат переутомления — такая долгая была война! В Будапеште он рисует Памятник 1000-летия Венгрии, Королевский дворец, празднование Первой в румынском городе Арад.

В начале мая он с группой товарищей приезжает в Вену, музыкальную, песенную Вену. Поклонился могилам Моцарта, Бетховена, отдал честь памятнику Шуберту, на пьедестале которого безвестный советский воин написал химическим карандашом: «Твоя Н-мольная симфония бессмертна».

ПОСЛЕДНИЙ ПОРТРЕТ

Пророков перебирал домашний архив. На глаза попался знакомый почерк. Раскрыл письмо, быстро прочел: «Дорогой Боря!

Об одном прошу — не сердись на меня. Не знаю, чем объяснить, но отвращение к писанию писем у меня настолько велико, что даже огромное желание поговорить с тобой не спасло положение. Попытка объясниться способом «говорящего письма» так и осталась попыткой. Один мой знакомый заметил довольно метко, что я заикался на 10 рублей, а говорил только на пять.

Заиканье так мешало мне, что я наполовину не сказал того, что хотел, да и вдобавок меня очень сильно смущало присутствие посторонних людей...»

Письмо Аввакумова, помеченное 1939 годом, отправлено из Сочи. Он тогда был молод и здоров.

Борис Иванович с тревогой подумал о друге.

Отгремел салютами день Победы, миллионы людей обрели покой. И Аввакумов, сделавший для этого все, что мог, воротился в Москву. Как всегда, пришел сначала на Верхнюю Масловку.

Пророковы его не узнали. Это был какой-то чужой, опустошенный, с потухшими глазами человек.

— Страшно устал,— сказал он вместо приветствия и замер у двери, обхватив обеими ладонями бледное лицо.

Таким Николая никто не видел.

Если бы сейчас послать его в больницу, взять анализ крови... Если бы... Еще можно было что-то сделать.

Он тихо повторил:

— Я просто устал. Устал от войны.

На какое-то время болезнь отступила: Аввакумов ходил с детьми на стадион, общался с художниками, ра-

ботал. Он выполнял ответственный по тем временам заказ — портрет И. В. Сталина. Солдат, он рисовал человека, с именем которого на его глазах поднимались в атаку бойцы.

Николай Аввакумов не был официальным художником, и если Сталин избрал его, это только делало честь художнику-фронтовику. Сегодня можно только гадать, почему выбор пал на него. Возможно, портрет другого генералиссимуса, Суворова, выполненный Аввакумовым еще до войны и вызвавший всеобщий интерес, привлек внимание Сталина.

Сошлюсь на воспоминания бывшего корреспондента газеты «Фронтовик» писателя-свердловчанина Юрия Левина. В его книге «Поиск продолжается» среди глав, рассказывающих о Беле Иллеше, Борисе Горбатове, Илье Кричевском, есть и такая — «Николай Аввакумов». Беседовали мы с ним через сорок лет после войны на родине художника, в Асбесте.

— Юрий Абрамович, вы знали Аввакумова по войне. Каким он вам запомнился?

— Оптимист, песенник, обязательный человек. Его любили все, кто с ним соприкасался. Я прослужил с Николаем Михайловичем в редакции «Фронтовика» (после 9 мая 1945-го — «Победитель») около года. Если брали Идрицу, Аввакумов был в огне, брали Невель, без него не обошлось.

— Вы расстались в сорок четвертом. Были еще встречи?

— Доводилось встречаться. Памятно лето победного года. Приехав в Москву, я прямо с вокзала пришел на улицу Баумана. Обнялись с Николаем и за чашкой чая повели разговор. Вспоминали... Он был возбужден больше обычного, таким я его еще не видел. Вскоре выяснилось вот что: он ждал звонка из Кремля. Портрет, над которым Николай работал несколько месяцев, был уже

там. Художнику не терпелось скорее узнать, что сказал Сталин.

— Что же произошло дальше?

— Дальше был звонок... Прямо из Кремля. Секретарь Сталина сказал: «Товарищ Сталин доволен вашей работой. Внимательно разглядывал портрет, улыбался. Обратив внимание на седину, которой вы покрыли его виски и усы, произнес: «Молодец товарищ Аввакумов, заметил то, чего другие не видят. Сталин тоже человек».

Портрет этот раньше воспроизводился миллионными тиражами. Думается, не в угоду Сталину его называли даже классическим. Судьба распорядилась так, что Аввакумов истратил последние силы на работу, которая теперь хранится в запасниках и больше не воспроизводится.

К врачу он все-таки пошел. Ему было гораздо легче и спокойнее пробираться под пулями врага, чем сидеть на приеме у маститого профессора. От него вышел подавленный: он понял, что его ждет что-то страшное и непонятное.

Тогда-то в последний раз его увидел художник В. М. Брискин, товарищ по «Комсомольской правде»: «Николай Михайлович стоял у ворот госпиталя. Его руки сжимали бумажки, где были подчеркнуты красным карандашом какие-то цифры. Он был явно расстроен и угнетен...»

Когда Аввакумова положили в Лефортово, в госпиталь для генералов, его навестил Илья Кричевский. Увидев больного, художник-однопольчанин невольно заплакал: Николай был весь белый и худой...

И тем не менее он не сдавался. Успокаивал семью и друзей, исправно следовал их советам, заваривал хвойные иголки и пил этот настой для улучшения крови.

После каждой такой процедуры Николай говорил всем, что чувствует себя лучше.

В первых числах ноября он взялся за блокнот. Нарисовал на одном листе макет стенной газеты «Профилактика» 14-го отделения госпиталя Красной Армии в Лефортово в честь 28-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, на другом — образцы шрифтов для заголовка газеты.

Эти наброски поражают не мастерством, другим — за несколько недель до смерти художник, знавший цену своему таланту, заботится о совершенно рядовой стенгазете, которую прочтут от силы десять — пятнадцать человек. Это он-то, печатавшийся миллионными тиражами!

Не мог Николай Михайлович, несмотря на весь трагизм своего положения (он уже знал, что у него белокровие), не работать, хотя бы в стенной газете.

8 декабря 1945 года перестало биться измученное сердце художника.

В Донском монастыре, как зовут старые москвичи кладбище крематория, солдаты отдали Аввакумову последние почести.

Из писем Г. Д. Аввакумовой Н. Ф. Рубцову в Асбест. В них посмертная жизнь художника.

«Каталог для тебя приготовлен. Выставка Колиных рисунков прошла чудесно, с высокой оценкой его творчества...»

Письмо помечено 1949 годом, когда на Кузнецком мосту проходила большая посмертная выставка Н. М. Аввакумова.

17 июля 1957 года Галина Давыдовна сообщала:

«Скульптор Вучетич закончил наконец бюст Николая, который он вылепил по обещанию на панихиде... Смотрели мы его в гипсе. Очень похож. Так и хочется оживить...»

МЕСТО ВСТРЕЧИ — МУЗЕЙ

В начале XX века вблизи Асбеста могучей стеной высилась глухая уральская тайга, водились медведи и волки, рыси и лоси не в том малом количестве, что теперь. А уж ягод и грибов было в изобилии — на лошадях вывозили.

Перед Великой Отечественной войной строители заложили на лесных участках трехэтажный Дом Советов. Когда началась война, город отдал этот незавершенный, с колоннами, объект под цеха эвакуированного на Урал завода асбестовых технических изделий, работавшего на оборону. И хорошо работавшего — предприятию на вечное хранение оставлено Красное знамя ГКО.

В 1967-м, когда город горного льна решительно двинулся вперед, тесня многоэтажными корпусами бурелом и овраги, завод переехал на новую площадку, а реставрированный Дом Советов отдали пионерам и школьникам. Завидный подарок получился — на века!

Теперь Дворец пионеров стоит, говоря армейским языком, не в авангарде наступающего Асбеста, а в арьергарде — не так уж далеко от гигантских карьеров, бывших некогда закопушками, в которые спускался с блокнотом начинающий художник из школы ФЗУ.

Возникает вопрос: какое отношение Дворец пионеров имеет к художнику Аввакумову? Самое прямое. Вот уже второе десятилетие здесь действует мемориальный музей Николая Михайловича Аввакумова.

Музей начинался так. Накануне 50-летия присвоения ВЛКСМ имени В. И. Ленина ребята из группы «Поиск» собирали материалы о земляках — комсомольцах ленинского призыва. В числе тех, кто вступил в молодежный

союз в 1924 году, был и Николай Аввакумов, его фотографию обнаружили в краеведческом музее Дворца пионеров.

Разглядывая снимок, кто-то высказал предположение:

— Не тот ли это Аввакумов, художник, о котором в книжке написано?

На встрече со школьниками П. В. Никитин и Н. Ф. Рубцов, авторы книги «Город горного льна», где напечатан очерк о художнике, их друге, подтвердили: на фотографии уроженец Асбеста, известный советский график Николай Михайлович Аввакумов.

Старожилы много порассказали следопытам о жизни и творчестве Аввакумова. Ребята загорелись, захотели узнать о нем больше, и полетели письма в Пермь, Свердловск, Москву, Ленинград.

Вскоре в Асбест пришла объемистая бандероль, а в ней книга «Николай Аввакумов» с дарственной надписью: «На добрую память комсомольцам — землякам Николая Аввакумова от автора. С. Пророкова».

Душевное письмо прислал народный художник РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР Анатолий Кокорин. Свои воспоминания об Аввакумове передали группе «Поиск» видные художники Наум Лисогорский, Александр Вязников.

В увесистых пакетах приходили фотокопии работ Аввакумова из музеев различных городов Советского Союза.

Герой Социалистического Труда писатель-публицист Юрий Жуков подбодрил школьников:

«Я был очень рад узнать, что вы помните о моем друге Н. М. Аввакумове и чтите его память. Это действительно был выдающийся художник...»

Материалов накопилось столько, что родилась поистине счастливая мысль устроить выставку, первую

выставку рисунков Николая Михайловича в родном городе. Успех ее превзошел все ожидания.

Персональная выставка Аввакумова всколыхнула Асбест. Многие жители впервые открыли для себя большого художника. Много взволнованных слов оставили асбестовцы в книге, которую радушно открывали перед ними мальчишки в красных пилотках.

Выставка закрылась, и ее организаторы загрустили, их поиск закончился. Собственно, почему закончился? А если создать настоящий музей художника?

И снова закипела работа. Установили связь с редакцией газеты «Комсомольская правда», музеем А. М. Горького в Москве, разыскали однополчан Аввакумова по «Фронтовику», первостроителей Магнитки.

Только коллективная память и коллективные усилия способны восстановить облик давно ушедшего от нас человека. И как хорошо, что люди, знавшие Н. М. Аввакумова, не считают его «днем минувшим», любят его, ценят и ради памяти о нем откладывают свои важные дела, роются в архивах, пишут воспоминания, сознавая, что этим как бы продолжают его жизнь, которую он отдал за всех нас живущих.

В год 30-летия Победы над германским фашизмом во Дворце пионеров был торжественно открыт мемориальный музей художника. Это была большая радость для тех, кто знал Аввакумова, дружил с ним, для всех асбестовцев. Очень точно и искренне выразился по этому поводу один из Кукрыниксов Николай Соколов, прислав такое письмо:

«Это был очень талантливый художник и невероятно скромный человек. Если бы при жизни кто-нибудь сказал, что после его смерти на родине будет создан музей художника Н. М. Аввакумова, он бы, немного заикаясь от волнения, наверное, ответил: «Это еще зачем?!» И покраснел бы.

Да, он был таким.

К сожалению, таких немного. А немало других, которые при жизни сами себе устраивают музеи, являясь одновременно и директором, и экскурсоводом, и рекламщиком своего «музея».

Год от года музей пополнялся экспонатами. Появились подлинные работы Аввакумова, его личные вещи: фронтовые награды, кобура офицерского пистолета, фотографии родителей, братьев, друзей, одна из его скрипок...

Музей стал известен за пределами Асбеста, им интересуются крупнейшие художественные хранилища, в том числе Государственная Третьяковская галерея, Литературный музей. Попал он в поле зрения Союза художников РСФСР, Московского отделения СХ, членом которого Николай Михайлович состоял с 1934 года.

21 января 1979 года в Асбесте открылась представительная персональная выставка Н. М. Аввакумова. В экспозицию вошли работы, представленные знаменитыми музеями и частными коллекционерами. 136 подлинников украсили выставочные залы пионерского дворца. Михаил Аввакумов, сын художника, подготовивший к этому событию отличный плакат, выпущенный издательством «Художник РСФСР», перерезал ленточку, и перед зрителями предстал удивительный мир художника, наполненный любовью к людям и земле и такой созвучный нашим дням.

Эти графические листы проникновенно написаны более полувека назад. Глядя на них, думал я о быстротечном времени и возможностях человека. Нет, не от числа прожитых лет зависит долгая память о мастерах.

Под глубоким впечатлением от выставки сложилось стихотворение.

Мир искусства раздирают споры.
И секрет для классиков иных,

шей благодарной памяти, потому что в них нашла свое выражение романтическая эпоха первых пятилеток, покорение Арктики в годы великих перелетов и бессмертные подвиги фронтовых друзей. Яркий талант Аввакумова не оставит равнодушными и нас, и молодых людей, кому дорога наша героическая история».

Выставка оставила в Асбесте и еще один добрый след — в дар музею были переданы несколько подлинных работ Н. М. Аввакумова.

На следующий год Союз художников России, основной организатор выставки, пригласил активистов музея в город на Неве, где экспонировались произведения Николая Михайловича. Это были трогательные дни. К ребятам то и дело подходили незнакомые люди и сообщали адреса ленинградцев, знавших Аввакумова. Так счастливо произошла встреча с художником «Боевого карандаша» Матвеем Мазрухо, соратником Николая по «Комсомолке». Старый мастер передал асбестовскому музею авторское повторение своей работы «Нашествие».

В Ленинграде прошло первое выездное заседание совета музея, в котором участвовали также И. И. Кейль и Г. М. Геращенко.

Отсюда путь школьных искусствоведов пролег в город Иваново, где открывался дом-музей Б. И. Пророкова. Земляки Николая Аввакумова стали первыми посетителями мемориала.

И конечно, асбестовцы не обошли Москву. Побывали в бывшем Донском монастыре, где покоится прах Николая Михайловича и его младшего брата Павла. Живые цветы, горсть уральской земли, лента с надписью: «Художнику Н. М. Аввакумову — от земляков-асбестовцев» — эта незыблемая традиция соблюдается из года в год.

В музее стало правилом организовывать ежегодные декабрьские выставки профессиональных и самодеятель-

ных художников города. Лучшие работы передаются в фонд музея. Так накопилась галерея «Местные художники — музею Н. М. Аввакумова», где центральное место занимает картина Владимира Абаскалова «В армейской газете», изображающая художника во время войны.

Руководитель музея Л. Ф. Амосова вынашивает новые планы: провести в Асбесте выставки народных художников Бориса Пророкова, Анатолия Кокорина, других единомышленников нашего земляка — на радость всему городу.

Да, на радость всему городу, ибо все, что имеет отношение к Аввакумову, свято и дорого для жителей горняцкого края.

НА ЧИСТЫХ ПРУДАХ

У каждого из нас своя Москва и свои в ней маршруты.

Вот уже несколько лет начинаю первый день пребывания в столице по одному и тому же пути. У Павелецкого вокзала сажусь на трамвай, следующий к Донскому монастырю. В этой старой части города чувствуешь себя будто бы перенесенным в тридцатые годы. Трамвай останавливается у современного корпуса — это университет имени Патриса Лумумбы. Отсюда до Донского монастыря уже рядом, надо только обойти могучую, старинной кладки кирпичную стену.

От Вечного огня свороток налево, там, среди пышной сирени, дорогое сердцу место. За живой изгородью кустарника высится бронзовый бюст. Вучетич изваял соратника по Студии военных художников в гимнастерке — по три кубика на петлицах. Старший лейтенант

Аввакумов пристально вглядывался в окружающий мир, словно спрашивая: изменилось ли что за прошедшие годы, стало ли меньше зла на земле, прибавилось ли добрых людей?

И мысленно ему отвечаю: будьте спокойны, Николай Михайлович, пришли хорошие времена, отступает забвение от лучших имен, возрождаются дух и душа.

...Мастерская на Чистопрудненской. Здесь, на девятом этаже, работают художники Михаил Аввакумов и его жена Ольга Волкова. В последние годы они заставили говорить о себе не только художественную Москву. Их по праву можно назвать родоначальниками нового направления в советском политическом плакате.

В 1984 году Госкомиздат СССР, Министерство культуры, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, АПН, издательство «Плакат» объявили международный конкурс плакатов «За мир, гуманизм, против угрозы ядерной войны». Художники всех континентов откликнулись на приглашение оргкомитета участвовать в этом представительном творческом состязании. В общей сложности поступило около четырех тысяч произведений, в каждом — озабоченность и тревога за судьбу нашей планеты, гневное предупреждение фашистам современности.

В состав жюри конкурса входили такие прославленные мастера изобразительного искусства, как Херлуф Бидstrup из Дании, Кукрыниксы, Борис Ефимов, Амгалан Дагдангийн, ведущий художник Монголии, японец Сигэо Фукуда...

Первыми среди первых были названы Михаил Аввакумов и Ольга Волкова. Они представили на суд серию плакатов «За мирное будущее человечества». Наверняка читатель уже видел эти замечательные работы, они широко тиражированы у нас и за рубежом.

Кукрыниксы отдали справедливую дань наследникам Николая Аввакумова. Им было больно и радостно голо-

совать за фамилию друга, больно, потому что нет давно в живых Аввакумова, и радостно, что он жив в искусстве и благодаря потомкам.

Аввакумов и Волкова не только ведущие плакатисты, но и признанные графики. Совсем недавно на Крымском валу прошла «Выставка четырех московских художников. Михаил Аввакумов, плакат, графика; Ольга Волкова, плакат, живопись, графика; Юрий Иванов, живопись, графика; Анатолий Якушин, живопись, графика».

Выставка небесспорна, но тем и хороша,— вызвала неадекватную реакцию ценителей искусства.

Особенно неоднозначна графическая серия «Старые деревья» — философская поэма, исполненная литографским карандашом Николая Аввакумова. Да, да, я не оговорился. Сорок лет лежал без движения этот карандаш, и Михаил Аввакумов, почувствовав свою зрелость, взялся за инструмент отца.

Художники знакомят меня со своими новыми работами, а со стены доброжелательно смотрит на нас с юношеского автопортрета Николай Аввакумов.

Разговор идет и о жизни художников, о влиянии искусства на нашу жизнь, и о судьбе Николая Михайловича Аввакумова. Его творчество до сих пор не оценено по достоинству, а текущая художественная критика сознательно или несознательно пытается поставить Аввакумова во второй эшелон.

— Кстати, с изданиями отцу никогда не везло. Книга Пророковой о нем пролежала в издательстве чуть ли не десять лет.

— Отец не забыт,— продолжил Аввакумов-младший,— его работы и сейчас привлекают музеи. Так, намерен приобрести военные рисунки создающийся музей на Поклонной горе. Но его имя все-таки в какой-то дымке. Меня искренне поражает, что в Аввакумове видят или индустриального или военного художника. А он был про-

сто художником. Хорошо сказал об этом секретарь СХ РСФСР Николай Воронков на открытии последней выставки моего отца в Москве, вспомнив, как его поколение молодых рисовальщиков после войны ходило в Третьяковку «на Аввакумова». Помните работу отца «Портрет жены художника»? Поставь под ним подпись первого из художников, и за право владеть этим рисунком соревновались бы лучшие музеи мира. А он хранится в семейном архиве.

Слушая эти размышления, я опять вспомнил эпитет «скромное» в применении к творчеству Николая Аввакумова, но уже в подсветке Паоло Веронезе. Ничего, рано или поздно жизнь воздаст каждому по его заслугам.

— А что у вас в Асбесте?

Многие новости москвичам известны, но не все. Они не знали, что Свердловский облисполком поддержал ходатайство асбестовцев о присвоении Дворцу пионеров имени Н. М. Аввакумова. Они не знали о том, что юные краеведы, минуя все инстанции, попросили Министерство связи СССР выпустить к 80-летию художника маркированный конверт.

— Хорошо бы устроить в Асбесте совместную выставку отцовских и наших работ,— предлагает Михаил Николаевич.

Хорошо бы!

На прощание Аввакумов-младший передал в дар музею новые издания своих и отцовских плакатов.

— И еще передайте землякам привет...

И вам привет, Михаил Николаевич и Ольга Александровна, успехов в многотрудном деле!

УЛИЦА АВВАКУМОВА

На бывших хитных ямах, где шестьдесят лет назад юный художник писал этюды с абестовских друзей, растут девятиэтажные дома, ведется строительство газопровода. А неподалеку отсюда полыхает припорошенная октябрьским снежком красная рябина во дворах улицы имени Аввакумова.

Улица названа именем выдающегося графика в 1977 году. Это тоже заслуга школьных следопытов, которых поддержали Союз художников РСФСР и Государственная Третьяковская галерея.

Теперь здесь ежегодно 24 августа отмечается день рождения Николая Аввакумова: устраиваются выездная выставка его произведений, концерты, непременно чаепитие. Сюда приезжают родственники и друзья художника.

На каждом таком празднике жители обязательно знакомятся с новыми поступлениями в музей Н. М. Аввакумова: это и рисунки самого художника, и произведения его соратников, документы и книги...

Наступил и такой день, когда из Москвы пришел бесценный дар — 17 подлинных произведений Аввакумова, сделанных в 1944 году в поездке по фронтам с группой художников Студии имени Грекова и линогравюра «Портрет матери», исполненная тринадцатилетним Колей Аввакумовым, внуком Николая Михайловича, мечтающим тоже стать художником.

Улица Аввакумова.

Горят на ветру рябиновые кисти в палисадниках, словно посылая привет уральской рябинушке, посаженной у бронзового памятника художнику в Донском монастыре.

Алые кисти рябины...

Биографическая хроника жизни Н. М. Аввакумова

- 1908** Родился 24 августа на Коревинском асбестовом прииске Белоярской волости Екатеринбургского уезда Пермской губернии (теперь город Асбест Свердловской области).
- 1923** Поступил на первый курс Екатеринбургского художественного училища.
- 1924—1925** Учился в Асбестовской школе фабрично-заводского ученичества.
- 1925—1928** Студент Пермского художественного техникума.
- 1929** Работает художником свердловской пионерской газеты «Всходы коммуны», член, а затем председатель Свердловского филиала АХР.
- 1930** Работает художником на строительстве Магнитогорского металлургического комбината.
- 1931** Избран депутатом первого созыва Магнитогорского городского Совета.
По путевке магнитогорского комсомола направлен на учебу в Московский художественно-полиграфический институт.
- 1932—1941** Работает в редакции газеты «Комсомольская правда», сотрудничает в центральных газетах, журналах, издательствах.
- 1933** Участвует в подъеме ледокола «Садко» на Белом море.
- 1934** Вступил в члены МОСХ.
- 1941—1944** Служит художником газеты «Фронтовик» 3-й Ударной армии.
- 1943** Принят в члены Коммунистической партии.
- 1944—1945** Работает в Студии военных художников имени М. Б. Грекова.
- 1945** Умер 8 декабря в Москве.

Музеи и выставочные залы, в которых находятся произведения Н. М. Аввакумова

Государственная Третьяковская галерея. Москва
Государственный Русский музей. Ленинград
Государственный Литературный музей. Москва
Государственный Исторический музей. Москва
Государственный музей изобразительных искусств
имени А. С. Пушкина. Москва
Центральный музей Вооруженных Сил СССР. Моск-
ва
Центральный музей В. И. Ленина. Москва
Музей имени А. М. Горького. Москва
Музей А. В. Суворова. Ленинград
Художественный фонд РСФСР. Москва
Музей-панорама «Бородинская битва». Москва
Свердловский музей изобразительных искусств
Дом-музей Б. И. Пророкова. Иваново
Пермская государственная художественная галерея
Магнитогорский краеведческий музей
Музей Н. М. Аввакумова. Асбест

Персональные выставки

- 1930 Выставка рисунков Н. М. Аввакумова.
Магнитогорск
- 1944 Выставка фронтовых рисунков Н. М. Аввакумова.
Действующая армия
- 1949—1950 Выставка рисунков Н. М. Аввакумова.
Москва
- 1979 Выставка работ Н. М. Аввакумова.
Асбест
- 1980 Выставка работ Н. М. Аввакумова.
Ленинград, Москва
- 1983 Выставка работ Н. М. Аввакумова.
Иваново

Выставки с участием Н. М. Аввакумова

- 1930 Выставка АХРа. Свердловск
- 1931 Выставка «Командоры в индустрии».
Москва
Художественная выставка к 15-летию РСФСР.
Москва
1-я выставка общества «Союз советских художников».
Москва
- 1934 Выставка начинающих молодых художников.
Москва
- 1936 Выставка-смотр молодых художников.
Москва
- 1940 Новые произведения советских графиков.
Москва
- 1942 Всесоюзная художественная выставка «Наша Родина» к 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции.
Москва
- 1945 Выставка Студии военных художников имени М. Б. Грекова.
Москва
- 1946 Всесоюзная художественная выставка.
Москва
- 1955 Выставка памяти художников-фронтовиков.
Москва
- 1958 Всесоюзная художественная выставка «40 лет ВЛКСМ».
Москва
Художественная выставка «По дорогам войны».
(К 40-летию Вооруженных Сил СССР.)
Москва
- 1960 Художественная выставка «15 лет со дня Победы».
Москва
- 1965 Выставка военных зарисовок. Москва
- 1968 Выставка советской графики. Болонья
«Московские художники фронтовой печати» — филиал Всесоюзной выставки «На страже Родины», посвященной 50-летию Советской Армии и Военно-Морского Флота. Москва
- 1976 Выставка фронтовых рисунков и этюдов. Ленин-

- град, Орел, Мценск, Белгород, Курск, Воронеж, Новороссийск
- 1977** Художественная выставка «Советский портрет». Москва
- 1978** Всесоюзная художественная выставка «Молодая гвардия Страны Советов», посвященная 60-летию Всесоюзного Ленинского комсомола. Москва
Художественная выставка, посвященная 50-летию Магнитогорска.
Магнитогорск
- 1985** Выставка военных художников, посвященная 50-летию Студии имени М. Б. Грекова. Москва
Всесоюзная художественная выставка «Подвиг тыла». Москва
Всероссийская художественная выставка «Мир отстояли — мир сохраним». Москва

Библиография

Книги. Каталоги

Аввакумов Н.— М.: Сов. художник, 1949.

Аввакумов Н. М. Выставка рисунков: [Каталог] / Вступ. ст. Никифорова Б.; Сост. Лобанова Ю. В., Членова Е. В.— М.: Сов. художник, 1949.

Никифоров Б. Аввакумов.— М.: Искусство, 1950.

Ольшанская Н. Н. М. Аввакумов.— М.: Сов. художник, 1952.

Пророкова С. Николай Аввакумов.— М.: Сов. художник, 1969.

Николай Аввакумов. Графика: [Каталог] К семидесятилетию со дня рождения / Вступ. ст. Пророкова С. А.; Сост. Комова Н. К.— М.: Сов. художник, 1979.

Статьи

Комсомолец-художник Аввакумов // Комс. правда.— 1932.— 12 янв.
Из фронтового альбома // Комс. правда.— 1944.— 21 марта.

Воробьев Е. Художник-воин // Огонек.— 1946.— № 18.

На выставке Аввакумова Н. М. // Огонек.— 1949.— № 42.

Выставка рисунков художника Н. М. Аввакумова // Комс. правда.— 1949.— 6 окт.

Сергеев М. Художник-патриот // Сов. искусство.— 1949.— 15 окт.

Воробьев Е. Прекрасное долголетие // Комс. правда.— 1958.— 24 авг.

- Тимофеев Ю. О счастье художника // Московский художник.— 1958.— 5 сент.
- Никитин П., Рубцов Н. Художник Н. М. Аввакумов // Асбестовский рабочий.— 1958.— 7 мая.
- Гутман Л. Навечно в строю // Искусство.— 1965.— № 5.
- Левин Ю. Прописан в родном городе // Уральский рабочий.— 1977.— 14 янв.
- Санатин В. Родство на улице Аввакумова // Пионерская правда.— 1981.— 20 окт.
- Пророкова С. В доме друга // Асбестовский рабочий.— 1983.— 18 окт.
- Чяплявичюте В. Улицы Аввакумова // Комс. правда.— 1983.— 19 нояб.
- Андаева Р. Фронтные рисунки Николая Аввакумова // Асбестовский рабочий.— 1984.— 20 сент.
- Андаева Р. Аввакумов в Перми // Асбестовский рабочий.— 1985.— 8 июня.
- Чечулин А. Художник Николай Аввакумов // Урал.— 1986.— № 8.

Книги, иллюстрированные Н. М. Аввакумовым

- Ильин А. Библейские мотивы.— Уралгиз, 1929.
- Нариньяни С. Дорога в совершеннолетие.— Огиз: Мол. гвардия, 1932.
- Диковский С. Застава N.— Огиз: Мол. гвардия, 1933.
- Колосов М. Избранное.— Огиз: Мол. гвардия, 1933.
- Жуков Ю., Нариньяни С. Счет на чуткость.— Огиз: Мол. гвардия, 1933.
- Бутковский Г. Порт-Артур.— М.: Мол. гвардия, 1935.
- Нариньяни С. Сверстник.— М.: Мол. гвардия, 1935.

Содержание

3/ Вечер в Лефортово	127/ Памятная командировка
4/ На берегах Рефта	132/ На уровне Ступинской
высоты
10/ Смолкли оркестры	135/ Малик, шырыгым...
19/ Первый учитель	138/ Ода 3-й Ударной армии
25/ Свой среди своих	144/ На дорогах Победы
30/ Первый карандаш мира	155/ Последний портрет
35/ Житие в Перми	159/ Место встречи — музей
48/ Первая неудача	165/ На чистых прудах
50/ На ближних подступах	169/ Улица Аввакумова
54/ Яростный ветер Магнитки	170/ Биографическая хроника
жизни Н. М. Аввакумова
65/ По московскому времени	171/ Музеи и выставочные за-
лы, в которых находятся
произведения Н. М. Авва-
кумова
74/ На море студеном	171/ Персональные выставки
78/ «Прелесть этой работы...»	172/ Выставки с участием
Н. М. Аввакумова
82/ Аввакумов и Горький	173/ Библиография
86/ По следам пермской на-
ходки	
94/ Испытание газетой	
98/ Аввакумов и Пророков	
114/ Действующая армия	
119/ На линии огня	
124/ Фронтные радости	

Чечулин А. И.

Ч-57 Н. Аввакумов.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1988.— 176 с.: 32 с. ил.

ISBN 5—7529—0087—5

50 к. 10000 экз.

Книга о замечательном художнике-графике, уроженце города Асбеста.

Выходит в серии «Наши земляки», предназначена широкому кругу читателей, интересующихся изобразительным искусством, историей уральского края.

Ч 4901000000-080
М 158(03)-88 83-88

ББК 85.153(2)

**Алексей Иванович
Чечулин**

Н. АВВАКУМОВ

Редактор

М. Э. Чупрякова

Художник

А. Г. Мареев

Художественный редактор

В. С. Солдатов

Технический редактор

Л. М. Голобокова

Корректоры

М. Ф. Худякова,

М. А. Казанцева

ИБ № 1659

Сдано в набор 28.04.88. Подписано в печать 29.07.88.

НС 19384. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.

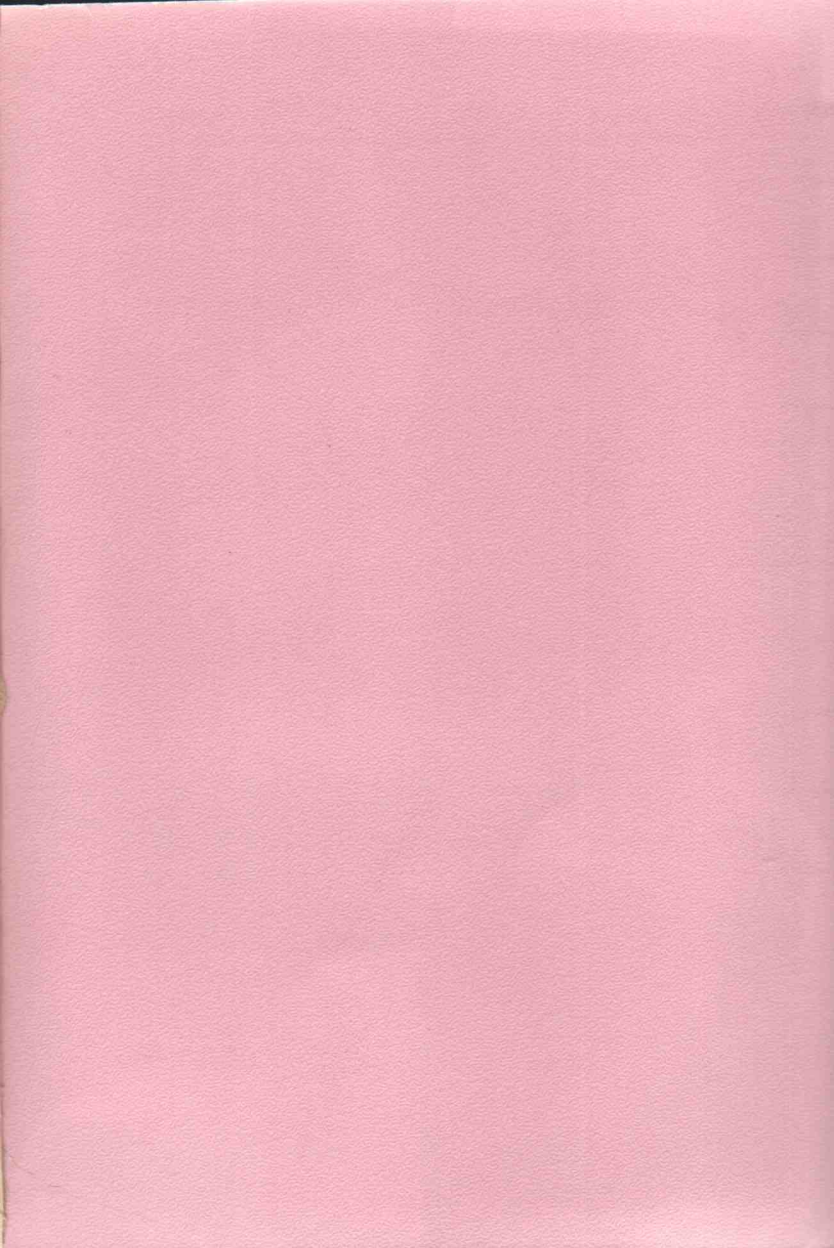
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,1.

Усл. кр.-отт. 9,4. Уч.-изд. л. 10,2. Тираж 10000. Заказ 143. Цена 50 к.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск,

ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий»,

620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

Аввакумов — русский самородок. Он был коммунистом по убеждениям и образу жизни. Публицистическая деятельность его совпадает со временем прихода к власти в Германии фашизма. Как художник он боролся против фашизма и войны. Когда Германия напала на нашу Родину, Аввакумов надел шинель солдата. Он любил нашу социалистическую явь; он созидал ее; он защищал ее; он и погиб солдатом. Вот в чем главный пафос.

Борис Пророков,
народный художник СССР.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1988